

K-14038

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

П 326131

ВІСНИК

**ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

№ 384 (Том 1)

**ПРОБЛЕМИ МОВИ ТА
МОВЛЕННЄВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ**

Харків
Видавництво "Константа"
1995

257.000-

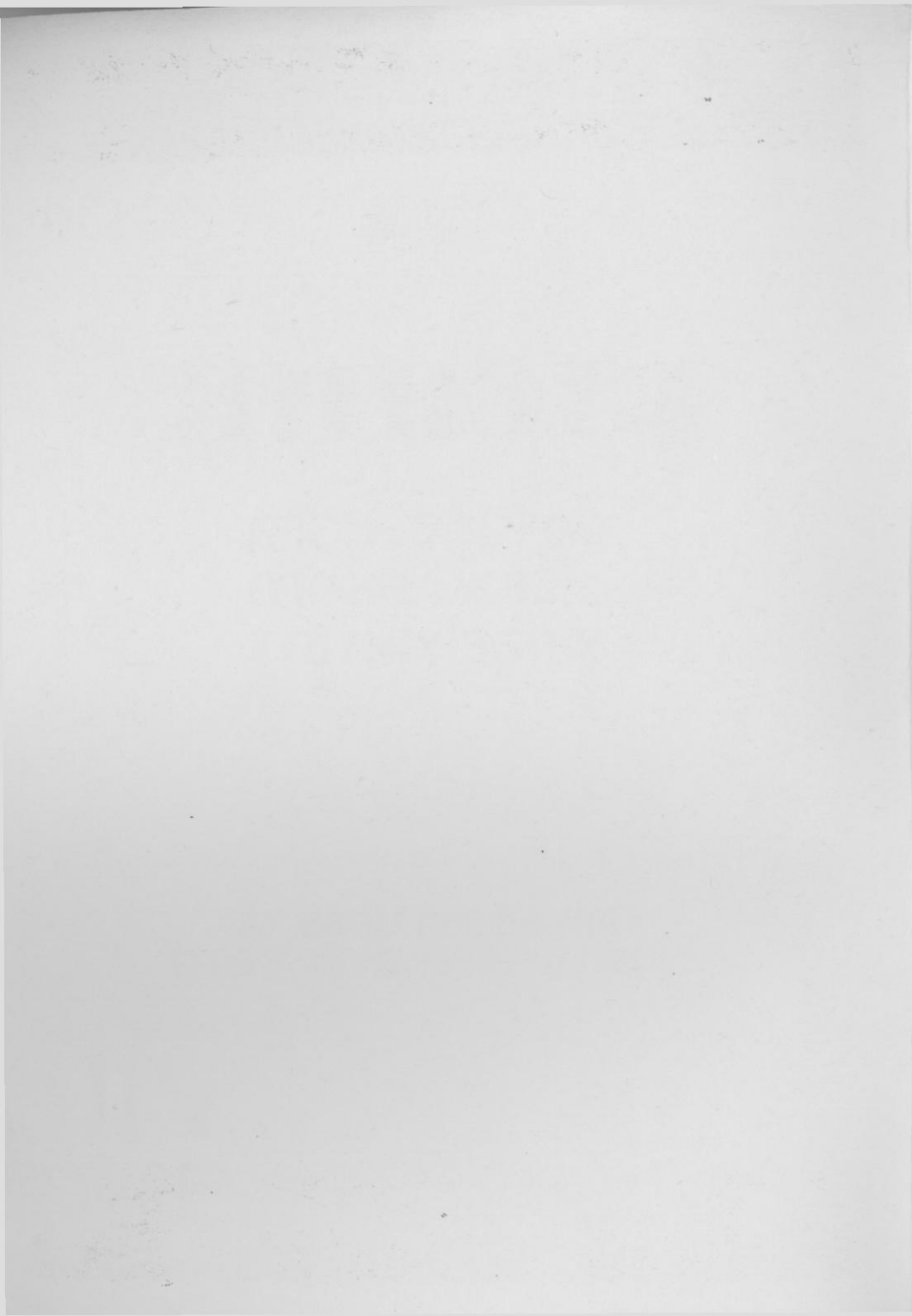
КОНСТАНТА

V.N. Karazin Kharkiv National University

00296120

6

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

№ 384 (Том 1)

Заснований у 1965 р.

ПРОБЛЕМИ МОВИ ТА МОВЛЕННЕВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Харків

Приватне видавництво "Константа"

1995

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№0384 (Том 1)

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В вестнике представлены статьи, содержащие результаты исследований в области лингвистики текста, коммуникативно-интенционального анализа речи в синхронии и диахронии, структуры языка, перевода и стилистики. Также освещаются теоретические и практические проблемы методики преподавания иностранных языков.

Для научных работников и специалистов.

У віснику подані статті, що містять результати досліджень в галузі лінгвістики тексту, комунікативно-інтенціонального аналізу мовлення в аспекті синхронії та діахронії, структури мови, перекладу та стилистики. Також висвітлюються теоретичні та практичні проблеми методики викладання іноземних мов.

Для науковців і спеціалістів.

Редакционная коллегия: И.С. Шевченко (отв. редактор), Г.В. Ейгер, П.И. Донец, А.И. Дородных, Л.В. Конопельцева (отв. секр.), В.Г. Пасынок, А.А. Прокопчук, Е.В. Тарасова, Л.Н. Черноватый.

Адрес редакционной коллегии: Украина, 310077, Харьков-77, пл. Свободы, 4, Факультет иностранных языков, тел. 457-504

Copyright ©

Харьковский
государственный университет, 1995 г.

Ж-14038

О.П.АНДРЕЕВА, канд.филол.наук,
Э.Г.ПАПОВЯНЦ, канд.филол.наук

ВНУТРЕННИЙ ГИПОСТАЗИС ПО ЛИНИИ РАЗВИТИЯ НЕИСЧИСЛЯЕМЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ИСЧИСЛЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В отличие от большинства авторов теоретических исследований и практических руководств, считающих, что в английском существительном прослеживаются два субкатегориальных подкласса — исчисляемых и неисчисляемых существительных, данная работа основывается на тезисе о том, что в системе языка английские существительные распадаются на два основных субкатегориальных подкласса — одноядерные, т.е. включающие субкатегориальные разряды только исчисляемых или только неисчисляемых существительных, и двуядерные, включающие субкатегориальные разряды исчисляемо-неисчисляемых и неисчисляемо-исчисляемых существительных. Граница между одноядерными и двуядерными существительными мобильна.

В результате внутреннего гипостазиса, под которым понимается внутрилексемная конверсия, в границах лексемы возникает вариант с иной субкатегориальной характеристикой, т.е. происходит развитие исчисляемых значений у неисчисляемых существительных и обратный процесс.

Явление внутреннего гипостазиса следует рассматривать как один из случаев проявления микровариативности, т.е. вариативности внутри лексемы. В результате внутреннего гипостазиса возникает семантико-морфологический вариант в границах исходной лексемы, отличающийся от нее семантическими, морфологическими, комбинаторными и прагматическими характеристиками. Внутренний гипостазис не ведет к возникновению новой лексемы и не предполагает коренного изменения ее содержания.

В процессе внутреннего гипостазиса происходит перераспределение признаков сигнификата: ведущий признак, лежащий в основе сигнификата и входящий в его понятийное ядро, оказывается семантически приглушенным за счет выдвигания другого признака как более актуального для данного контекста и более соответствующего авторской интенции.

Внутренний гипостазис является живым, активно протекающим процессом в современном английском языке. Гипостатические изменения могут иметь разную степень стабильности, приобретая узуальный характер или оставаясь в рамках окказионального употребления.

По данным настоящего исследования развитие неисчисляемых значений у исчисляемых существительных происходит примерно в 14% случаев внутреннего гипостазиса, причем свыше 30% от общего числа переходов по этой линии не зарегистрированы словарями.

Некоторые ученые отрицают возможность перехода существительных в разряд неисчисляемых [8, с.30]. Другие признают такую возможность за исчисляемыми существительными, обозначающими названия растений [3, с.164; 4, с.112]. Упоминание принципиальной возможности подобного рода переходов встречается всего в нескольких работах (R.Quirk, S.Greenbaum, G.Leech, J.S.Svartik; H.Palmer; H.A.Gleason), однако в них отсутствует конкретный анализ переходов и характеристика состава классов данных существительных.

Как показало данное исследование, развитие двудерности, в данном случае появление неисчисляемых значений у исчисляемых существительных, не ограничивается группой “названия растений” и охватывает следующие семантические группы существительных:

- I) существительные нарицательные, конкретные, единичные, неодушевленные, обозначающие:
 - а) названия частей тела, например, *a lot of nose, a good deal of leg, a lot of face and chin*;
 - б) предметы одежды: *much stocking, a lot of hat*;
 - в) названия растений и их частей: *the lacery of twig, a clump of laurel, belfries of bud*;
 - г) существительные с пространственным значением: *plenty of beach, the continent of fence, a lot of river*;
 - д) предметы повседневного обихода и близкие им по значению: *plenty of brush, much egg, more chair, all window, a lot of bow*.

Суммарная совокупность данной группы 60 % от общего числа случаев.

- II) существительные нарицательные, конкретные, единичные, одушевленные, обозначающие:
 - а) людей: *a lot of man, much woman, a good deal of butler*;
 - б) птиц, животных: *a coat of milk, smell of horse, roast goose*.Удельный вес этой группы около 30 %.

- III) лексемы, обозначающие предметы, единственные в своем роде, “Уника”: *plenty of sun, much moon, less God*.

- IV) нарицательные существительные типа *more drama, much theatre, less gripe*.

Теоретически допустимо использование внутреннего гипостазиса и с другими классами лексем, но за пределами перечисленных классов это явление зарегистрировано в незначительном числе случаев.

Полагаем, что в основе избирательного характера внутреннего гипостазиса лежит обусловленная семантическим потенциалом вышеназванных групп лексем возможность их использования для вторичной образной номинации, метонимической или метафорической. Матричная лексема не содержит кодифицированного варианта со значением неисчисляемости, например, (смычковая игра): *For both exercises use more bow* (P.Fortelier).

Мотивация переосмысления конкретных исчисляемых существительных, обозначающих растения или животных, в неисчисляемые со значением массы вещества семантически прозрачна: *three oaks, a table of oak, five sables, a fur-coat of sable*.

В семантической структуре существительных, относящихся к антропосфере (названия людей, частей человеческого тела), а их большинство среди незарегистрированных словарями случаев, заложены потенции их переосмысления из названий носителей определенного набора признаков, закрепленных в сознании языкового сообщества, в названия самих признаков: *(There is too much wife about her)* (Bates) или доминирующего признака, подавляющего остальные: *He was all nose*. R. Chandler).

В таких случаях отчетливо прослеживается прагматилистическая интенция говорящего (пишущего), часто ориентированная на создание комического или

пейоративного эффекта, достижение иллюкутивной экспрессивной цели: *The fewer the calories the less the wife.* (S. Baker).

Как утверждает Арутюнова Н. Д. [1, с.6], оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, похвалы или осуждения.

Следует отметить, что кодифицированные словарями переходы по линии развития неисчисляемости в большинстве своем стилистически нейтральны, их основным функциональным назначением является вторичная номинация: в результате внутреннего гипостазиса у существительных, обозначающих конкретный предмет, развиваются значения недискретности для обозначения массы вещества: *Take lots of cabbage, cucumber (Woman)* или абстрактного понятия, например, *She needs more sun in life* (T. Coldwell).

К стилистически нейтральным относятся также и отдельные незарегистрированные словарями примеры типа "more bow", где гипостазис выступает как самый экономный способ номинации.

Однако, незарегистрированные словарями окказиональные переходы по линии развития неисчисляемости, как правило, несут прагматилистическую нагрузку. В подобных случаях усложняется семантическая структура слова за счет компонентов, несущих информацию об эмоциональном восприятии предмета, обозначенного словом, и его прагматической направленности, например: *"There's twelve stone or so of solid butler to be accounted for"* (A. Christie); *There is a lot of stolid, earthy peasant in him* (E. O'Neil).

Аналогичную точку зрения находим у Арутюновой Н. Д., которая отмечает, что прагматическое значение больше, чем дескриптивное, подчиняется воле говорящего [1, с.].

Языковое сообщество может отвергнуть или принять новообразование, закрепление которого в языке в ряде случаев не вызывается потребностями коммуникации в широком смысле слова, но преследует частную цель — добиться определенного прагматилистического эффекта, квалификации. В данном случае существенна не способность подобного семантического развития конкретной лексемы, но сам факт существования в языке такого живого процесса. Слова — социальные инструменты, объективность важна для их выживания [2, с.30].

Связь между обозначением и обозначаемым в подобных случаях оказывается неустойчивой, хотя в ней заложены потенции перерастания в постоянную связь, которые могут быть реализованы при возникновении потребности.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988. 339 с. 2. Куайн У. В. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. XVIII. С. 2499. 3. Christopher sen P. The Articles A Study of their Theory and Use in English. London: Humphrey Milford, 1939. 206 p. 4. Close R. A. Reference Grammar for Students of English. Moscow. Prosvesheniye, 1979. 463 p. 5. Gleason H. A. Linguistics and English Grammar. New York: Holt, Rinehard and Winston, 1965. 519 p. 6. Palmer F. R. Grammar. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 200 p. 7. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. Moscow: Longman 1982. 391 p. 8. Roberts P. Modern Grammar. New York: Harcourt, Brace and World, 1968. 439p.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КОНСТАТИВА ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

В ходе диалогического общения происходит оценка ситуации действительности партнерами по диалогу, при этом позиции говорящих нередко оказываются полярными. Отношения противопоставления свидетельствуют о несоответствии, несходстве, противоположности содержания исходной и ответной реплик. Негативное отношение адресата, выраженное констативным речевым актом, к содержанию реплики адресанта выражается с помощью разнообразных средств и приемов.

Под противопоставлением вслед за В.И.Исаковым [1970:104] мы понимаем такой вид диалогического взаимодействия, при котором отдельные элементы ответа противопоставляются отдельным элементам исходной реплики на основе отождествления большинства элементов, входящих в обе реплики. В сфере противопоставления реализуются два принципа: принцип антитезы и принцип противительного компромиса [Ляпон 1986:152].

Принцип антитезы предполагает диаметрально противоположность явлений, о которых идет речь в исходной и ответной репликах. Логической основой антитезы является взаимное отрицание, которое находит выражение в виде эксплицитного отрицания в ответной реплике (примеры 1,2) или выражается имплицитно смысловым противопоставлением реплик диалога (пример 3). Например:

- (1) *Well, it's over.*
On the contrary, it's just begun (A. Sillitoe);
- (2) *Miguel: I love you.*
Adrien: No, you don't (N. Coward);
- (3) *Captain Montgomerie: I trust you have good news for me.*
Lady Frederick: Captain Montgomerie, every one here knows the circumstances that have brought you (S. Maugham).

Наблюдение над языковым материалом позволяет сделать вывод о том, что в сферу противительных отношений вовлекаются эксплицитные элементы, входящие в состав исходной и ответной реплик и представляющие собой:

1) предикаты, выражающие исключают друг друга понятия, т.е. являющиеся антонимами (примеры 1,2) или утвердительной и отрицательной формами одного и того же глагола (пример 3). Противопоставление при этом может сопровождаться синтаксическим параллелизмом, который усиливает противительные отношения:

- (1) *I'll make you some coffee. You look turked out, Mrs. Princy.*
I'm all right. (A. Maltz);
- (2) *O'Keefe: Your affairs are fishy.*
Dangerfield: My life is an open book (J. Donleavy);
- (3) *You hate me.*
I don't hate you, Julia (J. Cheever).

Ответная реплика данного типа может быть представлена сложным речевым актом, включающим аргументацию: *Christian. You are a kid, Charlotte. Graves: I'm not a kid. I feel awful* (J. Donleavy); *Ernest (...): Phew! It is hot in here! Father (...): Hot. It's not hot. I could do wi' it ten times hotter* (D. Lawrence).

Значение противопоставления может интенсифицироваться с помощью форматоров уверенности: *Deely: She was incomparable. Kate: Oh, I'm sure she wasn't.* (H. Pinter); *Ernest: You're a funny kid. Carol (severely): I'm not funny, and I'm certainly not a kid.* (J. Priestly).

Коммуникативные единицы противопоставления могут включать сирконстантные номинации времени (пример 1) и места (пример 2):

- (1) *Ergene: Laura and I are going on a picnic.*

Eliza: Not now, you're not. (K. Flings);

- (2) *Val: Her brother's heard she's here and he's coming to pick her up.*

Lady: David Cutrere is not coming in this store (T. Williams);

(3) Объекты и предикаты. При этом противопоставление сочетается с обобщением (пример 1) или конкретизацией (пример 2) субъектных и объектных номинаций:

- (1) *You're upstaging Doris again.*

I'm doing no such thing. (A. Hotchner);

- (2) *You have done everything..*

No. I just started the cakes. (E. Hemingway);

(3) Сирконстантные номинации времени, которые могут быть не выражены в исходной реплике и получают эксплицитное выражение в ответной реплике. Вводя в ответ наречие *never* с обобщенновременным значением, адресата интенсифицирует значение несогласия, которое может иметь оттенок успокоения (пример 2), негодования (пример 3). Противопоставление может сопровождаться обобщением объектных номинаций. Например:

- (1) *Hazel (...): I've always thought it must be much more fun being a girl than being a man.*

Kay: I'm never sure (J. Priestly);

- (2) *If he strikes Maman, I'll kill him, Jordi!*

Pere would never strike Maman (Th. Wilder);

- (3) *It says in the complain that you stamped the man while he was lying on the ground! I never stamped anybody in my life* (I. Shaw).

Ответная реплика данного типа может представлять собой сложный речевой акт, которому присуща структура градиационного ряда с постепенным нарастанием эмоциональной насыщенности, чему способствует использование эмоционально окрашенной лексики. Компоненты речевого акта при этом находятся в отношении конкретизации: *Alice: It was only this afternoon she was sitting in that chair with a pot of tea. You can say what you like, she was all right till you started on our Billy. Geoffrey: She was never all right. She hadn't been all right for bloody months* (K. Waterhouse and W. Hall);

- 4) Субъекты, субъекты и предикаты; в качестве сопровождающего показателя противительного значения выступает синтаксический параллелизм: *Miss Alise (...): You're shivering, Julian. Julian: No, Miss Alice, it is you ... you are shivering.* (E. Albee). *Susan: Aaron, darling! You look rested. I'm glad. Aaron: You look tired. I'm sad.* (D. Schary).

Оппозиционные отношения могут сопровождаться обобщением субъектных номинаций, базирующихся на родовидовом противопоставлении, когда происходит замена субъекта, передающего конкретное значение: *Daddy: Maybe Grandma has something to say. Mommy: Nonsense. Old people have nothing to say; and if old people did have something to say, nobody would listen to them* (E. Albee).

Противительные отношения могут также возникать между имплицитными элементами исходной реплики и их эксплицитными коррелятами в ответной

реплике. В сферу противопоставления в этом случае вовлекаются пресуппозиции возможности выполнения действия, эксплицируемые и перечеркиваемые реакцией адресата; при этом возражение адресата не содержит указания на то, является ли описанное действие субъективно или объективно невозможным:

- (1) *Margaret: Will wants to marry me, Father.*
More: Well, he can't marry you (R. Bolt);
- (2) *Willy: I'll go to Boston.*
Howard: Willy, you can't go to Boston for us (A. Miller);
- (3) *Genevra: I'm going to the station with you.*
Bella: Oh, no, Miss Nevvy. You can't do that
(G. Gow and A. D'Usseau).

Имплицитно выраженные пресуппозиции могут быть идентифицированы как *Will thinks that he will marry Margaret but he can't; Willy thinks that he can go to Boston, but he can't do it; Genevra thinks that she can go to the station with me, but she can't.*

Категоричность выражения может быть уменьшена за счет использования форматов снижения категоричности высказывания, например: *Captain Montgomerie: I hope I shall induce you to change your mind, Lady Montgomerie, I'm afraid. I can give you no hope of that (S. Maugham).*

Ответная реплика может указывать на объективную (пример 1) и субъективную (примеры 2,3) невозможность выполнения действия, например:

- (1) *I have a picture of us crossing to the island on the log.*
But men cannot go over the fall like a log! (W. Golding);
- (2) *Dorothy: The children were chattering. The Moonlight's keeping them awake.*
Roger (Looking out of the window): Can't see any moon (S. Smith);
- (3) *Soldier: I think he's dead!*
Shogo (horrified): He can't be dead! (E. Bond).

Реплики диалога могут выражать противительный компромисс, в основе которого лежит идея "некоторого несоответствия" ("частичного несоответствия"). Экспликатеры этого принципа фиксируют внимание на детали или обстоятельстве, которое необходимо принять во внимание, и тем самым накладывают ограничение на абсолютную истинность сообщаемого вне корректива. В этом смысле модальные противительные экспликатеры выступают как модальные корректоры. Экспликатерами принципа компромисса являются релятивы *but, still, though*.

Смысловые связи реплик диалога, связанных отношением противительного компромисса неоднозначны. Они могут иметь оттенок:

1) ограничения, осложняющего семантику противопоставления, указывающего на то, что явление, о котором говорится в ответной реплике, ограничивает возможность осуществления, результативность или полноту проявления явления, о котором говорится в исходной реплике: *Vera: It's the first real spring morning we've had. Dorothy: I expect it's pretty cold, though. (D. Smith); Frank: That friend of Chuch's who was here says there's been a revolution at Harvard. Half the faculty have resigned and they want Chuch for the Classics Department. Winslow: A good idea, but rather abnormal (E. Wilson); Mrs. Piggot-Jones (...): He's so impressive, your ladyship, such natural dignity. Grace: He's still a bit eccentric (P. Barnes);*

2) возмещения, указывающие на то, что явление, описанное в ответной реплике имеет место в дополнение и независимо от явления, описанного в исходной реплике: *Prisoner A.: He's as mad as a coot. Prisoner B.: But charitable (B. Behan); Cynthia: I find your piece on futurology spinechilling. Norman: Brilliantly written though. (A. Wesker); Kalenkhov (...): Ah, love! That is all that is left in the world. Grandpa: Yee, but there's plenty of that (M. Hart and G. Kaufman);*

3) условия, указывающие на семантическую обусловленность, т.е. такую

связь между обозначаемыми явлениями, когда одно явление служит обоснованием другого: *Tisdale: He now thinks that Chettle wrote it. If it's as poor stuff as what we have of Chettle, it was hardly worth the finding.*

Creech: All texts are of equal value if they're authentic (E. Wilson);

Ethel: ... They're a very nice middleaged couple. Just like us. Norman: (...) If they're just like us, they're not middleaged (E. Thompson);

Bimbo (...): Your guard are a bit rough! Dr.Dish: They're good enough fellows when you get to know them (E. Wilson).

Список литературы: 1. И с а к о в В. И. Приемы и способы языкового выражения сопоставительно-противительных отношений между смежными репликами диалогической речи (Науч. тр.) Новосибирск, 1970. Вып. 57: Вопросы германской и романской филологии. С. 101-110. 2. Л я п о н М. В. Смысловая структура сложного предложения. М.: Наука, 1986. 199 с.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

Е. Н. БАХАРЕВА

ТИПЫ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ В ДИАЛОГЕ И РОЛЬ КОММУНИКАНТОВ

В последние годы была начата разработка нового логического аспекта анализа текста (см. работы А. Т. Кривоносова, 1984-1986). Последователи этого направления уже получили интересные результаты. Так на материале русского языка было исследовано сложноподчиненное предложение с придаточным причины, представляющее собой энтимему (Казанская, 1987); на материале английского языка исследованы корреляты модуса CAMESTRES (Кофман, 1987); типы отрицаний модуса BARBARA (Оськина, 1987) и др.

В настоящей статье продолжается начатое автором исследование проблемы реализации умозаключения в пределах диалога [Бахарева, 1987-1990]. В работе рассматривается один из основных вопросов прагматического аспекта данной проблемы — изучение роли коммуникантов в формировании умозаключения.

Мы рассматриваем только те диалоги, в которых в ходе диалогического общения вырабатывается некоторая новая информация, то есть диалоги, связанные с процессом смыслообразования в ходе коммуникации.

Выведение нового знания в диалоге может осуществляться двумя путями. Первый путь предполагает выведение нового знания одним из коммуникантов при наличии стимула, исходящего от второго коммуниканта. В данном случае только один коммуникант является непосредственным продуцентом компонентов умозаключения, роль второго опосредована. Второй путь предусматривает “кооперативное заключение”, когда умозаключение формируется на основании общего вклада коммуникантов, каждый из которых вносит определенную долю в формирование посылок и заключения. В этом случае оба коммуниканта являются непосредственными продуцентами компонентов умозаключения. Таким образом, при формировании умозаключения в диалоге возникает проблема роли коммуникантов.

В этом аспекте мы различаем два типа умозаключения: распределенное и нераспределенное.

Умозаключения, в которых посылки и заключение эксплицитно выражены в реплике (репликах) одного из коммуникантов, а не распределяются между ними, назовем полным нераспределенным умозаключением; примером такого

умозаключення может служить следующий диалог:

(1) *1. 'To begin with', said the cat, 'a dog's not mad.'* 2. *You grant that?* 3. *I suppose so', said Alice.* 4. *'Well then,' the Cat went on, 'you see a dog growls when it's angry, and wags its tail when it's pleased.* 5. *Now I growl when I'm pleased, and wag my tail when I'm angry.* 6. *Therefore I'm mad'* [Carroll, p.103-104].

В приведенном диалоге все компоненты умозаключення принадлежат только одному из коммуникантов. Суждение большей посылки выражено с помощью предложения 4, суждение меньшей посылки реализовано предложением 5, заключение вводится словом 'therefore', которое всегда служит маркером заключительного суждения. Так, все компоненты реализованы отдельными предложениями и их порядок строго соответствует порядку в канонической форме умозаключення:

Any dog is not mad when it growls, being angry

Some cats growl when they are pleased

Therefore, some cats are not sane

Приведенное выше умозаключення построено по правилам второй фигуры по модусу FESTINO.

Два компонента умозаключення в рассматриваемом случае могут быть выражены одним предложением. Так, в диалоге (2) меньшая посылка и заключение выражены одним предложением:

(2) *1. When I asked him why, he shrugged.* 2. *'A man works for money, or for the love of his work.* 3. *If he has all the wealth he needs and has no more love for his work, why go on ?'* (Stanley, p.53).

Предложение 3 представляет собой риторический вопрос, вторая часть которого (после запятой) служит суждением заключения, а первая часть — суждение, реализующее меньшую посылку.

Это силлогизм второй фигуры модуса CAMESTRES.

Но чаще всего умозаключення в разговорной речи не встречается в своей полной форме. Обычно один из компонентов полной структуры опускается, и в диалоге реализуется энтимема:

(3) *1. 'It isn't a letter after all; it's a set of verses'.* 2. *'Are they in prisoner's handwriting ?' asked another of the jurymen.* 3. *'No, they're not', said the Knave, I didn't write it, and they can't prove I did: there is no name signed at the end'* (Carroll, p.168).

В приведенном фрагменте диалога реализована нераспределенная контактная энтимема. В ответ на вопрос одного из присяжных о почерке стихов (предложение 2) Валет пытается доказать свою непричастность к их написанию и при этом прибегает к реализации логической энтимемы с опущенной большей посылкой. Вся энтимема реализована предложением 3. Часть предложения, *'and they can't prove I did'* реализует суждение заключения, а после двоеточия следует языковая форма суждения меньшей посылки. После восстановления в полный силлогизм каноническая форма примет вид:

They can prove something when there's a name signed at the end

There's no name signed at the end

Therefore, they cannot prove anything

Вышеприведенный силлогизм построен по правилам модуса CAMESTRES.

Как и в случае полного умозаключення, компоненты энтимемы могут быть реализованы одним предложением:

(2) *'Tell her not to be silly', said Miss Marple crisply.* 2. *If she didn't take the broosh which I'm sure she didn't she has no cause to be upset'* [Christie, p.148].

В приведенном фрагменте диалога (4) реализован условно-категорический силлогизм. Два компонента силлогизма выражены одним предложением (предложение 2). И, хотя компоненты в приведенной энтимеме следуют контактно,

первый компонент данной энтимемы прерывается вводным придаточным предложением, реализующим второй компонент как меньшую посылку. Таким образом, первая посылка включает две части предложения 2: *'If she didn't take the brooch u she has no cause to be upset'*. Заключение в данном случае вербально не выражено, поскольку для собеседников оно следует как само собой разумеющееся, они оба не верят в виновность их общей знакомой.

Компоненты полного нераспределенного умозаключения могут следовать контактно, то есть один за другим, как в примерах фрагментов диалогов (1) и (2), а также в примерах, обычно приводимых в логических исследованиях.

Полные нераспределенные умозаключения могут быть дистантными. Так мы будем называть умозаключения, компоненты которого прерываются какими-нибудь элементами, непосредственно не участвующими в реализации логической структуры умозаключения. Такие компоненты могут выражать оценку, уточнять высказывание или его часть, подтверждать сказанное и т.п. Однако в исследованном нами материале количество таких вставок невелико и не превышает "магического" числа Миллера (7 ± 2) [Miller, 1967].

Компоненты реализованной в диалоге нераспределенной энтимемы могут также, как и в случае полной реализации структуры умозаключения, располагаться дистантно по отношению к друг другу:

(5) 1. *'She is old and dowdy and dull'*. 2. *'Are you sure she's dull ?' I said.* 3. *'It's true she doesn't say very much, but when she says anything it's very much to the point'* [Maughaum, p.333].

Второе предложение диалога (5) выражает суждение, служащее заключением энтимемы. Затем предложение 3 выражает характеристику лица, о котором идет речь, а после слова *'but'* следует утверждение, формирующее меньшую посылку энтимемы. Восстановив большую посылку, получим каноническую форму:

One who says something to the point is not dull

She says things which are to the point

Therefore, she is not dull

Данный силлогизм построен по первой фигуре согласно модусу CELARENT. Умозаключение, компоненты которого распределены между участниками коммуникации, является распределенным умозаключением. Оно также, как и нераспределенное умозаключение, может быть выражено полно, то есть со всеми эксплицитно представленными компонентами, или же может быть реализацией логической энтимемы:

(6) 1. *R.Chilton: Gertrude, what you tell me may be true, but it happened many years ago.* 2. *No one should be entirely judged by their past.* 3. *Lady Chilton: One's past is what one is.* 4. *It's the only way people should be judged* [Wilde, p.192].

В диалоге реализована логическая форма умозаключения. Все компоненты представлены эксплицитно. Большая посылка выражена предложением 2. Меньшая посылка и заключение (предложения 3 и 4 соответственно) принадлежат второму коммуниканту. Это умозаключение построено по модусу CAMESTRES.

Компоненты данного умозаключения ничем не прерываются. Таким образом, в данном случае мы имеем распределенное контактное умозаключение.

Однако в 80% выборки распределенное умозаключение имеет дистантное расположение компонентов:

(7) 1. *'...but little girls eat eggs quite as much as serpents do, you know.'* 2. *'I don't believe it', said the Pigeon; but if they do, why then they're a kind of serpent, that's all that I can say'* (Carroll, p.89-90).

Предыдущий диалог начинается предложением, заключающим в себе суждение меньшей посылки. Большая посылка (предложение 2 после точки с запятой) и заключение после слова *'then'* отделяется от большей посылки репликой

второго коммуниканта, представляющей собой реакцию на утверждение партнера по коммуникации. Последние слова коммуниканта также не участвуют в формировании компонентов; это слова, которые несут эмоциональную нагрузку, выражающую чувства коммуниканта по поводу услышанного суждения о том, что маленькие девочки едят яйца.

Это условно категорический силлогизм. Распределенное умозаключение может быть реализовано в виде энтимемы:

- (8) 1. *'Unfortunately, I do not even know the lady', he stated curtly.*
2. *'If you don't know her, then what's the idea in carrying her photograph ? 3. It don't make sense'* (Doyle, p.109).

Первое предложение заключает в себе меньшую посылку. Заключение принадлежит второму коммуниканту и реализуется двумя предложениями, которые следуют друг за другом (предложение 2 и 3). Второе предложение уточняет предшествующее. Большая посылка опущена, ее можно вывести на основании заключения: "Нет смысла носить фотографию девушки, которую ты не знаешь." Все три предложения, реализующие энтимему, контактные, следовательно, это распределенная контактная энтимема.

Распределенная дистантная энтимема может быть представлена следующим диалогом:

- (9) 1. *'Do you know Mrs.Sidebottom ?'...2. 'You wish me to talk to Tempest ? 'Yes'...*
3. *'I cannot speak to Tempest just yet. 4. She went into a nursing home for an operation last week'.... 5. 'Oh, well, then you can't do anything for us at present'* (Spark, p.73).

Компоненты реализованной в приведенном фрагменте диалога энтимемы распределены между коммуникантами. На основании информации, содержащейся в репликах первого коммуниканта (предложения 3 и 4), второй коммуникант делает заключение (предложение 5). Большая посылка, представляющая собой фоновые знания коммуникантов, опущена. Реплики, служащие основой компонентов умозаключения, прерываются репликами, непосредственно не входящими в структуру энтимемы (выделены многоточием).

Умозаключение построено по правилам модуса CELARENT (первая фигура).

Роль коммуникантов, участвующих в диалоге, реализуяшем логическую форму умозаключения, может быть опосредованной. Существуют многочисленные случаи, когда важнейшим участником вышеназванного диалога является лицо, которому принадлежит особая, иницирующая реплика. Эта реплика непосредственно не выражает ни один из компонентов умозаключения, то есть не входит в его логическую структуру, но является необходимым условием, стимулом для возникновения умозаключения.

Таким образом, в диалоге коммуниканты по-разному участвуют в реализации логической формы умозаключения, формируя при этом типы умозаключений, характерные для диалога с точки зрения распределенности / нераспределенности компонентов.

Список литературы: 1. К р и в о н о с о в А. Т. "Текст" и логика // Вопросы Языкознания. 1984. № 3. С. 84-100. 2. К р и в о н о с о в А. Т. Отрицание в предложении и отрицание в заключении // Вопросы Языкознания. 1986. № 1. С. 35-50. 3. К р и в о н о с о в А. Т. "Лингвистика текста" и исследования взаимодействия языка и мышления // Вопросы Языкознания. 1986. № 6. С. 23-37. 4. Б а х а р е в а Е. Н. Умозаключение и его языковые корреляты. Харьков: Хар. гос. ун-т., 1987. 34 с. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 32143. 5. Б а х а р е в а Е. Н. Семантический анализ текста: Логический и дидактический аспекты // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Харьков, 1988. С. 232-233. 6. Б а х а р е в а Е. Н. Некоторые особенности выражения умозаключений

в диалогической речи. // *Логико-семантическая структура текста: Межвуз. сб. науч. тр.* М., 1990 С. 68-73. 7. Бахарева Е.Н. Логический анализ текста: дидактический аспект (на материале умозаключений) // *Современная технология обучения иностранному языку в высшей школе: Материалы науч. метод. конф.* Воронеж, 1990. С. 20.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 года.

Л.Р.БЕЗУГЛАЯ,
И.С.ШЕВЧЕНКО, канд. филол. наук.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКА В ТРУДАХ НЕМЕЦКИХ ЛИНГВИСТОВ

Коммуникативно прагматический подход к изучению языковых явлений, при котором язык рассматривается как средство самовыражения и коммуникации, предоставляет возможность успешного переориентирования многих традиционных направлений лингвистики на исследование речевой коммуникации и порождения текста. Стремительно развиваясь в течение последних десятилетий, прагмалингвистика многого достигла в исследовании аспекта синхронии, не затрагивая, однако, аспекта диахронии. Немецкие лингвисты первыми обратились к этому актуальному направлению прагмалингвистики. В 70-80 годы в трудах Хорста Зитты, Дитера Херубима, Генриха Генне, Питера фон Поленца, Стефана Зондеррегера, Геральда Бургера впервые появились тезисы о необходимости, возможности и актуальности изучения прагматически ориентированной истории языка. Исследования немецких ученых немногочисленны, но они имеют большое значение для разработки теоретических основ историко-прагматического направления лингвистических исследований.

Заслуживают внимания взгляды немецких лингвистов по таким основополагающим вопросам, как определение предметной области и задач прагмалингвистических и историко-прагмалингвистических исследований.

Рассматривая проблему существования науки о прагматическом изучении языка прагмалингвистики, немецкие ученые вносят большой вклад в формулирование ее определения, предмета, задач, места в системе дисциплин языкознания. Более того, они расширяют сферу прагмалингвистики, внося новый элемент в прагматические исследования языка элемент историзма, и, таким образом, являются основоположниками нового и, на наш взгляд, перспективного научного направления исторической прагмалингвистики.

Историческую прагмалингвистику исследователи понимают как составную часть прагмалингвистики. По мнению Х.Зитты, синхронная прагмалингвистика без учета исторического измерения является недостаточной и, наоборот, невозможно "сформулировать прагматические исторические отношения без учета прагматических условий понимания (т.е. целей исследования и познания, обусловленных современным интересом)" [3, с.1291].

Немецкие лингвисты считают, что историческая прагмалингвистика представляет собой такую область знаний о языке, которая рассматривает язык с учетом его употребления в конкретной ситуации конкретными субъектами в диахроническом аспекте.

Ее предметом можно считать устную и письменную речь прошлых времен, реконструируемую из письменных источников и рассматриваемую как знаковый процесс с точки зрения коммуникации. "Языковое прошлое, например, 18 столетия, понимается не только как история звуков, форм, слов, предложений и

текстов, но и как представление изменяющегося употребления языка языковыми субъектами: язык в процессе коммуникативных действий становится предметом исторического исследования [2, с.891].

От состояния и точности источников зависит степень реконструкции прошлых времен, а значит, и полнота и достоверность историкопрагматического анализа языковых явлений. Такая специфика предмета исторической прагмалингвистики обуславливает тезис немецких лингвистов об осторожности подхода к конкретному анализу и о приблизительности восстанавливаемых отношений между языковыми знаками и их носителями. Освещая этот вопрос, Х. Зитта прибегает к разграничению порядков знакового процесса. "Знаковый процесс 1" это отношения между коммуникантами, он регулируется повседневым мышлением. Лингвист, руководствующийся принципами прагматики и научным мышлением, исследует "знаковый процесс 1" и связан с ним в более широком "знаковом процессе 2". Коммуникативное средство обоих процессов, язык, одно и то же. Между обоими знаковыми процессами прошло немалое время, изменились социальные условия коммуникации, поэтому лингвисту надо сначала восстановить первоначальные условия передачи и приема исследуемого высказывания или текста, а затем анализировать "знаковый процесс 1". "Мы должны реконструировать исторический знаковый процесс 1го типа... Мы должны реконструировать практику повседневного понимания прошлых дней. Мы должны положить синхронные отрезки с теми же требованиями на другие исторические эпохи и установить связь между полученными "пунктами", несмотря на то, что мы сами не находимся вне времени, а имеем историческое место" [3, с.241].

В результате изучения работ теоретиков немецкой историко-прагмалингвистической школы можно сделать вывод о том, что лингвисты, в основном, едины в трактовке наиболее общих и важных понятий исторической прагмалингвистики. Однако, существуют и разногласия между авторами, по-разному рассматривающими задачи исторической прагмалингвистики. Причины их в различном, на наш взгляд, понимании термина "исторический", о котором говорит Д.Херубим [1, с.91]. Одни лингвисты (Генне, Зондереггер) рассматривают это понятие как "относящийся к прошлому", поэтому выдвигают на первый план задачу исследования исторических, т.е. старых высказываний и текстов и их прагматических особенностей, установление типичных для различных эпох речевых актов и типов текста. "Решающее значение для прагматического исследования истории языка имеет выделение изначальных слоев устной речи из письменных источников..., причем, надо отделить типичные формы устной речи от письменных наполнений и дополнений" [4, с.1321].

Другие лингвисты (Зитта, Херубим, Бургер, фон Поленц) подразумевают под понятием "исторический" — "эмпирический", "основанный на опыте", поэтому считают основной задачей исторической прагмалингвистики исследование языковых изменений в конкретных коммуникативных процессах в течение исторического развития, что позволяет проследить динамику прагматически значимых единиц языка, изменение соотношения определенных ритуализированных форм поведения и применяемых при этом речевых актов в различных временных отрезках, а также прагматические условия развития отдельных видов текста и изменение их прагматических характеристик в течение времени.

Систематизируя взгляды ученых на задачи исторической прагмалингвистики, можно выделить следующие основные направления историкопрагмалингвистических исследований:

- реконструкция устной разговорной речи прошлых времен из письменных источников;
- реконструкция первоначальных условий передачи и приема исторических

типов текста;

- разработка исторической типологии речевых актов;
- исследование прагматически значимых единиц языка в диахроническом аспекте;
- исследование изменения невербальных средств коммуникации в течение исторического развития.

При существующих различиях во взглядах немецких лингвистов можно считать, что они заложили концепцию нового направления, область исследования которого находится на стыке исторической, прагма и социолингвистики.

Продуктивность разработанной немецкими лингвистами теории подтверждается проведением конкретных историкопрагматических исследований. В частности, Г.Генне на материале речи драматургии "бури и натиска" исследовал прагматические свойства немецких частей.

[2]. Можно установить ряд языковых особенностей историкопрагматического плана и при анализе вопросительных конструкций, функционирующих в речи ранненовоанглийской драмы. Например, нам удастся выделить прямые и косвенные случаи реализации речевых актов, характерные для ранненовоанглийского периода локуции и целый ряд других прагматических характеристик речи 16-17 веков.

В целом, можно сделать вывод, что немецкая концепция исторической прагмалингвистики является теоретической основой для проведения исследований коммуникативных свойств речи различных исторических периодов.

Планируется дальнейшая работа над проблемами функционирования языка в процессе коммуникации в различных речевых актах и социальноситуативных контекстах в диахроническом аспекте.

Список литературы: 1. Cherubim D. Un Programm einer historischen Sprachpragmatik. // Sitta H. (Hg.), *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 3-21. 2. Henne H. Probleme einer historischen Gesprächsanalyse. Zur Rekonstruktion gesprochener Sprache im 18. Jahrhundert. // Sitta H. (Hg.), *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 89-102. 3. Sitta H. *Pragmatisches Sprachverstehen und pragmatikorientierte Sprachgeschichte*. Sitta H. (Hg.), *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 23-33. 4. Sonderegger S. *Thesen*. // Sitta H. (Hg.), *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 129-136.

Поступила в редколлегию 10.09.1993г.

И.А.БЕЛЯЕВА

ВЫСКАЗЫВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНИИ КОММУНИКАЦИИ "ВОПРОС — РЕАКЦИЯ НА НЕГО"

В своем исследовании функционирования высказываний субъективной оценки (ВСО) в условиях речевой интеракции в целях более глубокого проникновения в прагматическую сущность рассматриваемых высказываний считаем целесообразным ввести деление ВСО на ВСО первого порядка (ВСО I) и ВСО второго порядка (ВСО II). К первым относятся ВСО первичной экспликации субъектом оценки своего отношения с признаком "положительность" или

“отрицательность” по поводу объекта оценки. Через ВСОII говорящий манифестирует вторичную вербализацию своего одобрения / неодобрения предмета речи.

В настоящей статье мы останавливаемся на ВСОI, характерной особенностью которых является то, что в подавляющем большинстве случаев такие высказывания носят реактивный характер, выступая в составе ответного речевого хода получателя сообщения. Подтверждение сказанному можно найти в различных типах речевого взаимодействия, которое мы, на основе разнообразия обращений коммуникантов друг другу, вслед за Г.М.Кучинским, сводим к трем основным видам: 1. Сообщение — реакция на него, 2. Вопрос — реакция на него, 3. Побуждение — реакция на него [Кучинский 1981:100].

Наиболее жесткая детерминация исходной репликой адресанта свойственна ВСО, выступающим в составе ответного речевого хода адресата на квеситивную реплику адресанта. При этом, в зависимости от типа квеситива меняется прагматический смысл реактивного ВСО. Так, квеситив частноинформативного характера оценочной направленности репрезентирует коммуникативное намерение отправителя речи выяснить характер оценочного отношения адресата к предмету речи:

- (1) 1. G1. Dr Gibbs: How's your knee, Joe?
2. G2. Joe Crowell: Fine., Doc. I never think about it at all. (Wilder: 16)
- (2) 1. G1. Sony got up from the sofa and stretched. 'How does your jaw feel, kid?'
2. G2. 'Lousy,' Michael said. (Puzo:146)

В приведенных выше примерах 1 и 2 Говорящие 2 (адресанты) задают вопросы о самочувствии собеседников, проявляя знание общей ситуации в рамках тематики разговора с адресатами. В то же время квеситивные реплики 'How's your knee, Joe?' (пример 1, речевой ход 1) 'How does your jaw feel, kid?' (пример 2, речевой ход 1) вербализуют “знание о незнании” самочувствие адресатов к моменту разговора. Это незнание восполняется ВСО, выступающими ответными репликами получателей квеситивов. Поддерживая точку зрения В.Я. Шабеса, можно сказать, что в вопросоответном взаимодействии реализуется механизм “выравнивания уровней” до этих пор невербализованного знания участников коммуникации [Шабес 1989:49]. Отвечая на вопрос доктора Гиббса (G1, пример 1), Джо Кроуэлл (G2, пример 1) произносит 'Fine' “Прекрасно”. Трансформируя это высказывание субъективной оценки с учетом глубинной структуры оценочной модели, получаем I evaluate that my knee is fine. Соотношение объекта и оценочного отношения в данном случае выражено фразой 'my knee is fine', которая имеет поверхностную реализацию в данной речевой интеракции 'Fine'. Поступив аналогичным образом с ответом Майкла (G2, пример 2) 'Lousy', получаем I evaluate that the way my jaw feels is lousy', что “сворачивается” в процессе речевого взаимодействия до 'Lousy'.

Нами зарегистрирован корпус примеров, иллюстрирующих функционирование ВСО в качестве ответов на квеситив общеинформативного характера, соответствующий “верификационному” вопросу в классификации Л.П.Чахоян [1979:77]. Квеситивы такого типа предполагают ответ “да” / “нет” — подтверждение адресатом предположения адресанта по поводу предмета речи. Как показывает анализируемый материал, ответные ВСО при этом удовлетворяют запрос адресанта расширенно, то есть, помимо ответов “да” / “нет” передавая также оценку по поводу предмета речи. Таким образом, можно сказать, что при ответе на запрос адресанта реципиент, продуцируя ВСО, манифестирует комплекс значений “да” / “нет” + оценка с признаком “положительность” или “отрицательность”.

- Проилюстрируем сказанное:
- (3) 1. G1. 'You know Sandnes?'
2. G2. 'Yes'. 'I've been playing with him'.
3. G1. 'Good game?'

4.Г2. 'Terrible... High wind, poor visibility'. (Waugh:73).

В примере 3 квеситив Гая (Г1, речевой ход 3) выдвигает предположение по поводу того, что Эпторп (Г2) оценивает игру в гольф с их приятелем Сандерсом положительно (речевой ход 3: 'Good game?' "Хорошая игра?"). Опровергая предположение Гая, Эпторп (Г2) продуцирует ВСО 'Terrible' "Ужасная" (речевой ход 4), через которое помимо ответа "нет" Г2 манифестирует свою оценку с признаком "отрицательность" по поводу партии в гольф.

Как свидетельствуют примеры 1-3, с точки зрения синтаксической репрезентации рассматриваемые ВСО представляют собой неполные предложения. Использование таких ВСО в непосредственном речевом общении дает возможность адресату расширенно ответить также на общесинформативный запрос отправителя речи, в котором отсутствует оценочная ориентация, как например:

(4) 1. Г1. 'You remember him, I dare say?'

2. Г2. 'Vaguely,' said Lettie. [Spark:26]

Ответная реплика Летти (Г2) представляет собой ВСО, выступающее реакцией адресата на запрос Годфри (Г1) об их общем знакомом 'Do you remember him?' "Ты помнишь его?" (речевой ход 1). ВСО 'Vaguely' "Смутно" (речевой ход 2) разворачиваем I evaluate that the way I remember him is vague, где 'vague' сводимо к 'bad', т.е. признаку "отрицательность". Обратимся к следующему примеру:

(5) 1. Г1. 'Is the sun out?'

2. Г2. 'Lovely day, Madam. Shall I open the curtains?' [Krantz:107]

В ответ на свой запрос 'Is the sun out?' "Взошло ли солнце?" Анабель [Г1] слышит 'Lovely day' "Чудесный день". Таким образом, реактивное ВСО адресата включает утвердительный ответ на запрос отправителя речи, а также характеристику с признаком "положительность" по поводу наступившего дня (I evaluate that the day is lovely (→ good)).

Как видно из приводимых примеров, речевой смысл ВСО, используемых Г2 в качестве ответа на квеситивную реплику Г1, сводим к утвердительному или отрицательному ответу плюс вербализация адресатом своего оценочного отношения к предмету речи.

В данной связи совершенно справедливым представляется мнение Дж.Аллена и Р.Перро о том, что хорошая вопросноответная система должна давать ответ, содержащий больше информации, чем эксплицитно требовалось в вопросе [Аллен, Перро 1986:343].

Список литературы: 1. К у ч и н с к и й Г. М. Диалог в процессе совместного решения мыслительных задач (Проблема общения в психологии. М.: Наука, 1981, с.92-121). 2. Ч а х о я н Л. П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М.: ВШ, 1979. 168 с. 3. Ш а б е с В. Я. Событие и текст. М.: ВШ, 1989. 17-57с. 4. Аллен Дж., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании (Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986, с. 322-362).

Поступила в редколлегия 1.09.1992г.

Е.В.БОНДАРЕНКО

ИМЕНА С КОНТЕКСТНО ИМПЛИЦИРОВАННОЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬЮ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АКТУАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

Исследования в области лингвистики текста в последнее время способствуют обнаружению свойств языковых единиц, традиционно не рассматривавшихся. Сказанное относится, в частности, к именам с контекстно

имплицированной темпоральной семантикой. Последнее имеет место, когда темпоральное воздействие глагола предиката на тот или иной именной член предложения ослабевает. В результате такие имена получают иную, чем у глагола, темпоральную направленность под влиянием контекстных факторов. Указанное явление мы назвали темпоральным "погружением" имени в контекст (ТПИК) [1].

Анализ эмпирического материала показывает, что имена могут получать контекстно имплицированную темпоральность, выступая практически во всех своих основных синтаксических функциях: подлежащего, именного компонента составного сказуемого, дополнения (прямого и косвенного). Кроме того, способности к ТПИК могут проявлять

а) имена N_1 в составе предложного сочетания, выступающего в функции определения (типа $N + \text{prep} + N_1$):

It had struck him once or twice she would be the ideal comfort of his old age and was quite sanguine about the likelihood of her remaining a spinster (S. Woodhouse).

Лексическая семантика дополнения likelihood задает проспективную направленность зависимому компоненту предложного сочетания remaining по отношению к глаголу was.

б) имена в составе адвербиальных сочетаний времени, например:

'Now, Mr Gasoigne', continued Wade doggedly, when they all left the stage after the accident, what did you do?' (N. Marsh).

Временной предлог after задает ретроспективную направленность событию, выраженному именем accident, по отношению к глаголу left.

В функциях подлежащего и компонента составного именного сказуемого имена редко оказываются атемпоральными глаголу предикату (14% от общей выборки предложений, содержащих имена с контекстно обусловленной темпоральной семантикой). Фигурируя же в роли второстепенных членов предложения (дополнения, компонента предложного сочетания в функциях определения и обстоятельства времени), именные формы оказываются гораздо более темпорально зависимыми от контекста 86% выборки, причем большая их доля приходится на имена в функции дополнения. Большая уязвимость второстепенных членов предложения для темпорализующего воздействия контекста объясняется сравнительной удаленностью имен во второстепенных синтаксических функциях от предикативного ядра предложения и, следовательно, ослаблением темпорализующего влияния на них глагола предиката. Таким образом, расположение по отношению к ядру предикации можно считать существенным фактором возникновения у имени контекстно обусловленной темпоральной импликации.

Однако, несмотря на возможность выявления некоторой корреляции между "погружением" имен в различных синтаксических функциях в контекст и их расположением по отношению к предикации, традиционный синтаксис не дает ответов на ряд вопросов.

Почему, например, при всем семантическом и логическом единстве элементов ядра предикации между подлежащим и сказуемым может существовать темпоральная разноплановость? Например:

(1) *...he would ask her about the words the clerks used (...)*

(2) *As he thought of that, the words themselves invaded his mind, interfering with his thought process* (W. Trevor).

Согласно контексту [1], слова, которые проносились в мыслях героя, были произнесены задолго до того, как он начал о них вспоминать. Таким образом, имя подлежащее words ретроспективно сказуемому invaded.

Почему в то же время такой второстепенный член предложения, как

дополнение, синтаксически тесно связанный с глаголом, оказывается в темпоральном отношении наименее от него зависимым (и, соответственно, наиболее подверженным влиянию контекста):

Phoe had not liked leaving the parsonage, not least because she was in love with Bested's underling, a tall lanky genial boy called Tod (S. Woodhouse).

Как следует из более широкого контекста, героине только предстояло покинуть дом приходского священника, следовательно, темпоральная референция дополнения, выраженного герундиальной формой *leaving*, проспективна временному плану глагольной формы *had not liked*.

Для того, чтобы объяснить указанные противоречия, очевидно, следует учитывать, что контекстно обусловленная темпоральность имени является функцией текста как продукта коммуникации. Поэтому важно, на наш взгляд, рассмотреть проблему ТПИК в информативном аспекте и, следовательно, обратиться к актуальному синтаксису, который, в отличие от логического, не только "передает объективные отношения между предметами и явлениями объективной действительности", но и дает возможность "субъективного описания в категориях коммуникативного знания" [2].

Актуальный подход к синтаксису тем более отвечает направленности нашего исследования, что позволяет смотреть на предложение и его компоненты с точки зрения их включенности в информационную структуру текста, т.к. "коммуникативная перспектива предложения не ограничена рамками данного предложения, а участвует в текстообразовании и испытывает на себе в первую очередь влияние текста, конститuentом которого оно является" [3].

Исходя из основополагающей для актуального синтаксиса дихотомии темы и ремы ([4], [5] и др.) и принимая определение темы как "того пункта высказывания, который определяет степень контекстуальной зависимости данного высказывания от предыдущих и последующих" [5], мы можем предположить, что имена с контекстно имплицированной темпоральностью относятся к числу ярко выраженных носителей тематической информации текста.

Одной из основных функций тематического компонента высказывания считается его участие в развертывании повествования, обслуживании "гипертемы" текста, причем функция эта ассоциируется прежде всего с единицами субстантивной семантики. "Темой мы считаем предмет, выраженный именными частями речи, т.е. существительным и его эквивалентами, субъективно выбранный говорящим для сообщения о нем некоторых сведений" [5]. Глагольные же (предикативные) функции в предложении и тексте чаще всего ассоциируются с ремой.

Это, на наш взгляд, дает возможность объяснения случаев асинхронности между подлежащим и глагольным сказуемым внутри предикации, т.к. влияние "гипертемы" текста на имя подлежащее в ТПИК является гораздо более сильным, чем воздействие на него глагола. Обусловлено это тем, что темпорально "погруженное" в контекст имя подлежащее и глагол находятся на противоположных полюсах тема-рематической дихотомии.

Аналогичная ситуация складывается с именным компонентом составного глагольного сказуемого, когда глагол-связка характеризуется рематической, а имя в составе сказуемого — тематической принадлежностью:

'What is it ?

- (1) *'It is the Michael Moretti trial. Apparently someone got to one of Bobby di Silva's young assistants and paid off'*
- (2) *'I read about it. The canary'* (S. Sheldon).

По контексту [2], речь в предложении [1], содержащем "погруженный"

именной компонент *trial* в составе именного сказуемого, идет о прошедшем событии, откуда следует, что данный именной компонент не контемпорален глаголу-связке, но ретроспективен ему.

Однако, если главные члены предложения испытывают на себе довольно сильное "давление" внутрипредикатных связей (что объясняет, в частности, довольно малое число темпорально "погруженных" подлежащих и именных компонентов составного сказуемого (10% и 4%, соответственно)), то по отношению к именам в функции дополнения актуализирующий текстовый фактор оказывает несравнимо большее воздействие. Имя-дополнение, в отличие от подлежащего, находясь в состоянии относительной независимости от предикации и являясь элементом текстовой "гипертемы", гораздо более подвержено ТПИК (57% от всех именных единиц с контекстно обусловленной темпоральностью).

Таким образом, в силу субстанциональности своей семантики имя активно включается в тематический состав текста (его "гипертему") и тем самым оказывается на актуальном полюсе, противоположном ядерному элементу предикации глаголу (реме), что создает благоприятную предпосылку для выхода указанных именных компонентов предложения из-под темпорального влияния глагольного сентенционального оператора и "погружения" их в темпоральность целого текста или его части. Условие это является, хотя и не главенствующим, но достаточно важным для возникновения явления ТПИК.

Можно считать, следовательно, что предположение Н.А.Слюсаревой о тематической именной доминанте как характерной черте английского языка [6] находит дополнительное подтверждение на примере актуального текстового поведения имен с контекстно обусловленными темпоральными импликациями.

Список литературы: 1. Бондаренко Е.В. О темпоральности имени и глагола в предложении и тексте. Деп. в ИНИОН АН СССР, № 41777 от 10.05.90 г. 2. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981, С. 85. 3. Чуркова Л.И. Коммуникативное членение сложноподчиненных предложений как компонентов текста // Прагматика и структура текста. Сб. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза, М., 1983. Вып. 209 С.219-232. 4. Enkvist N.E. Contrastive linguistics. Contrastive Linguistics: Prospects and Problems ed. by Saček Fisiak // Trends in Linguistics. Studies and Monographs. 22 Edition. Werner Winter. Mouton Publishers. Berlin. New York. Amsterdam. 1984. P.44-57. 5.см. [2, С. 113]. 6. см. [2, С. 114].

Поступила в редакцию 10.09.93г.

Л.Н.ГОЛЕТИАНИ

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОЙ ИНТЕНЦИИ ГОВОРЯЩЕГО

Вопрос о типах коммуникативной целеустановки на уровне директивного речевого акта (РА) еще недостаточно исследован в аспекте синтаксической семантики. Традиционное положение о том, что "функциональное значение побудительных предложений... определяется функцией императива как глагольной формы, что находит выражение в морфологически ограниченной структуре побудительных предложений" [1, с.100] незыблемо на уровне предложения, но может быть подвергнуто сомнению с точки зрения достижений лингвистической прагматики на уровне предложения, высказывания,

составляющего побудительный РА. Здесь проявляется неполное соответствие понятий "значение побуждения" в конкретном РА и "значение формы повелительного наклонения" [2, с.9].

Предлагаемая статья посвящена исследованию форм реализации побудительной интенции говорящего. "Между разновидностью побудительного коммуникативного действия и его речевым выражением существует взаимосвязь" [3, с.88]. Наша цель установить зависимость между коммуникативными видами некатегорического побуждения и средствами их экспликации в речи.

Как известно, побуждение может выражаться с помощью лингвистических, экстралингвистических и паралингвистических средств. Арсенал лингвистических средств немецкого языка, используемых в директивном РА составляют морфологическая форма императива; формальный вопрос [см. 4]; категорическое употребление настоящего и будущего времен индикатива (в том числе конструкции с модальными глаголами), настоящее время конъюктива (обычно с неопределенно-личным местоимением *man*), другие морфологические формы глагола: инфинитив, причастие II, безличный пассив, а также эллиптически употребляемые имена и наречия в односоставных предложениях [5, с.235]. В синтаксическое поле побудительности входят также изолированные псевдо-придаточные предложения с *wenn* и *daß* в значениях побуждения [6, с.615].

Для исследования были взяты 500 примеров директивов, выражающих некатегорическое побуждение (адресат может, но не обязан выполнить каузируемое действие). При определении коммуникативного вида некатегорического побуждения использовалась классификация несвязывающих (*nichtbindende*) директивов (НД) Г.Хинделанга, главным разделительным критерием внутри которой является признак бенефактивности [7, с.66]. В результате анализа для каждого вида НД были выявлены приоритетная, второстепенная и факультативная формы реализации побудительной интенции. Для краткости будем их обозначать соответственно А, Б и В. Вот каким образом распределились по предложной парадигме перечисленные ранее средства выражения побуждения.

I. Выполнение побуждения в интересах адресата, но безразлично для говорящего.

Инструкция, наставление (*Anleitung*) (говорящий инструктирует адресата, каким образом следует действовать в определенной проблемной ситуации);

А. Категорическое употребление форм изъявительного наклонения в утвердительном предложении (как правило, конструкции с модальными глаголами *können, müssen, dürfen*): "Ja, daß müssen Sie zum Pfarramt gehn". (R.BronsAlbert); "Ja, man darf nur keine Fritten dazu essen!" (R.BronsAlbert);

Б. Формы императива: "Ach mach das so, und guck nochmal nach, wenn das eine Wanze ist, kommt sie wieder nicht" (R.Brons Albert);

В. Безличный пассив: Hier wird nicht geraucht!

Совет (*Ratschlag*) (говорящий каузирует адресату, что тот может или должен сделать, чтобы изменить создавшуюся ситуацию);

А. Формы императива: "Lassen Sie die Finger vom Telefon und schlagen Sie morgen keine Zeitung auf". (H. Böll).

Б. Формы индикатива и конъюктива (в том числе модальных глаголов) в повествовательных и вопросительных предложениях: "Das kannst du verschauern, um deine Kasse ein bißchen aufzubessern." (H. Böll).

В. Не выявлена. Рекомендация, как разновидность совета (*Empfehlung*) (советуя, говорящий всегда дает оценку, что обосновывает каузируемое действие как оптимальное из имеющихся альтернатив);

А. Формы императива: "Ich wollte dir noch sagen: Nimm dich vor den Frauen in acht in Frankreich. Sie sind schlecht dort." (E.M. Remarque).

Б. Формы индикатива (включая конструкции с модальными глаголами) в

повествовательных предложениях: "Dann mußt du Polizei anrufen, es gibt keinen anderen Weg." (H. Böll).

В. Односоставные именные предложения: "Kopf hoch, Kathrinchen, nicht alle hier denken schlecht von dir." (H. Böll).

II. Выполнение побуждения в интересах обоих участников ПА. Указание (Anweisung) (говорящий более компетентен в ситуации чем адресат);

А. Формы императива: "Warte nur, Kathrinchen, wenn wir zurück sind, geben wir mal wieder ne Party." (H. Böll).

Б. Формы индикатива в повествовательных предложениях: "Du darfst den Besuch keinesfalls ganz unterlassen." (Th. Mann).

В. Не выявлена. Предложение (Vorschlag). Это директивы, нуждающиеся в дальнейшем обсуждении или "ратификации" слушающим. Они подразделяются на:

а) предложение по решению проблемы (Problemlösungsvorschlag) (в отличие от указания, говорящий не знает однозначного решения проблемы);

А. Формы индикатива и конъюктива в повествовательных и вопросительных предложениях: "Wir werden uns hoffentlich nicht gleich im ersten Lokal festsetzen." (W. Bredel); "Konnten wir sie nicht suchen?" (E. M. Remarque).

Б. Формы императива: "Bleib hier, ich will in der Kneipe nachsehen." (E. M. Remarque).

В. Придаточное предложение с wenn или daß: "Ja, ist gut, wenn Sie mir die Nummer geben." (R. BronsAlbert).

б) предложение-толчок, инициатива (Anregung) (в отличие от предложений по решению проблемы, настоятельной необходимости в совместных действиях не существует);

А. Формы индикатива и конъюктива в повествовательных и вопросительных предложениях: "Haben Sie Lust, mich in den Garten zu begleiten, Herr Friedemann?" (Th. Mann).

Б. Формы императива: "Komm, steh doch wieder auf, was ist denn los" (R. BronsAlbert).

В. Односоставные именные предложения: "Rum, Kirsch und Absinth." (E. M. Remarque).

III. Выполнение побуждения в интересах говорящего. Этот вид несвязывающих директивов составляют всевозможные виды просьб.

А. Формы императива: "Bitte, bitte, geben Sie mir doch dieses Brot des Lebens." (H. Böll).

Б. Формы индикатива и конъюктива в повествовательных и чаще вопросительных предложениях, т.к. формальный вопрос наиболее оптимальное средство выражения просьбы об информации: "Können Sie mir wenigstens noch einen Kognak bringen?" (E. M. Remarque). "Sagen Sie mir, gnädige Frau: Ihre Familie ist wohl alt?" (Th. Mann).

В. Односоставные именные предложения: "Sie sind frei, gnädige Frau. Ein paar armselige Akkorde." (Th. Mann).

Как видим, палитра выразительных средств некатегорического побуждения довольно разнообразна, и наряду с собственно побудительной формой реализации несвязывающих директивов императивом актуальны и другие формы. Так, индикатив в повествовательных предложениях типичен для инструкций, а индикатив и конъюктив в вопросительных предложениях для предложений, т.е. в тех случаях, когда иллюкутивная сила побуждения минимальна. Следует также заметить, что для несвязывающих директивов совершенно нехарактерно оформление односоставными предложениями, носящими категорический характер, что подчеркивает субъективную модальность возможности, вероятности, но никак не необходимости каузируемого действия. Таким образом, как показал проиллюстрированный материал, прагматический фактор интенсивности иллюкутивной силы побуждения находит свое отображение на уровне грамматики, т.е. в средствах своей экспликации.

Список литературы: 1. Валимова Г.В. Функциональные типы предложений. Рн/Д, 1967. 2. Гусева Е.И. Textoобразующая роль побудительного

предложения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Рн/Д, 1990. Прокopcук А. А. Коммуникативно доминирующие / недоминирующие высказывания в побудительных репликах // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин, 1988. 4. Ярушкина Т. С. К вопросу о побудительной функции формальновопросительных предложений // Лексико-грамматические вопросы преподавания русского языка иностранным учащимся. Ленинград, 1984. С. 162-171. 5. Jung W. Grammatik der deutschen Sprach. Leipzig, 1988. 6. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Leipzig, 1989. 7. Hindelang G. Einführung in die Sprechakththeorie. Germanische Arbeitshefte. Nr. 27. Tübingen, 1983.

Поступила в редколлегию 1.09.1993г.

Л. М. ГРИГОРЬЕВА, канд. филол. наук
Т. В. КОЛБИНА, канд. филол. наук

О РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ АВТОРИЗАЦИИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

При переходе от уровня к уровню авторизация, как известно, обнаруживает как существенные различия, так и определенные изоморфные отношения. В данной статье рассматриваются особенности реализации категории авторизации на уровне отдельного предложения и на уровне микротекста, содержащего самостоятельное авторизирующее предложение.

На уровне предложения наиболее эксплицитно категория авторизации выражена в синтаксических конструкциях с прямой речью (СКПР), исследование сущности которых позволило сделать следующие выводы:

1. СКПР представляет собой двусоставную синтаксическую структуру, обязательными компонентами которой выступают авторский ввод (АВ) и прямое высказывание (ПВ), принадлежащее определенному лицу. АВ является специальным синтаксическим средством, выработавшимся в языке для передачи чужих высказываний и для описания ситуации речи. АВ в своем минимальном составе должен содержать указание на передачу чужой речи: А сказал Б. Наличие двух относительно самостоятельных высказываний (авторской и чужой речи) в рамках одного предложения создает сложное целое, отличающееся структурно-семантической двуплановостью.

2. Компоненты СКПР неравноправны в грамматическом отношении. ПВ характеризуется семантической и грамматической завершенностью и поэтому может функционировать самостоятельно. Ведущее положение и относительную самостоятельность ПВ доказывает существование в текстах прямой речи с так называемым "нулевым вводом", то есть без вводящих слов автора. АВ, напротив, не может функционировать отдельно от ПВ, так как вводящие глаголы в составе АВ, как правило, являются семантически незаконченными и коммуникативно неполными, поэтому для раскрытия своего содержания требуют семантико-синтаксического дополнения в виде ПВ.

В семантическом плане АВ и ПВ как соотносительные части одной синтаксической конструкции предполагают друг друга, но выполняют также неодинаковую роль. ПВ, являясь относительно самостоятельным высказыванием, несет основную смысловую нагрузку. Смысловая незавершенность АВ обуславливает его включение в предложение как дополнительного сообщения. АВ интерпретирует ПВ, то есть содержит информацию, необходимую для

правильного восприятия переданной в форме ПВ речи. Следовательно, АВ отводится вспомогательная роль "сигнализировать" о состоявшейся коммуникации (хотя во многих случаях АВ также содержит важную, подробную информацию об акте коммуникации).

3. Следствием структурносемантической двуплановости СКПР является частое различие модальности ее частей. ПВ может быть выражено любым структурным (сложным, простым, номинативным, эллиптическим и т.д.) и коммуникативным (побудительным, вопросительным, восклицательным, повествовательным, с отрицанием и без него) типом немецкого предложения. АВ представляет собой синтаксическую единицу, как правило, утвердительного повествовательного вида. Если АВ может быть сведен к инварианту "он сказал", то виды ПВ настолько разнообразны в структурном и коммуникативном отношении, что не позволяют выработать определенной модели ни по каким признакам.

"Mein Prozeß?" fragte Koldeweg erstaunt, "da muß ich schon bitten!" (A. Zweig)

"Du, feiner Pinkel", rief er, mit einer Krücke auf einen Mitschülerweisend, "wie heißt du?" (D. Noll)

4. Для СКПР характерно наличие собственных временных планов в АВ и ПВ. В ПВ свободно употребляется любое из существующих в немецком языке времен, в то время как в АВ временный план совпадает с авторским повествованием текста и ограничивается употреблением главным образом глагольных форм претерита в 3-м лице единственного числа активного залога изъявительного наклонения (хотя возможно также использование глагольных форм в презенсе, перфекте и плюсквамперфекте, что связано с авторским повествованием в целом).

5. Объединение двух речевых слоев в одно целое в художественной литературе создает двустильность конструкции: ПВ отражает особенности разговорного языка, а АВ относится к книжнолитературному стилю.

6. ПВ вводит семантический класс глаголов в составе АВ, которые передают процесс говорения в эксплицитной (sagen, fragen, antworten) и имплицитной форме (lachen, piepsen, trösten). В художественной литературе нами выделено 430 глаголов ввода, характеризующих передаваемое высказывание в разных аспектах.

7. СКПР отличается особым способом передачи информации транскоммуникативностью (термин Р.Г.Ткаченко), то есть коммуникативностью, которая передает коммуникацию. Она создается благодаря наличию в рамках СКПР двух уровней коммуникации: 1) между говорящими; 2) между автором текста и читателем.

Анализируя части этой бинарной синтаксической структуры, отметим, что ПВ отличается функциональной самостоятельностью. Его независимость прослеживается в выборе форм времени, наклонения, в семантическом наклонении (использовании междометий, обращений, модальных слов, фразеологизмов и т.д.). Самостоятельность ПВ подтверждается примерами, в которых вводимая часть выражена на иностранном языке, в то время как АВ всегда выражен на немецком.

"Mon Dieu, Pierre?" hört er eine Stimme, schrill, jauchzend und voller Angst.

"Viens par ici! Hierher, Pit! Viens, mon ami!" (F. Wolf).

Другими словами, ПВ свойственно сохранение всех лексических, грамматических, стилистических и интонационных особенностей передаваемой речи. АВ, являясь неотъемлемым компонентом СКПР, характеризуется: а) подвижностью по отношению к ПВ (АВ может занимать пре-, интер-, и постпозицию); 2) изменением порядка слов в зависимости от позиции (в

препозитивном АВ наблюдается прямой порядок слов повествовательного предложения, тогда как в интер- и постпозитивном АВ начальное положение занимает глагольная форма); 3) наличием двусторонней связи: внутренней — с прямой речью и внешней — с авторским текстом (АВ является частью авторского повествования).

В дальнейших исследованиях представляется целесообразным описание категории авторизации на уровне предложения и построение поля авторизации, включающего в том числе и различные формы передачи чужой речи.

В текстах кратких хроникальных заметок указание на авторство конкретного высказывания может быть выражено отдельным самостоятельным предложением, которое рассматривается в определенных случаях как разновидность постпозиции авторского ввода. Позиции включенного авторского ввода в СКПР подробно исследованы Т.В. Колбиной (1988).

"In dem neuen Generalrat (Parlament) von Andorra wird nach den jüngsten Wahlen erstmals eine Frau einen der 28 Sitze einnehmen. Das wurde offiziell am Wochenende bekanntgegeben" (ND, 1990).

Субъектом авторизации выступает лицо или учреждение, организация, группа лиц; он обозначается прямо или косвенно и может быть ретранслятором сообщения. Субъект авторизации обычно занимает позицию после объекта, первая позиция субъекта авторизации используется лишь как средство особого выделения. Объектом авторизации является первое предложение в целом или его часть. В авторизирующем высказывании для обозначения объекта используются местоимения и ряд существительных, обобщающих и квалифицирующих (нередко в сопровождении местоимения или артикля) смысл предыдущего предложения. Для выражения авторизации в этом жанре служат 6 групп глаголов речи, выделяемых нами на основе общих признаков значения и функционирования. Союзные средства связи между авторизуемым и авторизирующим предложениями (как и в случае СКПР) отсутствуют.

Глаголы речи представляют собой структурно-семантическое ядро авторизирующих предложений. Количество используемых в жанре хроники глаголов речи значительно меньше, чем в художественной речи, и наблюдается тенденция к их стандартизации. Наиболее употребительными временными формами являются претерит и презенс (95% примеров) и соответствующие формы пассивного залога. Для авторизирующего предложения типична последовательность "данное" — "новое", оно не может быть коммуникативно значимым, так как в нем содержатся элементы, которые вне первого предложения остаются нераскрытыми.

"Es gibt nichts mehr zu gewinnen durch Kriege, am Rande des atomaren Abgrunds lebend, hat die Menschheit nur eine Chance: Frieden". Das sagte Oberbürgermeister Dr. Peter Schönlein vor 15 000 Kundgebungsteilnehmern in Nürnberg" und wandte sich gegen eine Modernisierung der nuklearen Kurzstreckenraketen" (ND, 1988).

Основные выводы исследования таких структур на материале текстов кратких хроникальных заметок сводятся к следующему (более подробно см. Л.М. Григорьева (1991)):

Авторизирующее предложение обладает гораздо большей семантической емкостью, чем включенный в предложение авторский ввод. Причинами, которые обуславливают представление авторизации в виде самостоятельной структуры, являются, на наш взгляд, следующие:

1. Данные языковые структуры больше служат выделению субъекта авторизации, чем подчеркивается его важность.

2. В развернутой структуре авторизирующего предложения еще раз суммируется и обобщается смысл первого предложения в виде местоимения *das* (*dies*) и других обобщающих и квалифицирующих слов, что способствует

облегчению восприятия речи. Предшествующее предложение настолько развернуто и насыщено информацией, что включение средств авторизации слишком усложнило бы его семантическую и синтаксическую структуру.

3. Авторизующее предложение как самостоятельное высказывание содержит больше информативных возможностей, чем включенная предикативная единица в состав первого предложения. Это отмечает и Т.П. Ломтев: "Из двух предложений, обозначающих один денотат, но различающихся по числу мест в предикате, большими выразительными информационными возможностями относительно денотата обладает то, которое в составе предиката имеет больше мест" (3, с.34).

Как видим, языковые средства авторизации (АВ в составе СКПР и авторизующее предложение как самостоятельная структура) представляют собой вторичный структурно-семантический слой и используются с целью интерпретации передаваемой информации.

Дальнейшее исследование языковых средств авторизации необходимо провести в более широких контекстах художественной, научной и публицистической литературы, где возможны сложные сочетания предложений, содержащих развернутые авторские вводы, и отрезки текстов передаваемой речи (например, монолог в диалоге и диалог в монологе). Такие структуры находятся в сложном взаимодействии, их изучение представляет актуальную задачу функциональной стилистики.

Список литературы: 1. Григорьева Л.М. Семантико-синтаксические отношения между контактными предложениями (на материале кратких текстов немецкой газетной хроники: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1991. - 214 с. 2. Колбна Т.В. Функции интерпозитивного авторского ввода в синтаксической конструкции прямой речи в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1988. - 197 с. 3. Ломтев Т.П. Конституенты предложений с глаголами речи // Члены предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1972. - 131 с.

Поступила в редколлегию 1.09.1993г.

В.А.ДМИТРЕНКО, канд. филол. наук

ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Излагаемая в исследовании концепция присоединительной конструкции (ПК) как бинарной последовательности высказываний текстового уровня формировалась в значительной степени как реакция на неудовлетворительное решение вопроса о критериях ее вычленения, основанного фактически на субъективных критериях. Обнаружение у ПК показателей, а, значит, и выявление объективных признаков данной конструкции, позволило отмежевать данную структуру от сходных с ней типов присоединения, парцелляции и сложного предложения.

ПК - один из видов присоединения, принадлежащий текстовому уровню [4].

Обращение к функциональной стороне ПК и изучение особенностей коммуникативного членения ПК внутри смысловых миниатюр текста позволило обнаружить ряд закономерностей, а именно: передавая различные виды интегрирующих коммуникативных связей, ПК, являясь союзной коммуникативной единицей, участвует в образовании упорядоченных смысловых единств, с

помощью которых формируется связный диалогический текст; установлен информационный перевес вторых, присоединяемых, частей ПК (далее ПЧ) в рамках смысловых миниатюр и определены типы рем в них; на этой основе выделены доминантные ремы во вторых, присоединяемых, частях ПК: модальная, экзистенциальная, экспрессивно-усилительная и качественная, представленных некоторыми типами характеристики объекта. Как показал материал исследования, а также схемы влияния характеристики и объекта друг на друга в рамках ПК и смысловой миниатюры в целом, характеристика и ее объект являются сильными средствами связи реплик друг с другом [3].

Выделенные нами типы рем могут быть с сильными и слабыми рематическими компонентами. Во многом это зависит от проявления рематического элемента во второй части конструкции. Так, компоненты так называемой слабой ремы частично дублируют содержание первой части ПК или даже предтекста: говорящий употребляет одну и ту же синтаксическую структуру (синтаксический параллелизм) и одну и ту же лексическую структуру (лексический параллелизм). Лексическая или синтаксическая подача дублетного содержания последующей части может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, однако смысл имплицитной фразы выводится из смысла всего высказывания в целом: Take your paper. Oh, no father. You keep it. You paid for it. Don't worry. I didn't tell them that. I don't know why. But I didn't tell them. (Jones). "Слабая рема" повторяет рематический компонент первой части или предтекста. Прагматическая функция данной ремы состоит в том, что она лишена "семантического фокуса" и несет аффективную нагрузку.

С другой стороны, полное изменение лексического состава в рематической сфере второй части ПК может привести к появлению абсолютно новой, нередко совершенно неожиданной информации. К этой группе мы относим ПК с сильным рематическим компонентом. Здесь ярко выражены отношения заключения, вывода, следствия: Well, it's just been announced that the members of a future space shuttle will be leaving their shuttle with nothing on their backs except a little jetpack... uh ... floating around unattached, as it were. So, I think we're like Desert Island disks, you won't be able to take a jet in your back pack. (BBC Radio 4 "Any Questions", 1984). "Сильная рема" оказывает значительное влияние на продвижение текста вперед, способствует экспрессивности и прагматической эффективности второй части ПК в английской диалогической речи.

Тема-рематические компоненты в структуре ПК отличаются заметным разнообразием. Интересный, на наш взгляд, подход к вычленению различных типов рем во вторых частях ПК предложен Н.Н. Голиковой [1, с.903]. Автор исследует некоторые виды рем в присоединенном компоненте в немецком языке, в частности, выделяя предметную, акциональную, статальную и импрессивную ремы. Дополняя исследование Н.Н. Голиковой в данном аспекте, мы также выделили ряд рем, различных в качественно-смысловом плане: модальную, экзистенциальную и экспрессивную ремы. Эти типы рем не получили еще освещения в коммуникативном синтаксисе ПК, и их исследование в данных структурах представляется актуальным. **1. Модальная рема.** Эта рема раскрывает различные стороны темы. Модальная рема — это прежде всего качественная рема, характеризующаяся наличием в рематических частях ПК модальнооценочной семантики, выраженной прежде всего модальными глаголами, их эквивалентами и модальными словами. Приведем пример: Do you think it's our friend with her hat? I suppose so. But he might not give his real name (Jones).

Модальная рема передает субъективное отношение говорящих по отношению к высказываемым мыслям. Модальные ремы нередко встречаются в выделенных нами некоррелятивных ПК [4]. Они получают соположенное

выражение, поскольку в обеих частях задействован глагол. Например: I can't pity you, Clive. And you mustn't pity yourself. You can end this and you must. You must leave here. You, not me. (Shaffer).

Модальнооценочные компоненты — явление чрезвычайно регулярное в ПК, они относятся к своеобразным средствам связи частей конструкции с пред или посттекстом смысловой миниатюры. Модальная рема служит семантическим сигналом смысловой отнесенности дополнительного сообщения ко всей первой части ПК. Мы присоединяемся к точке зрения Н.Н. Голиковой, которая считает, что вторая часть ПК является "характеризацией высказанного, в нее явно или скрыто включается элемент оценки содержания" [2, с.11].

В обеих частях ПК используются также вводные компоненты с модальными оттенками со значением необходимости, неуверенности, возможности и т.д.: You seem to be in a spot of trouble. Oh, no, no, no. Just a fuse nothing really, we have them all the time. I mean, it won't be the first fuse I've survived. And it won't be the last, I suppose (Shaffer).

Модальность может быть выражена также вводными элементами в сослагательном наклонении, где вторая часть полностью содержит рематический компонент: ... And in my opinion, it's high time you faced up to the truth.... (Mortimer).

В данном примере второй компонент (ПЧ) обращен своей рематической сферой к конкретному лицу; ПК такого типа не лишены обобщенного значения и отличаются особой категоричностью, особенно в тех случаях, когда употребляются модальнооценочные компоненты. Модальность как акт действия проявляет себя тогда, когда глагол употреблен в настоящем времени. Во всех случаях следует, по-видимому, говорить о вторичном выражении ремы. **2. Экзистенциальная рема.** Во вторых частях ПК можно встретить коммуникативные формы, имеющие чисто коммуникативное значение. Это так называемые актуализаторы, к которым относятся безличные IT, THERE, вводящие "экзистенциальный" рематический элемент, представленный всей второй частью ПК. Это не логическая, а коммуникативная структура, которая выражает выделение, подчеркивание, актуализацию. Л.П. Чахоян считает, что конструкции, вводимые актуализаторами "экзистенции" — "также конструкции коммуникативного типа" [6, с.11]. Вторые части ПК с оборотом, вводящим новую мысль, фиксируют коммуникативный прием подачи оценочного суждения как ремы по отношению к тематическому компоненту. Конструкции с вводными компонентами наиболее характерны для ПЧ несмотря на то, что в семантическом аспекте эти части являются синсематичными, продолжающими мысль, высказанную в предыдущей части ПК: All I'm saying is I could run the house while you do something else. (Joan sits down; Mrs. Ellis begins to rearrange the table now). And there would be so much more coming in (Storey).

Новая информация вводится в ПЧ эксплицитно с помощью экзистенциальной ремы. Сказуемая группа, стоящая после вводных элементов, может быть распространена второстепенными членами, которые в большинстве случаев — структурно необходимые компоненты второй части ПК, поскольку они уточняют ее семантику. Представляется, что такие части с вводным элементом выражают субъективное восприятие окружающей действительности (например, в диалоге это выражается в форме обращения к коммуниканту в виде разделительного вопроса, что в совокупности позволяет смягчить категоричность высказывания, сделать острую проблему менее острой: So they shot her by accident... It's possible. Think about it. They did shoot her. But it wasn't serious, was it? She'll soon be well again (Jones).

Экзистенциальная рема выступает в качестве средства интенсификации

пропозиционального значения во второй части ПЧ обычно дополнительной информации или уточнения. 3. **Экспрессивно-усилительная рема.** Данная рема также актуализируется через присоединяемую часть и представлена различными формальными показателями. Во-первых, экспрессивно-усилительная рема встречается в текстах, в которых сочетается сочинительная и бессоюзная связи: ... I still don't know to this day how the other roomers manage it. But you know what I think: I think it had to do only with me (Albee).

Появление избыточного количества лексических единиц в присоединяемой части создает замедленный фон, передающий волнение и повышенное эмоциональное состояние говорящих. Во-вторых, экспрессивно-усилительная рема характеризуется обязательным фонетическим интонационным рисунком (выделением союза, резким падением голоса к концу произнесения союза и формальной выделенностью его в тексте постановкой точки, восклицательного знака или многоточия после союза, а в устной речи продолжительной паузой, которая подготавливает к совершению чего-то важного, что будет произнесено в дальнейшем или переключает на другую тему, волнующую коммуниканта: People looked up. It always happens when I try to simplify things; people looked up. But that's neither hither nor thither. So. On my way back to the rooming house, I kneaded the hamburger and the rat poison together between my hands, at the point feeling as much sadness as disgust (Albee). В данном случае союз намеренно отклоняется от всей последующей присоединяемой части. Формальная акцентуация союза и следующего за ней высказывания объясняется коммуникативной интенцией говорящего: он может отвлечься от основного хода мыслей, отступить от темы с целью большей убедительности сообщаемой им информации, а затем снова привлечь внимание к волнующей его проблеме. Отсюда в ПЧ появляется элемент неожиданного, эмоционально преподнесенного. В этом выделении заключен особый прагматический потенциал ПЧ. Следующая после формально выраженного союза, она оформляется фигурой повышенной эмоциональности, обладающей экспрессивной заряженностью. Изолированный от ПЧ, выделенный формально в отдельную синтагму союз, взятый вне контекста, не в состоянии нести какой-либо коммуникативной нагрузки, он как бы подготавливает слушающего к восприятию чего-то чрезвычайно важного, поэтому союз одновременно и регрессивен и прогрессивен, с градиционным компонентом прогрессии, так как его коммуникативная сущность заключается именно в особом выделении последующей части. Сам по себе союз не является самостоятельным сообщением, ему недостает собственно коммуникативного исхода. Так, на страницах 28-29 пьесы Э.Олби "At the Zoo", 14 раз употребляется ПК, в которых союз выделен в отдельную синтагму. Рассказывая на этих страницах о трагедии своей жизни, накануне смерти, Джерри, обращаясь к случайному встречному, спешит высказаться, сбивчиво рассказывая о своей неудавшейся жизни, о своем одиночестве, превратностях судьбы. Повышенное эмоциональное состояние героя передано с помощью ПК, в которых союз, эксплицитно отделенный формально от ПЧ, как бы специально призывает равнодушного зажиточного буржуа к вниманию и состраданию. Рассказ ведется в чрезвычайно повышенном эмоциональном режиме, эмоциональное состояние Джерри доведено до предела. "Речевая экспрессия во всем ее многообразии, присуща не только звукам, словам и грамматическим формам, но еще в большей степени синтаксической организации речи" [5, с.137], и именно ПК наиболее ярко передает эмоциональное состояние говорящего, оказывается тем средством, с помощью которого достигается художественная выразительность. Таким образом, союз в выделенной позиции маркирован, фокусирует внимание на отдельных элементах высказывания, устанавливает семантически нерелевантные отношения между элементами данной

конструкции, подчеркивает большую смысловую значимость второй части ПК, помогает выявить существующие в данном тексте связи и воспринять ПК как целое: It was as if he (the dog) had never eaten anything in his life before, except like garbage. Which might very well have been the truth. I don't think the landlady ever eats anything but garbage. But. He ate all the hamburgers, almost all at once, making sounds in his throat like a woman (Albee). Союз вызывает покadroвое восприятие частей ПК, препятствует непрерывной прогрессии текста, сдерживая, тормозя рассказ героя. ПЧ выступает как сильный уточняющий, разъясняющий рематический элемент. Таким образом, экспрессивно-усилительная рема не только несет экспрессивную дополнительную информацию, но и способствует повышению прагматической эффективности ПК в речи.

Закономерности коммуникативного расположения в рамках ПК и в тексте практически не изучены. Однако анализ контекстных потенций ПК и взаимодействие ее компонентов друг с другом показывает, насколько необходим такой анализ в коммуникативном аспекте. Коммуникативный порядок расположения предложений является способом выражения смыслового взаимодействия пропозиций, а поэтому средством структурно-семантического анализа текста. Коммуникативное членение ПК рассматривается как структурно-семантическое единство, отражающее коммуникативную преемственность между конститuentами, входящими в ее состав.

Список литературы: 1. Голикова Н. Н. Функциональные свойства явления присоединения в немецком языке. Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1986. 183 с. 2. Голикова Н. Н. Функциональные свойства явления присоединения в немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1986. 24 с. 3. Дмитренко В. А. Коммуникативная релевантность сложносочиненных предложений и присоединительных конструкций в диалогическом тексте // Вестник Харьк. ун-та: Коммуникативные аспекты лингвистики и методики преподавания иностранных языков. № 352, 1991. С. 47-49. 4. Дмитренко В. А. К вопросу о метатекстовом присоединении // Вестник Харьк. ун-та: Взаимодействие системы языка и речевой деятельности. № 372, 1992. С. 22-26. 5. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И. Стилистика английского языка. Киев: Вища школа, 1984. 247 с. 6. Чахоян Л. П. Анализ системного соотношения моделей предложения и моделей высказывания // Системные характеристики лингвистических явлений. Куйбышев, 1984. С. 11-15.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

*В.А.ДМИТРЕНКО, канд. филол. наук.,
Л.В.СОЛОЩУК, канд. филол. наук.*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ В РАМКАХ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Обращение к английским и американским драматургическим текстам XVI-XIX веков позволило обнаружить значительное количество присоединительных конструкций с сочинительной связью (далее ПК), диахронический аспект которых представляет значительный интерес с точки зрения взаимодействия в них вербальных и невербальных элементов коммуникации.

Языковые и неязыковые средства коммуникации в процессе говорения

взаимосвязаны и взаимозависимы, так как без привлечения последних может быть неадекватно декодирован смысл всего высказывания. Таким образом, лингвисту недостаточно ограничиться только анализом речевого действия, следует принимать во внимание действия, жесты, мимику, интонации, которые имеют определенную коммуникативную нагрузку. В реальной ситуации общения все указанные факторы воспринимаются зрительно. При передаче их в письменном тексте они переводятся в словесные выражения и находят адекватное выражение в ремарках драматургического текста (ДТ).

При исследовании функций ПК с ремаркой мы пришли к выводу, что в отношениях реплика-ремарка в рамках ПК последняя выполняет катафорическую функцию, то есть является информативно-комментирующим звеном в ДТ, способствует точному восприятию читателем информации, содержащейся в последующей реплике [1]. Необходимо подчеркнуть, что ремарки по отношению к актуализируемой реплике могут находиться в препозиции, интерпозиции, и постпозиции, что часто определяется их семантической принадлежностью. Объектом исследования в данной работе являются ремарки, расположенные в интерпозиции между компонентами ПК — основополагающим высказыванием (ОВ) и присоединяемой частью (ПЧ), и выполняющие функцию эксплицитного формального показателя членения ПК как текстовой единицы [2, 3]. Присутствие ремарки между компонентами ПК доказывает тот факт, что в ней наблюдается формальное разделение, но одновременно с этим и семантическое присоединение одной сложной мысли. Формулу ПК с ремаркой в интерпозиции можно представить следующим образом: [(ОВ) ← ремарка → (Со ПЧ)], где Со — присоединительный союз.

Как показывает диахронический анализ, в ДТ 16 века ремарки почти полностью отсутствуют, что объясняется экстралингвистическими факторами. В том театре, для которого писал свои пьесы У.Шекспир, почти не было декораций. Зрителям самим приходилось создавать “фон” пьесы в своем воображении. Многие отдельные детали шекспировского театра, представляющиеся теперь нам творческой игрой художника, являются, в сущности, своего рода ремарками, помогающими зрителям вообразить необходимый по ходу действия фон. В произведениях драматургов 16 века обнаружено только 3 ПК, где разрыв между ОВ и ПЧ происходит при помощи так называемой акциональной ремарки.

Отсутствие ремарок объясняется также и тем, что У.Шекспир намеренно старался устранить все то, что могло затемнить внутреннюю сущность произведения, а также усложнить восприятие несведущего зрителя. Исследуя это явление в диахронии, можно убедиться в том, что под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов количество случаев употребления ПК с ремарками возрастает в пьесах авторов XVII века, а в XX веке ремарка практически становится константой ПК.

В XIX веке наблюдаются существенные изменения в стиле и языке ДТ. Тот театр, который был так популярен в XVII XVIII веках, уже теряет свою привлекательность для зрителя. Резко меняются стиль и форма пьес: если в XVI веке для написания своих произведений У.Шекспир и К.Марло использовали белый стих; Б.Джонсон и Д.Мильтон в XVII веке рифмованные стихотворные размеры; а Р.Шеридан в XVIII веке ритмическую “компактную” прозу, то драматурги-новаторы XIX века предпочитают драматургическую прозу, сжатую по форме и экспрессивно-насыщенную по содержанию (Т.Тейлор, Б.Шоу). В структурном плане части ПК довольно часто отделяются друг от друга ремарками. Поэтому можно считать, что в этот период ремарка в интерпозиции ПК становится регулярным явлением.

В пьесах драматургов XX века ПК с ремарками составляют около 39% общего

числа примеров. Анализ ремарок показывает, что они представляют собой сложное и неоднородное явление.

По тематическому признаку можно выделить четыре класса ремарок, встречающихся в ПК, с соответствующими подклассами:

1. Акционные ремарки, которые подразделяются на следующие подклассы: а) ремарки, представляющие жестовое поведение персонажей: Constance: You finished it the morning of your birthday. (She points to the windows). And when you put down your brushes you said damn good work for a boy of twenty, and then you asked me to marry you (L. Hellman). Реплики персонажей в ДТ характеризуются краткостью, что определяется жанром произведения. Обычно ремарки, состоящие из двух или более высказываний, перемежаются ремарками и способствуют членению речевого потока с целью концентрации внимания зрителя или читателя. Следующая за ремаркой реплика представляет собой часть ПК, которая служит индикатором продолжения прерванной мысли. Необходимо отметить, что ПЧ может начинать новую микротему в диалоге ДТ, но в таких случаях, как показали исследования, ремарка практически никогда не предшествует присоединяемой части ПК.

В следующем примере ремарка членит реплики разных коммуникантов, представляющих собой ОВ и ПЧ, и указывает на изменение настроения персонажа: Nick: You're a corruptor of youth, you steal the best hours. Mrs. Ellis: (Shakes his hand off her shoulder). And you are a toucher : you constantly touch people or lean on them. (L.Hellman). б) ремарки, описывающие мимику коммуникантов: Tyrone: It never can be now. But it was once, before you Mary: (Her face instantly set in black denial). Before what? (E.O'Neill). В данном примере ремарка разъединяет ПЧ и отражает резкое ухудшение взаимоотношений между коммуникантами. в) ремарки, описывающие движения и действия говорящих, которые совершаются по ходу пьесы, включая их позы, изменение положения на сцене: Jamie: The Old Man was talking to Old Captain Turner. (He comes back and takes a drink) and now to cover up from his eagle eye (Ibid). г) ремарки, сообщающие о появлении персонажей или удалении их со сцены: Sophie: He was just a little foolish and sleepy. (Goes toward door). And I will get Leon and Sadie and we'll take him upstairs (L.Hellman). В данном примере ПЧ описывает причину действия, представленного в ремарке. Союз является ее семантическим продолжением.

2. Ремарки, содержащие звуковые характеристики диалогического процесса в ДТ. Они включают следующие подклассы ремарок: а) ремарки, содержащие характеристику способа говорения: Rose: You never think anybody loves me; quite a few men have found me attractive. Griggs: (Quickly) And many more will, my dear. (Ibid) б) ремарки, содержащие характеристику речевых особенностей говорящего: Mary: Go along with both of you! (Then she speaks with a faint accent) But I did truly have beautiful hair once, didn't I? (E. O'Neill) в) ремарки, характеризующие состояние говорящего и его отношение к событиям и путем использования просодических средств (а именно, интонации). Эти ремарки составляют самый многочисленный подкласс, встречающийся в рамках ПК: Tyrone: I hope I'm not as big a glutton as that sounds. (With hearty satisfaction) But thank god, I've kept my appetite and I've the digestion of a young man of twenty, if I'm sixty-five. (Ibid) г) ремарки, обозначающие паузы: Edmund: I'd never dreamed before that any women but whores took dope. (He pauses) And then this stuff of you getting consumption (E.O'Neill). Пауза используется автором произведения для выделения ПЧ, содержащих важные элементы информации, необходимые для данного контекста. Продолжительность паузы может усиливаться за счет акциональной ремарки: Nick: You know how a single man is. (Pause. He takes a drink). Sophie: So you bring home girls nights to the wildwood. (L.Hellman).

По отношению к репликам персонажей в процессе коммуникации ремарки выполняют различные функции. Для ремарок, описывающих жестовое и мимическое поведение коммуникантов, их действия, интонационные особенности говорения, включая паузы (яркий эксплицитный показатель членения ПК), характерным является способствование усилению иллюкативной силы практически любого типа речевого акта в ОВ. Таким образом ремарка, расположенная в интерпозиции к частям ПК, имеет не только художественно-образный, но и реально-технический план. Как правило, характер ремарок выражает в эксплицитном виде момент паузации, независимо от того, какой класс ремарок участвует в оформлении ПК.

Указанные типы ремарок, конкретизируя, детализируя, уточняя, иллюстрируя утверждение, вопрос, побуждение, заданное ОВ, подтверждают истинность предположения говорящего и усиливают его воздействие на адресата. Ремарки между компонентами ПК — закономерное явление: сама природа этой сложной конструкции диктует условия ее оформления в контексте. В рамках ПК ремарка выступает в текстообразующей функции и способствует созданию прагматического контекста, необходимого для четкого декодирования ее компонентов.

Рассмотрение ПК сквозь призму диалогического текста, конститuentом которого она является, дало возможность выявить дополнительные характеристики и признаки этой структуры, и, главное, определить ее языковой статус. Именно ремарки максимально акцентируют ее структуру, усиливают действенность ОВ, служат наглядной иллюстрацией таких общих процессов развития синтаксиса современного английского языка, как тенденция к расчлененности высказывания, увеличение самостоятельности зависимых синтаксических единиц, рост экспрессивности текстовых единиц и др. Части ПК, в состав которой входят и ремарки в качестве факультативного элемента, составляют не только смысловое, структурно-грамматическое, интонационное, но и функциональное единство.

Активное функционирование ПК представляет несомненный интерес в плане изучения общих и частных свойств варьирования языка в пределах его грамматической системы.

Список литературы: 1. Д м и т р е н к о В. А., С о л о щ у к Л. В. Участие паралингвистических факторов в формировании присоединительной конструкции // А. А. Потебня — исследователь славянских взаимосвязей: Тезисы Всес. науч. конф. (октябрь 1991 г.). Харьков ХГУ, 1991. Ч.1. — С.204-206. 2. Д м и т р е н к о В. А., С о л о щ у к Л. В., Г р и г о р ь е в а Л. М. Ремарка як об'єкт лінгвістичного дослідження // Проблеми лінгвістики тексту та лінгвометодики: Тези доповідей міжнародної науково-методичної конф. видавачів іноз. мов вузів (11-12 червня 1992 р.). Львів, 1992. — С.96-97. 3. Д м и т р е н к о В. А., С о л о щ у к Л. В., Г р и г о р ь е в а Л. М. Невербальные элементы коммуникации как один из компонентов культуры речевого общения. Тезисы докл. Всероссийской конф. 15-17 сентября 1992 г. Челябинск, 1992. С.17-18.

Поступила в редакцию 1.09.1993 г.

ПРОБЛЕМА ЦЕЛЬНОСТИ И ДИСКРЕТНОСТИ ТЕКСТА

Лингвистика текста не раз подвергалась критике, сводящейся главным образом к тому, что она вторгается в области, лежащие за пределами собственного языка [1, с.78; 4]. Тем не менее, количество исследований, посвященных анализу, интерпретации, классификации признаков и выделению категорий текста не уменьшается, хотя до сих пор отсутствует единство мнений относительно текстовых признаков, а также количества и семантических характеристик текстовых категорий.

Исследователи выделяют разное количество категорий текста: от 3 у Н.А. Слюсаревой [6] до 12 у В.А. Кухаренко [5]. Лишь некоторые исследователи представляют текстовые категории в виде оппозиций: персональность /имперсональность, интегративность / дискретность у О.П. Воробьевой [2]; проспекция / ретроспекция у И.Р. Гальперина [3].

Единственной категорией текста, отвечающей строгому определению (см. ЛЭС), считаем целостность или цельность, манифестируемую оппозицией связности / членимость.

Даже если темпоральность или проспекцию/ретроспекцию признать категориями текста, то их следует считать второстепенными, так как главная функция средств, входящих в эти категории, обеспечение связности текста.

Различают формальную связность текста или когезию и содержательную связность или когерентность. К формальным средствам связи относят анафорическую и катафорическую субституцию, союзы, частицы, видовременную и модальную структуру предикатов, порядок слов, а также различные виды опущения. Формальные средства связи (имеется в виду преимущественная функция этих средств, так как многие из них участвуют и в содержательной связи) обеспечивают в основном локальную связь, т.е. связь между соседними предложениями, тогда как глобальная связь осуществляется на содержательном уровне.

Целью излагаемого здесь исследования было выявить степень участия языковых средств в построении связного текста, а также выделить формальные и семантические признаки, позволяющие членить текст при моделировании процесса восприятия и интерпретации текста.

Анализируемый материал включает по три англоязычных текста одной жанрово-стилистической принадлежности: короткие художественные рассказы, газетные статьи публицистического характера, научно-технические тексты. Кроме того, в выборку вошли три устных рассказа носителей английского языка, так как жанр устной речи более всего близок к художественному тексту.

Считается доказанным, что объем оперативной памяти человека имеет ограничения, характеризуемые так называемым магическим числом 7 ± 2 . Исходя из этого, можно предположить, что, для определения смысла, идеи произведения мозг человека оперирует не предложениями, а целыми блоками. Другими словами, текст членится воспринимающим его человеком на некие блоки. Причем, выделение таких блоков на основе формальных признаков возможно лишь на самом низком уровне членения текста. По мере возрастания уровня членения убывает роль формальных показателей.

Мы отказались от понятия "сверхфазовое единство", так как деление на СФЕ осуществляется преимущественно по формальным признакам.

В качестве альтернативы введено понятие "композиционносемантический блок" (КСБ), т.е. тематическое единство, поддающееся описанию с помощью макропропозиции. (Под макропропозицией понимается пропозиция, выведенная из ряда пропозиций, выраженных предложениями дискурса.)

Результаты анализа показали, что не все тексты поддаются членению на основе чередования пространственных, временных и личностных показателей. Данные показатели "работали" преимущественно в нарративных текстах, т.е. таких текстах, где имеет место описание событий в определенной последовательности.

Не все тексты в равной мере поддаются членению и в том случае, когда в качестве единственного критерия используются тематические прогрессии. Дело в том, что членение на тему и рему легко осуществляется в изолированном или контекстно независимом простом двусоставном предложении, где тема отождествляется с подлежащим, а рема со сказуемым. Но, как только предложение включается в контекст, на общее коммуникативное задание накладывается конкретное, ситуативное, что нередко приводит к изменению тема-рематической структуры. Следует подчеркнуть, что в рамках лингвистики текста предложения имеют смысл только через их отношение к другим предложениям. Погружение предложения в контекст дает эффект, сравнимый с монтажом в киноискусстве, где зрительный ряд отдельного кадра приобретает разный смысл (вплоть до противоположного) в зависимости от соседних с ним кинокадров.

Степень контекстуальной обусловленности высказывания может быть различной, но в принципе такая обусловленность в связном тексте всегда существует. При этом актуальное членение расходится с синтаксическим: темой и ремой становятся такие члены предложения, для которых эти функции уже не предопределены их синтаксической принадлежностью.

Возьмем к примеру отрывок:

The ambulance could still get through with luck. Luck we needed.

В изолированном предложении Luck we needed позиция luck была бы ремовыделительной, но в контексте данного отрывка это же существительное выступает в качестве темы.

Еще меньше поддается формализации механизм выделения темарематической структуры в сложноподчиненном предложении. Что же касается построения одной общей тематической прогрессии, описывающей весь текст, эта задача на данном этапе представляется неразрешимой, особенно если речь идет о художественной литературе. Ведь художественное произведение — это целая система движущихся и пересекающихся планов, соответствующих всем линиям развития сюжета.

Исследование подтвердило положение о том, что темарематические прогрессии являются средствами локальной связи. Для выхода на более высокий уровень связи и членения становится полезной концепция "многоярусной темы"; например, тема предложения, тема абзаца, тема КСБ, тема всего текста.

При выделении КСБ мы пользовались набором маркеров, таких, как 1) смена хронотопа (места и времени действия); 2) смена возможного мира (что достигается употреблением предикатов, создающих миры); 3) изменение перспективы повествования; 4) варьирование форм речи. Как видим, среди маркеров фигурируют пространственновременные координаты. Использовались также личностные координаты, тема-рематические цепочки и разрывы в них.

Оказалось, что членение КСБ возможно на разных структурных уровнях, т.е. можно говорить об определенной иерархии членения. Однако, такое членение не предполагает тождественных размеров КСБ, выделяемых на одном и том же уровне. Причем, если некий КСБ является составной частью другого КСБ более

высокого уровня, он не может получить адекватную интерпретацию ниже этого уровня.

Разработанная нами модель членения текста на КСБ имеет определенные ограничения в своем применении. Так, в основе оппозиции "научные/ненаучные тексты" лежит одна принципиальная особенность, заключающаяся в том, что человек, читающий научный текст, не может спроецировать себя в ткань повествования, поскольку человек здесь не является действующим лицом. В таких текстах фигурирует мир абстракций, выражаемых формулами, мир механизмов и явлений природы, с которыми адресат не может себя отождествить, в отличие, например, от художественной литературы, где главным объектом является человек.

Поэтому выделение КСБ в науднотехнических текстах не может осуществляться на тех же принципах, что использовались при анализе других текстов, поскольку присущие им маркеры не согласуются с самой природой науднотехнических текстов.

Кроме того, научные тексты, структура которых определяется устоявшимися канонами, не нуждается в исследовательском членении, так как большинство науднотехнических текстов на высшем уровне уже делится самим автором на определенные разделы.

Проведенное исследование позволило уточнить положение Т. ван Дейка о стратегических предложениях. Установлено, что эти предложения способны порождать смысловое поле разной интенсивности, в котором отдельные слова, понятия и целые пропозиции существуют как релевантные темы. Стратегические предложения можно рассматривать как гипертемы отдельных фрагментов текста, а темы предложений существуют как производные этих гипертем.

Наибольшее сходство в локальной и глобальной структуре обнаруживается между художественными текстами и устными рассказами, что можно легко объяснить генетической близостью этих двух жанров.

Существенным отличием устных рассказов является обилие коннекторов, соединяющих как части одного предложения, так и отдельные предложения. Интересно отметить разные функции коннектора "so". В одних случаях он сигнализирует причинноследственную связь, в других наряду с глобальной соединительной, данный коннектор выполняет разделительную функцию, т.е. отделяет один КСБ от другого.

Показатели формальной связи имеют большую частотность в научных и науднотехнических текстах и, кроме того, они отличаются своей специфичностью (conversely, however, specifically и т.д.).

Для научных текстов типично употребление метатекстовых предложений и конструкций, отсылающих к предыдущим абзацам и разделам или же кратко сообщающих содержание последующих разделов.

Число проанализированных текстов сравнительно невелико, однако их подбор методом случайной выборки дает основания полагать, что обнаруженные особенности являются принципиальными и присущи значительному корпусу текстов рассмотренных жанров.

Список литературы: 1. Будагов Р. А. Филология и культура. М.: Издательство Моск. ун-та, 1980. 304 с. 2. Воробьева О. П. Стилистика текста // Морозовский А. Н. и др. Стилистика английского языка. Киев: Вища шк., 1984. С. 196-240 3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с. 4. Кривонов А. Г. "Лингвистика текста" и исследование взаимоотношения языка и мышления // ВЯ. М., 1986. Вып. 6. С. 23-37. 5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. С. 6.

С л ю с а р е в а Н. А. и др. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М.: Наука, 1982. 192 с.

Поступила в редколлегию 03.09.1993г.

Г. В. ЕЙГЕР, др. филол. наук.

Н. И. МАСЛОВА, канд. филол. наук.

РОЛЬ КСЕНОЛОГИИ В ТЕОРИИ ИНТЕРКОММУНИКАЦИИ.

Возрождение "антропологического принципа" в философии и социальной жизни общества, уставшего от излишней, порой неоправданной "объективизации" окружающей действительности, привело к возрастанию роли личности (индивида) в социальных процессах. Постепенно индивид стал превращаться из субъекта общественной жизни в объект пристального внимания, т.к. без осознания им собственной исключительной роли в историческом процессе оказывается неперспективным дальнейший социальный и духовный прогресс общества.

Ключом к разгадке тайнства познания мира становится процесс созидания собственной личности. Как справедливо отмечает Н.А. Бердяев, только ход от самопознания к познанию мира вообще дает возможность познающему индивиду "не стусеваться", не утратить "необщее выражение лица", а прорваться к "экзистенциальной субъективности и духовности, то есть подлинности..." [Бердяев 1990:313].

Исследователи установили ведущую роль языка в процессе социализации личности. Самоидентификация личности через коммуникативные установки и задачи индивида включается в более широкий (универсальный) процесс этнической идентификации в рамках родной, а при би/полилингвизме, и иной культуры.

Актуальным становится в этой связи расширение исследований социальности языка, признаваемой его "существеннейшей характеристикой" [Gumperz 1977:4; см.тж: Будагов 1983:26; 36-37; Pattanayak 1983:88-89; Оболенский 1985:1]. В связи с этим в сферу исследования вовлекаются не только аспекты онтологического статуса языка, но и его аксиология. Исследователи отмечают значимость для процесса эволюции языка и этнизации индивида в различных социо-коммуникативных условиях "социопсихологических структур, социальных норм, установок, стимулов, мотиваций..." [Швейцер 1983:10]. Последние наиболее полно актуализуются через диалог культур, в процессе контактирования языков. Вполне своевременной поэтому представляется необходимость социально-философского осмысления феномена интеркоммуникации, разработка научнообоснованных представлений о ее ходе, специфике и составляющих.

Перспективным в исследовании интеркоммуникации может оказаться опора на ксенологию — новую предметную область теории культуры, которая изучает способы познания новой культуры и адаптации к ней. Исследователи связывают ее возникновение с расширением контактов между странами и интенсификацией изучения иностранных языков. Отмечается, что успешность этнической самоидентификации напрямую зависит от степени владения иностранным языком. Однако подчеркивается, что случаи "абсолютного билингвизма не носят общенационального характера" [Martinet 1984:11-23], хотя позволяют четче высветить особенности национальной культуры и определить индивидуальные способности ее декодировать.

Предлагается на начальных этапах применить для анализа национально-специфических элементов иной культуры следующий понятийный аппарат:

1) "концептосфера языка" [Лихачев:1983];

- 2) “культурологическая дистанция” [Сорокин, Марковина:1988];
- 3) лакуна лексическая [Марковина:1983; Сорокин, Марковина: 1983, 1988]; лакуна прагматическая;
- 4) аппарат кинесических понятий, присущих носителям иной культуры.

Концептосферы языков (и культуры их носителей) можно представить в виде двух множеств фреймов. Фреймы будут по-разному “взаимодействовать” в зависимости от установок участников интеркоммуникации. Акт интеркоммуникации, по нашему мнению, это не привычная структура данных, а фрейм-сценарий. В нашем случае во фрейме-сценарии можно, вслед за М. Минским [Минский 1979:18; 124; 142], выделить несколько узлов, иерархически связанных друг с другом.

Узлы фрейма, по оценке М. Минского, принадлежащие к верхним уровням, представляют собой общие вещи, универсальные понятия, а незаполненные узлы нижнего уровня — терминалы. Можно предположить, что “лакуны” будут располагаться на различных уровнях фрейма-концептосферы в зависимости от “культурологической дистанции” между коммуникантами.

Конкретный материал исследования процесса интеркоммуникации может дать, как представляется, изучение различных типов языковых контактов по линии запад - восток. Так, например, интересные факты получены одним из авторов [Маслова 9:106-109, 1992] в ходе изучения эволюции английского языка в Индии на фоне двунаправленного контакта: западноевропейский ↔ автохронные языки (хинди, тамильский). В работе [Маслова, 1992] предложена своя таксономия форм существования современного английского языка. Индоанглийский определяется в работе как трансплантированный, контекстуализированный вариант неродного языка. Индоанглийский, как установил анализ его морфологической сферы, эволюционирует от EFL до ESL (2я разновидность). В исследовании выдвигается положение о том, что ослабление/усиление характеристик EFL/ESL варьируется в зависимости от “сферы коммуникативной деятельности” [Швейцер 1982:41]. Важную роль, по оценкам исследователей, здесь играет процесс переклочки кодов, вызванный изменениями в ситуации общения (ситуации интер-коммуникации в нашем случае).

Возвращаясь к понятийному аппарату ксенологии, представленному выше, можно выдвинуть следующее положение: концептосферы языков, носители которых участвуют в устной коммуникации, имеют не только культурно-специфическую систему номинаций [Донец 1988], но и систему специфических грамматических маркеров, незнание последних приводит к “сбоям” в интеркоммуникации. Приведем ряд примеров из английского языка в Индии. Так, определенной спецификой в индоанглийском обладает корреляция Past Simple Pr.Perfect Past Perfect.

Встречается Past Perfect в контексте настоящего в вводящем абзаце в прессе и художественной прозе; при невыраженности идеи релевантного предшествования в индоанглийском встречаем Past Perfect вместо Past Simple (вероятно под влиянием специфики перфекта в автохронном языке хинди). Воздействием синтагматических особенностей перфекта в хинди объясняется зачастую и вариативность Past Perfect ↔ Past Simple (Pr.Perfect) в ИЕ. Под влиянием грамматической специфики хинди, тамильского в индоанглийском (ИЕ) формируется пласт атипичных, с точки зрения нормы ВЕ/АЕ реализаций по линии Pr.Perfect ↔ Past Simple, таких как: функциональное перераспределение перфект претерит; способность Pr.Perfect сочетаться с маркерами Past Simple. Кроме указанных черт глагольной системы ИЕ, интерес представляют и другие качественные особенности морфологической сферы индоанглийского, как то: атипичная комбинаторика времен; подавление темпоральных отношений

аспектуальными [Маслова 1989:106-109]. Считаем, что подобные качественные особенности морфологической сферы индоанглийского следует причислить к культурноспецифическим. Исследователи объясняют их появление рядом социолингвистических и собственно лингвистических причин, в частности, спецификой “семантических форм” мышления, отражающих не только “количественную, но и качественную специфику расчленения мысли” [Чесноков 1984:12], особенностями вербального ассоциирования билингвов [Ахужда:1982]. Подробный всесторонний анализ этих причин дан в исследовании одного из авторов [Маслова:1992].

В контексте диалога культур и анализа процесса интеркоммуникации плодотворным представляется изучение особенностей английского языка выходцев с Украины, переселившихся в США и Канаду. Функционирование английского языка в социокоммуникативной системе Канады и США исследовалось в работах Ю.А. Жлухтенко, Зацного, А.Д. Швейцера.

Авторы данной работы считают правомерным применение математической модели исследования динамики грамматических вариантов, которая была разработана Н.И. Масловой [Маслова:1992], для анализа морфологической сферы индоанглийского (IE) при описании специфики грамматических вариантов украинского английского (UkrE). В этом случае контакт происходит по линии западноевропейский ↔ восточноевропейский язык. Правомерна постановка вопроса: как будет проходить становление украинского английского (UkrE) в контакте с американским английским (AE), который является равноправным национальным вариантом? Будет ли UkrE развиваться в направлении ESL/EFL по типу IE, SAE или на его становление в значительной мере повлияет близкий контакт с AE при почти полном отсутствии влияния живых автохтонных языков на английский язык в США? Параллельно возникает и ряд других проблем, связанных с культурологической адаптацией UkrE в социокоммуникативной системе США и Канады: можно ли говорить (ставить вопрос) о социальной стратификации и варьировании в рамках UkrE или он монофункционален; как проходит становление нормы UkrE, сближается ли он по своим лингвистическим и прагматическим параметрам с одним из национальных вариантов AE/BE или движется в сторону IE, SAE; как оценивают UkrE и его место в социокоммуникативной системе страны его носители? Справедливым и актуальным представляется и попытка учета процессов, происходящих при интеркоммуникации с участием других полинациональных языков, например, немецкого / французского в Швейцарии (по линии западноевропейский язык).

Интересно отметить перспективность применения системных моделей при изучении ксенологии, позволяющих систематизировать большое число фактов различных языков. Ученые отмечают, что социальнопсихологические факторы общения “с трудом поддаются количественному измерению” [Крысин 1992:13], оставаясь весьма важным звеном этого процесса. Использование модели аналитико-синтетической обработки информации, разработанной Г.Я. Узилевским [Узилевский, Ейгер 1993:35] позволит полнее раскрыть особенности языкового и невербального мышления участников диалога в рамках одной модели.

Результаты подобных исследований помогут наметить пути становления типологии контактов культур и обосновать “удельный вес” различных составляющих процесса интеркоммуникации.

Список литературы : 1. А х у д ж а А. Русские приставочные глаголы в сопоставлении с языками хиндустани (хинди и урду) и английским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 16 с. 2. Б е р д я е в Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.:Междунар.отношения, 1990. 336 с. 3. Б

у да го в Р.А. Язык — реальность — язык. М.: Наука, 1983. 262 с. 4. Д о н е ц П. Н. Средства национальнокультурной номинации в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 24 с. Ж л у х т е н к о Ю. А. Українська мова на лінгвістичній карті Канади. К.: Наукова думка, 1990. 172 с. 6. З а ц н ы й Ю. А. Британский вариант американского языка // Социальная лингвистика и общественная практика. К.: Вища школа, 1988. С.21-36. 7. К р ы с и н Л.П. Параметры описания языковых состояний. // Русс. язык в СССР. 1991, №5. С.813. 8. Л и х а ч е в Д. С. Концептосфера русского языка. Известия РАН, серия литературы и языка №1, 1993. С.39. 9. М а с л о в а Н.И. Некоторые особенности употребления глагольных форм в английском языке Индии (40-80 гг. XX столетия). // Вестник ХГУ. №339 "Человек и речевая деятельность". Х.: Вища школа. 1989. С.106-109. 10. М а с л о в а Н. И. Эволюция английского языка в Индии (на материале глагольных форм): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород 1992. 16 с. 11. М и н с к и й М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия. 1979. 141с. 12. О б о л е н с к и й В. Б. Язык как социальное и гносеологическое явление: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985. 16с. 13. С о р о к и н Ю. А., М а р к о в и н а И. Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун. Методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С.14. С о р о к и н Ю. А., М а р к о в и н а И. Ю. Понятие "чужой" в языковом и культурном контексте. // Язык: Этнокультурный и прагматический аспекты. Д., 1988. С.410. 15. У з и л е в с к и й Г. Я., Е й г е р Г. В. О модели аналитико-синтетической обработки информации в процессе общения. // Научно-техническая информация., серия 2. №5. ВИНТИ. 1993. С.17. 16. Ч е с н о к о в П. В. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // Вопр. языкознания, 1984. №5. С. 314. 17. Ш в е й ц е р А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Высш. школа., 1971. 200 с. 18. Ш в е й - ц е р А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопр. языкознания, 1982. №5. С. 39-48. 19. Ш в е й ц е р А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука 1983. 214 с. 20. M a r t i n e t H. Bilingualism and Bicultural Behaviour // La linguistique: revue de la société internationale de la linguistique fonctionnelle. vol. 10. 1984, No.1. P.1123. 21. P a t t a n a y a k D. P. Communication: Perspectives from the Developing World // Language in the International Perspective /Ed. Schweda Nicolson /N. Delaware Symposium 5, October 1983. The Unty of Delaware. Ablex Publishing Corporation, Norwood, New Jersey 1983. Chapter 7. P. 86-90.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

*Г.В.ЕЙГЕР, доктор филол. наук,
Л.С.ПИХТОВНИКОВА, канд. филол. наук.*

КОМПОЗИЦИОННО-РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ В СТИХОТВОРНОЙ БАСНЕ (на материале басен XVIII века)

Основные проблемы композиционно-речевых форм нашли отражение, например, в работах [3; 4; 5; 6; 7; 8; 14; 15; 16;].

Композиционно-речевые формы (КРФ) рассматриваются как рече-мыслительные формы, т.е. как определенные двусторонние образования, которые, с одной стороны, являются формами процесса мышления, а с другой, формами речи. КРФ являются наиболее общими формами, отражающими структуру процесса мышления, типы и способы связи элементов мысли между собой.

Объединяющим началом КРФ является модальность, т.е. отношение говорящего к предмету высказывания [5, с.57].

При другом подходе, не противоречащем предыдущему, под КРФ понимаются части текста, связанные с определенной языково-стилистической формой в зависимости от цели и вида высказывания [16, с.269] или определенным образом структурированные типы текстов, характеризующиеся соответствующей комбинацией стиливых черт [15, с.271].

Перечень КРФ не является постоянным и завершенным. Он продолжает расширяться в новых работах и исследованиях; устанавливаются комбинации КРФ, характерные для определенных типов текстов, их композиционно-речевая структура; уточняется соотносительность разновидностей КРФ с определенным лексико-грамматическим инвентарем [1; 9; 10; 11; 12; 13].

Номенклатура КРФ не может быть окончательно установлена прежде всего потому, что имеют место различные подходы к классификации речевых форм. Так, М.П. Брандес и Н.В. Бессмертная в своих исследованиях при классификации КРФ исходят из типовых КРФ: "сообщение", "описание", "рассуждение", каждая из которых имеет свои разновидности и модификации. В стилистике немецкого языка [16] основные КРФ (*Berichten, Erzählen, Beschreiben, Erörtern, Schildern, Charakterisieren, Kommentieren*) названы в общем списке, без соотношения их с указанными типовыми формами.

Нам представляется более удобной и системной классификация КРФ, опирающаяся на типовые формы "сообщение", "описание", "рассуждение". "Описание" характеризуется в основном отношением пространственного соположения, "сообщение" — отношением временного следования, "рассуждение" — причинно-следственным отношением. Разновидностями речевой формы "описание" являются "статическое описание" и "динамическое описание". В "статическом описании" предметы изображаются в их качественной определенности, в их стабильности и неизменяемости в определенный промежуток времени, что определяет основное качество формы "статичность". В "динамическом описании" изображаются изменения, происходящие с предметом, их движение. Наличие в структуре внутреннего логического содержания "динамического описания" элемента "временная последовательность" сообщает этой форме свойство динамизма [4, с.69].

Среди разновидностей "сообщения" называется "констатирующее сообщение", "сообщение о факте", "рассказ" [5, с.61-80]. "Рассказ" рассматривается как эмоциональная разновидность КРФ "сообщение" [3, с.38-39].

Для КРФ "рассуждение" характерно комментирующе-аргументирующее изложение содержания, которое дополняется элементами "описания" и "сообщения" [5, с.69].

Вопрос о КРФ в басне специально не рассматривался. Фрагментарно он был затронут в исследовании немецкой прозаической басни [2]. Автором названы следующие КРФ, наиболее распространенные в прозаических баснях Лессинга: "статическое" и "динамическое описание", "комментарий", "призыв". Они закреплены за отдельными сюжетными пластами: в экспозиции басни "статическое описание" и элементы "динамического описания"; "комментарий", "призыв" представлены в морали басни [там же, с.33,34,152].

В задачу данного исследования также не входит всестороннее изучение КРФ в стихотворной басне. Здесь лишь предпринимается попытка достаточно полно определить набор КРФ, в целом имеющих место в стихотворных баснях XVIII века, выявить их состав и закономерности использования в выделенных нами типах композиционной структуры (КС) стихотворной басни, а также установить

их соотносительность с отдельными элементами тематической организации текста и их взаимосвязь со стилистическими характеристиками каждого типа КС. При этом КРФ рассматриваются нами как компоненты целостной системы композиции басни в их неразрывном единстве с другими компонентами этой системы.

Как "наиболее общие формы монологической речи" [4, с.4], КРФ, на наш взгляд, легче и точнее выявляются в больших по объему текстах. Определение КРФ в таком малом художественном тексте, как басня, зачастую представляет собой значительную трудность. Чем больше текст басни, чем больший объем занимает монологическая речь автора или персонажей, тем легче выявление преобладающих в басне КРФ. В небольших по объему текстах, состоящих в основном из реплик персонажей, иногда речь может идти лишь об элементах тех или иных КРФ. Этим обстоятельством, видимо, можно объяснить то, что набор КРФ в стихотворной басне более обширен, чем соответствующий перечень в указанном исследовании прозаической басни. Исследуемые нами стихотворные басни сравнительно с баснями Лессинга в основном более крупные произведения. В кратких баснях Лессинга монологическая речь персонажей почти не представлена. Кроме того, видимо, под "динамическим описанием" Н.М. Анненковой объединены и "рассказ о происшествии", и "сообщение о событии", которые также обладают значительной степенью динамизма. Мы же разграничиваем эти КРФ, так как они, как правило, довольно легко выделяются в обширных повествовательных баснях. По нашему мнению, их следует различать также и по той причине, что они обладают разной степенью динамичности. На одном полюсе "динамическое описание", которое в стихотворных баснях не является редким случаем и характеризует наиболее эмоциональные басни; на другом полюсе "статическое описание". Между ними по степени убывания динамичности располагаются: "рассказ о происшествии", "сообщение о событии", "констатирующее сообщение" ("сообщение о фактах"). В "констатирующем сообщении" ослаблена временная последовательность, типичная для формы "сообщение", в предложениях констатирующего характера отсутствует динамика, что способствует статичности формы" [5, с.62]. К статичным формам повествования следует, очевидно, отнести и "рассуждение", и "комментарий", которые часто наполняют монологи автора и персонажей, что заметно сдерживает динамику развертывания сюжета.

Все названные КРФ имеют место в стихотворных баснях исследуемого периода. В целом в использовании КРФ в различных типах КС стихотворной басни наблюдаются следующие тенденции: 1) состав КРФ становится разнообразнее, а каждая отдельно взятая КРФ — более четко выраженной и значительной по объему по мере увеличения доли авторской речи (монолога автора) по отношению к диалогу персонажей, а также в тех типах КС, в которых имеется монологизированный диалог или отдельные монологические высказывания персонажей; 2) наблюдается определенный порядок следования КРФ и их привязанность к определенным элементам тематической организации басни, прежде всего сюжета. В экспозиции имеют место "краткое сообщение", которое может сопровождаться "статическим описанием", "характеристикой" (или же их элементами). Если экспозиция обширна, то "краткое сообщение" перерастает в "сообщение о событии", и экспозиция сливается с дальнейшим развитием действия. "Сообщение о событии" зачастую сменяется более эмоциональным "рассказом". В особо динамичных баснях "сообщение" или "рассказ" оживляются "динамическим описанием". В диалогических баснях после "сообщения", "рассказа", "динамического описания" следует диалог персонажей. В недиалогических баснях подобный порядок следования КРФ может завершаться высказыванием персонажа. Иногда уже в экспозиции ощущаются элементы

"динамического описания". Это обнаруживается или в баснях с драматичным сюжетом, или в кратких, но насыщенных действиями, баснях. "Рассуждение", "комментарий" имеют место в баснях с предисловиями и послесловиями автора или в баснях с эксплицитно выраженной моралью. "Рассуждение" в переплетении с "сообщением", "статическим описанием" и "характеристикой" наполняет также и монологи персонажей; 3) существует прямая, самоочевидная взаимосвязь между преобладающими в басне КРФ и характеристиками статичность / динамичность.

Приведем соответствующие примеры.

1. "Статическое описание" в экспозиции: "Die Nachtigall sang einst ihr göttliches Gedicht, /Zu sehen, ob es die Menschen fühlten, /Die Knaben, die im Thale spielten, /Die spielten fort und hörten nicht". /басня Геллерта "Die Nachtigall und der Kuckuck"/; "Der Adler hielt auf der bereiften Spitze / Des himmelhohen Kaukasus / Sein Parlament. Er legte seine Blitze / Voll Huld zu seines Thrones Fuss, / Und wog den Grossen und dem Volke / Das Recht in eb'nen Schalen aus" /басня Пфедфеля "Die Toleranz"/. 2. В баснях, тяготеющих к лирике, в экспозиции можно встретить и такую разновидность "статического описания" как "описание состояния природы": "Kaum wurde die Spitze des Brockenberges lichte, /Kaum zeigte sich Phöbus mit heiterm Gesichte, /Und stieg nach der Zeiten gewöhnlicher Lauf, /Wie Gold aus dem Schoosse der Thetys herauf, /басня Лихтвепа "Das Turnier der Vögel"/. "Die Nachtigall sang einst mit vieler Kunst; /Ihr Lied erwarb der ganzen Gegend Gunst, /Die Blätter in den Gipfeln schwiegen, /Und fühlten ein geheim Vergnügen, / Der Vögel Chor vergass der Ruh, /Und hörte Philomelen zu, /Aurora selbst verzog am Horizonte,... /басня Геллерта "Die Nachtigall und die Lerche"/. 3. Нередко в экспозиции можно встретить довольно обширную "характеристику": "Es lebt aus Reinnekes Geschlechte / Ein jung und eifler Abkommeling / Der oft mit mehrerm Glück als Rechte / Der schnellen Hunde Spur entging / басня Лихтвепа "Der Fuchs und der Adler"/; "Es lebt ein Eremit, der, eitlem Zwange feind, / Die Kunst der schlaun Wollust lernet, / Die keine Mühe kennt, vom Ekel weit / entfernt, / Nach dem Genusse schöner scheint" /басня Хагедорна "Der Eremit und das Glück"/; "Ein Gaul, der Schmuck von weissen Pferden, / Von Schenkeln leicht, schön von Gestalt, / Und, wie ein Mensch, stolz in Geberden, / trug seinen Herrn durch den Wald" / басня Геллерта "Das Pferd und die Bremse"/.

Как видно из приведенных примеров, "характеристика" сочетается с "сообщением". 4. В очень поэтической басне Геллерта "Die Nachtigall und der Kuckuck" встречаем даже "динамическое описание переживания": "Nun sang die Meisterin der zauberischen Töne / Vor dem Dämot und seiner Schöne, / In einer sanften Melodey, / Sie fühlten die Gewalt der Lieder, / Dämot steht still und Phyllis setzt sich nieder, / Und hört ihr ehrerbietig zu, / Ihr zärtlich Blut fängt an zu wallen, / Ihr Auge lässt vergnügte Zähnen fallen". 5. Следующая, очень краткая басня Лихтвепа "Die Nachbarn" состоит из двух смысловых частей: 1-я часть передана в форме "констатирующего сообщения". События здесь представлены в результативном аспекте как факты. Последовательная связь предложений имеет скорее характер причинно-следственных и перечислительных отношений, чем временной. 2-я часть (выделена архитектурно), мораль басни, подана в форме типичного краткого "комментария": "Ein Mann hatt' einen Baum, der goldne Früchte trug, sein Nachbar hieb aus Neid bei Nacht viel Äste von dem Baum; allein er war nicht klug, weil er das Jahr darauf dreifache Früchte brachte. So nütlich ist uns oft ein Feind: Er dient, wenn er zu schaden meint." 6. В басне Лихтвепа "Der Wiesel und die Hühner" экспозиция (первые 4 строки) передана в форме "сообщения о событии". В последующих строках повествуется о чувствах окружающих, об их реакции на совершившееся: все Птицы радуются смерти Ласки, и только Наседка остается печальной, так как детей, погубленных Лаской уже не вернуть. Здесь "сообщение" приобретает эмоциональный оттенок, становится "рассказом", который является своего рода мостом к еще более эмоционально насыщенному высказыванию Наседки, завершающем басню: "Man bricht des Räubers Glieder; / allein die Tat ist schon

verübt./ wer gibt mir meine Kinder wieder?" 7. Элементы "динамического описания" иногда уже в экспозиции задают динамичный характер всему изложению; являясь как бы вступлением к динамичной басне: "Ein Schäfer stieß auf einen Skorpion/ Und schwang schon seinen Fuss, ihn zu zerstören./ Пфеффель: "Der Skorpion"/; "Ein schlauer Fuchs fing sich in einer Falle/ Und seuchzte jämmerlich. Ein weisser Bär/ Kam an den Ort, gelockt vom dumpfem Schalle/ Der ekeln Elegie" /Пфеффель "Der Fuchs und der Bär"/. 8. "Динамическое описание" в основном повествовании является контрастом к более плавному, спокойному характеру "сообщения", оживляет сцену подробным изображением, делает ее наглядной.

Басня Пфеффеля "Der Schwan und die Gans" начинается с сообщения о том, как даже Гусыню, нежившуюся под лучами солнца у озера, растрогало пение Лебеда. После высказывания Гусыни, в котором она сообщает о своем намерении спеть подобно Лебедю, так как считает, что она одной породы с ним, следует "динамическое описание" ее безуспешных попыток: "Sie streckt den Kragen himmelfan./ Füllt ihren Blasebalg und kreischt/ So jämmerlich, das ihr Tenor/ Des Menschen und des Tieres Ohr./ Ja selbst ihr eignes Ohr zerfleischt./ Durch Übung wird man Meisterin"/, Sprach sie, versucht es aufs neue./ Sinkt endlich heisch und kraftlos hin".

Итак, в стихотворных баснях исследуемого периода в специфическом проявлении имеют место все основные разновидности композиционно-речевых форм: "констатирующее сообщение", "сообщение о событии", "рассказ", "динамическое описание", "статическое описание", "характеристика", "рассуждение", "комментарий". На композиционном уровне стихотворной басни, в первую очередь на композиционно-речевом уровне достаточно ярко проявляется реализация полярных стилевых черт "статичность / динамичность", что позволяет при классификации басен по типам композиционной структуры говорить о баснях "преимущественно динамичных" и баснях "преимущественно статичных". Дальнейшее изучение этих стилевых черт должно осуществляться на уровне лексики и синтаксиса. Представляется перспективным также изучение развития и взаимодействия композиционно-речевых форм, начиная с истоков возникновения немецкой басни как прозаической, так и стихотворной и включая современную басню. Отдельной проблемой является изучение языково-стилистических средств, наполняющих композиционно-речевые формы басни.

Список литературы: 1. А м з а р а к о в а И. П. "Монолог" в немецкой разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 16с. 2. А н н е н - к о в а Н. М. Лингвостилистическая характеристика прозаической басни (на материале басен Г.Э. Лессинга и немецких писателей XX в.). 3. Лингвостилистическая интерпретация текста. Учеб. пос. для ин-тов и фак. ин. языков. Киев: Вища школа, 1983. 200 с. 4. Б е с с м е р т н а я Н. В. Речевая форма "Динамическое описание" и ее лингвистическая характеристика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1972. 24 с. 5. Б р а н д е с М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1983. 272 с. 6. Б р а н д е с М. П. Стилистический анализ. М.: Высшая школа, 1971. 190 с. 7. В а с и л ь е в Ю. А. О влиянии композиционно-смысловой организации научного текста на его языково-стилистические характеристики // Стил ь научной речи. М.: Наука, 1978. С. 75-94. 8. Г о р е л и - к о в а М. И., М а г о м е д о в а Д. М. Лингвистический анализ художественного текста. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1989. 152 с. 9. К л и г е р м а н О. Г. Композиционно-речевая структура английского рассказа (синхронно-диахронное исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1989. 17 с. 10. К о р з у н Е. С. Лингвотекстовые особенности речевого жанра "передовая статья" (на материале газет ФРГ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. - 18 с. 11. П е т р о ж и ц к а я О. Н. Характер

- взаимодействия категорий текста в художественном произведении (на материале англо-американского рассказа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1991. - 26 с. 12. Синдеева Т.И. Некоторые композиционно-синтаксические особенности речевого жанра "газетная рецензия" // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - М., 1981. - Вып. 178. - С. 26-33. 13. Скрипка Г. Н. Структурные свойства речевого жанра "информативная заметка" (на материале немецко-язычной прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1990. - 16 с. 14. Хованская З. И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии. Изд. 2-е, исправл. и дополн. - М.: Высшая школа, 1988. - 240с. 15. Heinemann W. Das Problem der Darstellungsarten // Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / hrsg. von W.Fleischer und G.Michel. 1-te Aufl. - Leipzig: VEB Bibliogr. Institut, 1975. - S. 268-300. 16. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Учебник для студентов ин-тов и фак. иностр.яз. - М.: Высшая школа, 1975. - 315 с.

Поступила в редакцию 1.09.1993 г.

А.А.ЗАЛЕВСКАЯ, доктор филол. наук

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКАМ

Неудовлетворенность результатами обучения как родному, так и иностранному языкам общеизвестна, что делает несомненной актуальность поиска новых подходов к разработке теоретических основ лингводидактики и апробирования частных методик, ставящих конкретные цели обучения тому или иному языку в определенных условиях. Решение связанных с этим задач требует взаимодействия методики обучения языку со смежными с ней науками - лингвистикой, психологией, психолингвистикой. Рассмотрим некоторые аспекты такого взаимодействия.

Традиционно сложившееся отношение частных дидактик к наукам, составляющим предмет обучения, сводится к отбору **содержания** обучения как некоторому корпусу фактов, необходимых для той или иной степени компетентности в соответствующем предмете. В частности, лингводидактика опирается на науку о языке для выявления грамматического и прочих "минимумов", предназначенных для обучения языку в тех или иных целях. Этот обоснованный и в принципе необходимый подход оказывается тем не менее недостаточным и в значительной мере предопределяющим плачевные результаты обучения как родному, так и иностранному языку, поскольку при этом не учитываются следующие принципиально существенные положения: а) лингвистические описания базируются на анализе **продуктов** речевой деятельности и акцентируют внимание на **языковой** системе как таковой; б) овладение языком представляет собой формирование **процессов** речевой деятельности с опорой на специальные **функциональные ориентиры**, коррелирующие с научными описаниями языковой системы, но не идентичные им; в) эксплицитное или имплицитное организационное приравнивание языковых правил к функциональным ориентирам заранее обрекает процесс обучения языку на провал вследствие подмены понятий и траты драгоценного времени на изучение того, что не имеет прямого выхода в речевую деятельность.

Чтобы не быть голословной, сошлюсь на "Словарь-справочник по методике русского языка" М.Р.Львова (М., 1988), где делается акцент на усвоение учащимися использовавшихся ранее функциональных ориентиров или ведущей к их

корректировке. Только при таком условии правило перестает быть навязанным извне и бесполезным формальным “довеском” к практическому владению и переходит в статус опоры для самоконтроля и эксплицирования в случаях необходимости. В методике обучения иностранным языкам теоретические дискуссии о соотношении правила и практики с диапазоном разброса мнений от переоценки роли правила до полного отрицания его необходимости ныне привели к признанию того, что правило должно носить характер “руководства к действию”, однако это требование далеко не всегда выполняется, к тому же нет ясности в том, как такие “руководства” должны выглядеть. Вполне очевидно, что искать ответ на этот вопрос в рамках лингвистики было бы бесполезно: в ее задачи это попросту не входит.

Отношение частных дидактик к психологии иное: в этом случае ожидается, что опора на психологические особенности овладения соответствующим предметом должна обеспечить несомненный успех процесса обучения, т.е. помогает при ответе на вопрос “К а к учить?” Думается, что этого не происходит по ряду причин, в числе которых можно назвать хотя бы следующие. Во-первых, многие из известных мне методических исследований привлекают “психологическое обоснование” тех или иных приемов работы на уроке как обязательное условие “научности” предлагаемых методических рекомендаций, хотя само это обоснование фактически является “вторичным”, поскольку оно используется для оправдания уже апробированных приемов (в таких случаях обычно говорят, что “полученные результаты хорошо согласуются с данными психологических исследований” и т.п.). Во-вторых, даже при выведении методических гипотез из результатов психологических изысканий так или иначе проявляется отрицательная роль отмеченной выше подмены понятий при отождествлении лингвистического описания системы языка и индивидуального владения языком. Так, мне неоднократно приходилось сталкиваться с фактами “подгонки” результатов психологических исследований для их полной согласованности с общепризнанными лингвистическими постулатами, в то время как интереснейший материал, сигнализирующий о специфике функционирования языка как достояния человека выпадал из поля зрения экспериментатора или объявлялся “отклонением от нормы” и т.п. С другой стороны, оправданные психологические рекомендации своеобразно интерпретируются методистами при согласовании их с лингвистической теорией.

В этой связи полезно напомнить, что большие надежды возлагались и возлагаются ныне на концепцию поэтапного формирования умственных действий как психологическую базу для разработки новой методики обучения языкам - родному и иностранному. Некоторые успехи в результате применения этой концепции тем не менее не смогли радикально изменить ситуацию в средней и высшей школе. Более того, в методической литературе то и дело прослеживается наивная убежденность авторов в том, что грамматические правила (нередко при этом говорят о “лингвистических знаниях”) из “внешнего” знания переходят в статус “внутреннего”, т.е. в исходном виде интериоризуются, при этом буквальное понимание психологических терминов ведет к утрате глубокого смысла сложнейших процессов формирования функциональных ориентиров, обеспечивающих владение индивидуальным знанием. Следствием сказанного является вульгаризация концепции поэтапного формирования умственных действий и ее дискредитация. Чтобы этого не происходило, необходимо безотлагательное теоретическое осмысление возможностей, рамок и путей применения рассматриваемой концепции в условиях обучения языками (родному и иностранному) с учетом специфики этого учебного предмета, выводимой не из лингвистического описания языка как системы, а из особенностей

овладения и владения языком как достоянием индивида в различных условиях и с разными целями.

Таким образом мы приходим к неизбежному выводу о том, что для преодоления отмеченных выше сложностей и недочетов требуется разработка **психолингвистических основ** методики обучения языкам, однако не путем "сложения" результатов лингвистических и психологических исследований, а через построение **теории индивидуального знания**, способной вскрыть и объяснить механизмы овладения и владения языком как достоянием человека.

Следует отметить, что указания на необходимость учета психолингвистики и даже констатация наличия "психолингвистических основ" методики обучения языкам все чаще встречается в публикациях последних лет. Однако на самом деле желаемое при этом принимается за действительное, поскольку требуется реализация широкой программы методически ориентированных психолингвистических исследований (теоретических и экспериментальных), выполняемых новым поколением ученых, способных преодолеть инерцию лингвистических, психологических и методических постулатов, переходящих в статус предрассудков при попытке избежать традиционной подмены понятий системы языка и владения языком как деятельностью.

Поступила в редколлегию 1.09.1993 г.

П. Н. ЗЕМЛЯНСКИЙ

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ АУДИТОРНЫХ ЗАНЯТИЙ.

Все попытки объяснить причины и корни различий в речевом поведении полов так или иначе связаны с социальным окружением говорящего и с условиями протекания дискурса.

Фундаментальным принципом толкования этих различий для большинства исследователей является получившая в последнее время широкое распространение идея о противоположности коммуникативных стратегий полов. Принято считать, что мужчины избирают стратегию соперничества, в то время как женщины — стратегию сотрудничества. Распространение этой идеи повлекло за собой появление двух других понятий, важных для понимания и толкования проблемы. Речь идет о различной коммуникативной компетенции полов и о мужской и женской субкультурах. Так, Мальтц и Боркер [2. с. 115-117] полагают, что, действуя в различном социальном окружении, мужчины и женщины решают различные социально-бытовые задачи и, соответственно, эксплуатируют и развивают те речевые жанры и навыки, которые им больше всего необходимы для решения этих задач. Таким образом зарождается субкультура пола, ведущая к закреплению различных норм и стандартов речевого поведения для представителей различных полов. Последние и составляют коммуникативную компетенцию пола.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение реализации влияния мужской и женской субкультур и коммуникативной компетенции на протекание дискурса в смешанной коммуникативной группе в условиях аудиторных занятий.

Нами проведен эксперимент среди студентов одной из групп Харьковского университета. Группа состояла из семи мужчин и восьми женщин. В эксперименте участвовал преподаватель (женщина). Были записаны на магнитофон 3 часа

аудиторных семинарских занятий по истории Украины. Все участники эксперимента говорили по-украински. Полученные результаты были транскрибированы и проанализированы по параметрам, предлагаемому большинством исследователей коммуникативной стратегии полов, в частности Коутс [3. с.97-105].

Мы также попытались провести сравнение между результатами, полученными нами, и общепринятыми результатами об особенностях речевого поведения мужчин и женщин. На наш взгляд сравнительный анализ позволяет лучше понять влияние ситуации протекания дискурса и особенностей национальной культуры на речевое поведение. Исследование ситуации речевого поведения в условиях учебных занятий представляется нам интересным уже потому, что все участники коммуникации, по крайней мере теоретически, имеют одну и ту же стратегическую цель - произвести благоприятное впечатление и получить положительную оценку. Но будут ли мужчины и женщины использовать одни и те же средства для достижения этой цели?

Вклад преподавателя в коммуникацию рассматривался нами ограниченно поскольку преподаватель явно не мог считаться равноправным участником коммуникации, обладая отличным от других членов группы социальным статусом. Анализу подверглась лишь коммуникация студент-преподаватель и преподаватель-студент, причем рассматривалась она контрастно для разных полов.

Нами получены следующие результаты:

Мужчины говорили больше женщин как по времени, так и по объему речи. Из 386 зафиксированных высказываний 236 (68%) принадлежали мужчинам и только 150 (32%) - женщинам. Мужчины говорили 1.8 часа, а женщины - 1.2 часа. Эти результаты не соответствуют идее о большей разговорчивости женщин (3. с.30-34). Средний монологический речевой период у мужчин составил 11.5 высказываний, в то время как у женщин он составил 4.7 высказываний. Мужчины делали меньше пауз (1.7 паузы за речевой период). Женщины в среднем делали 2.4 паузы за речевой период.

Мужчины 11 раз проявляли инициативу при начале коммуникации или смене темы, женщины делали это 9 раз. Из 11 инициатив мужчин 9 представляли собой продолжительные монологические речевые периоды; женщины в 7 случаях из 9 ограничивались одно или двухсложными репликами.

Принято считать, что женщины намного превосходят мужчин по количеству задаваемых ими вопросов. Так Фишман установила, проанализировав 12.5 часов магнитофонных записей, что из 370 вопросов 263 были заданы женщинами [5. с.94].

Нами получена обратная картина. Из 49 вопросов 30 (60%) принадлежали мужчинам и только 19 (40%) - женщинам. Практически 100 % вопросов являлись четкими и явными запросами информации, а не задавались для поддержания коммуникации и демонстрации интереса к тому, что говорит собеседник.

Результаты нашего эксперимента совпали с общепринятым мнением еще по одному параметру - количеству прерываний собеседника, используемому мужчинами и женщинами. В нашем случае мужчины прерывали собеседника чаще, чем женщины. Кроме того, мужчины 7 раз прерывали преподавателя и только один раз другого студента (также мужчину). Женщины прерывали преподавателя дважды и один раз коллегу по группе (также женщину).

Еще один важный компонент анализа - наличие и количество наложений высказываний. Под наложением понимается ситуация, при которой один говорящий еще не закончил свое высказывание, а его собеседник уже начал свое собственное. При этом конечные элементы первого высказывания полностью или частично совпадают с начальными элементами второго. Нами зафиксировано

25 случаев наложения, из них 17 произошли между студентами, 5 между студентами и преподавателем, 3 между преподавателем и студентами. Высказывания мужчин накладывались друг на друга 5 раз, высказывания мужчин накладывались на высказывания женщин 3 раза. Зафиксировано 3 чисто "женских" наложения, при этом речь женщин накладывалась на речь мужчин 6 раз. Высказывания мужчин накладывались на речь преподавателя 4 раза, в то время как у женщин это произошло лишь однажды.

По результатам столь небольшого по объему эксперимента невозможно делать далекоидущих выводов, но уже сейчас можно прийти к некоторым базовым заключениям. В общем подтвердила себя мысль о различном речевом поведении мужчин и женщин. Мужчины и женщины пытались достичь одной и той же цели различными способами и средствами. Мужчины вели себя более активно и старались выдать как можно больше информации. Они также более настойчиво отстаивали свою точку зрения.

Кажущееся противоречие между общепринятым мнением о том, что женщины задают больше вопросов и результатами нашего эксперимента не совсем верно, так как в первом случае речь, как правило идет о вопросах, задаваемых женщинами для облегчения течения коммуникации в неформальной ситуации, а мы имели дело с вопросами как средством запрашивания информации.

Можно предположить, что в заключительной части занятия женщины почувствовали свое "поражение" и постарались наверстать упущенное, используя больше чем мужчины наложений в последние 15-20 минут занятия.

В целом же женщины вели себя как и в обстановке неформального общения, не стараясь "соревноваться". Хотя, нужно признать, что здесь немаловажную роль могли сыграть особенности воспитания, да и просто различная степень подготовленности членов группы к занятию.

Итак, по результатам нашего эксперимента то, что называют мужской и женской субкультурами, проявило себя достаточно четко.

При этом требуется более глубокое определение и осмысление понятия "субкультура". Необходимо выяснить соотношение спонтанного и осмысленного в формировании субкультуры. Это позволило бы с большей определенностью говорить о том, реализуются ли мужские и женские особенности речевого поведения произвольно и спонтанно, или же сами участники коммуникации приспособливают свою стратегию и тактику к условиям протекания дискурса.

Список литературы: 1. М а р т ы н ю к А. П. Некоторые особенности речевого поведения мужчин и женщин. 1992. Вестник Харьковского Университета, стр. 74-77. 2. M a l t z D., B o r k e r R. A cultural Approach to Male-Female Miscommunication. In "Language & Social Identity". Ed. by J.Gumperz. 1982. Cambridge Univ. Press. 3. C o a t s J. Women, Men & Language. 1986. Longman London, New York. 4. E d e l s k i C. Who's got the floor. Language in Society No 10, 1981. p.383-421. 5. F i s h m a n P.M. Interaction: The work Women Do. Language, Gender & Society. Mass. 1983. p.89-103.

Поступила в редакцию 1.09.1992 г.

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИОННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Создание единой типологии текстов невозможно без изучения отдельных типов текста и жанров, без накопления конкретных данных о закономерностях их организации.

В проведенном нами исследовании композиционно-содержательная структура рассматривается как одна из основных характеристик жанра.

Для решения задач исследования использовалось положение о том, что текст представляет собой линейную последовательность коммуникативных блоков (КБ), объединяемых определенными отношениями и предназначенную как целое для выполнения определенных функций (Мороховский 1981:7). Правила построения текста как целостного единства закреплены в системе языка в виде соответствующей модели. За нейтральную модель текста принимается структура ИТ-ИКБ-ОКБ₁ + ОКБ₂ + ... ОКБ_n + ЗКБ, где ИТ - индикаторы текста, ИКБ - интродуктивный КБ, ОКБ - основные КБ, ЗКБ - заключительный КБ.

Инвариантная модель текста реализуется в речи в определенных моделях композиционно-содержательной структуры (КСС текста). В этих моделях отражен набор и последовательность расположения функционально-коммуникативных единиц - коммуникативных блоков, наиболее соответствующие логике развертывания смысла текста определенного жанра и реализации его основной коммуникативной целеустановки. Каждый коммуникативный блок, входящий в состав КСС текста, выполняет определенную основную и ряд дополнительных функций, обладает содержательным инвариантом и оформляется теми типами композиционно-речевых форм (КРФ), которые наиболее успешно способствуют реализации его функции в рамках целого текста. Модели композиционно-содержательной структуры реализуются в текстах в определенном стилистически нейтральном или стилистически маркированном варианте.

Выбор модели композиционно-содержательной структуры зависит от целеустановки текста, определяемой неречевым заданием. Однако, само деление на лингвистические и внелингвистические факторы формирования текста - это не нечто внешнее по отношению к его лингвистическим свойствам, а его внутренний ориентир и регулятор, который обуславливает и саму конструкцию текста и его действие [Храпченко 1985:6].

Публицистические тексты выбраны нами в качестве объекта исследования, поскольку они являются одним из наиболее мощных средств социального воздействия, в этих текстах наиболее четко проявляется постоянная тесная связь с экстралингвистическими условиями их существования. Отдельные жанры рассматриваются нами в диахроническом аспекте, что позволяет глубже понять их эволюцию и определить элементы, способствующие устойчивости и вариативности жанра.

Практическое применение используемой нами методики анализа целых текстов покажем на примере жанра английских политических памфлетов.

Первые памфлеты появились в Англии в XV-XVI веках. Это были тонкие брошюры, содержащие дискуссию по религиозным вопросам. В XVII веке памфлет стал одной из форм молодой английской журналистики и представлял собой краткую листовку сугубо политического содержания. Выработке новой формы памфлета способствовало изменение общественно-политической ситуации и цели,

которую ставили перед собой памфлетисты. В начале XVIII века центр политической власти переместился из дворца в парламент, и борьба за места в высший законодательный орган побуждает представителей двух основных партий — вигов и тори — привлекать на свою сторону избирателя. К ним обращались либо через журнальные памфлеты, либо через памфлеты-брошюры. Пред публицистами, втянутыми в “памфлетную войну”, ставилась новая цель — проведение подготовки убежденных сторонников партии, осуществляемой путем длительного и целенаправленного воздействия на адресата — избирателя. Автор памфлета доказывает справедливость своих политических взглядов в процессе полемики с оппонентами, адресат приглашается к “сомышлению”, он как бы самостоятельно приходит к декларируемым выводам и сознательно принимает предлагаемую программу. Постоянное влияние на избирателей осуществлялось в журнальных памфлетах из номера в номер, а памфлеты-брошюры также часто издавались в виде целых циклов. Необходимо отметить, что выработка новой формы памфлета, по-видимому, стала возможной благодаря участию в “памфлетной войне” таких талантливых литераторов как Дж. Аддисон, Д. Дефо, С. Джонсон, Г. Филдинг, Дж. Свифт, Р. Стил и др.

Именно на этом этапе происходит формирование той композиционно-содержательной структуры текста, которая в основном присуща английскому памфлету как жанру на всех этапах его развития. Анализ показал, что инвариантная модель композиционно-содержательной структуры текста памфлета предстает в виде такой последовательности коммуникативных блоков: индикаторы текста - интродуктивный КБ - тематический КБ - повествующий КБ - полемический КБ - программный КБ - инферативный КБ. Такой порядок следования коммуникативных блоков соответствует логике развертывания смысла текста и предопределяется его основной коммуникативной целеустановкой - убеждение адресата в справедливости политической программы автора и побуждение его к принятию данной программы.

Основной функцией анализируемых текстов является валонтиративная - то есть функция воздействия на адресата, но каждый из коммуникативных блоков выполняет присущую только ему основную функцию и ряд дополнительных. Контактная функция (установление, поддержание и размыкание контакта) реализуется всеми коммуникативными блоками текста, что объясняется невозможностью осуществления воздействия на адресата без поддержания постоянного контакта с ним.

Каждый коммуникативный блок текста оформлен теми типами базовых композиционно-речевых форм “рассуждение”, “сообщение” и “описание”, которые присущи данному жанру и способствуют реализации коммуникативных установок различных композиционных элементов текста. Эти типы КРФ составляют композиционно-речевую систему жанра. В английских политических памфлетах КРФ “рассуждение” представлена в виде полного или сокращенного эмпирического доказательства, т.е. такого логического единства, в котором суждения соотносятся с фактами, примерами. Полное доказательство основано на трехчленной модели, включающей тезис - декодирующую часть - вывод, и определяется нами как аргументация. Сокращенное доказательство включает тезис и декодирующую часть и определяется как комментарий. Тесная семантическая связь всех структурных элементов доказательства формально подчеркивается различного рода повторами, синтаксическим параллелизмом предложений текстового фрагмента, а также единством временного плана - настоящее indefinite постоянное.

В основу выделения различных видов аргументации и комментария в анализируемых текстах положено наличие в тезисе или выводе суждений

определенного типа. Наряду с традиционными (дескриптивными) и оценочными суждениями выделяются также суждения-побуждения. Для передачи прямого или косвенного побуждения здесь используются такие языковые средства, как глаголы в повелительном наклонении; побудительные конструкции *let + inf.*; модальные глаголы с семой долженствования - *must, need, ought, should*; безличные конструкции с этими глаголами типа *It must be examined*, существительные и прилагательные, содержащие сему волеизъявления и др. Побуждение может быть обращено к читателю и автору (побуждение к совместному действию), а также к обобщенному адресату (неопределенно очерченной группе лиц) - напр.: *This ought to move the good people of Britain to receive the proposals of the pretender with indignation (Defoe)*.

На основе включения суждений-побуждений в тезис или вывод аргументации комментария выделялись структурно-семантические типы КРФ **аргументация - побуждение** и **комментарий - побуждение**. Они реализуют в тексте функцию убеждения адресата и побуждения его к определенным действиям. Наряду с комментарием, состоящим из тезиса и его обоснования, в анализируемых текстах встречается комментарий-побуждение, состоящий из одного тезиса. Он используется для дублирования побуждения уже выраженного ранее в аргументации и подтвержденного фактами, например: *Nothing, therefore is necessary, at this alarming crises, but to consider the alarm is false (Johnson)*.

Особенности КРФ "**сообщение**" в текстах памфлетов определяется тем, что эти тексты находятся на стыке публицистики и художественной литературы и им свойственны поэтому два структурно-семантических типа данной КРФ: **сообщение** и **повествование**. Сообщение используется в анализируемых текстах для информирования адресата о какой-либо событийной ситуации и предполагает такой способ изложения, в котором события представлены в результативном аспекте как факты и между предложениями текстового фрагмента устанавливается последовательно-соположительная связь.

Повествование реализует в тексте функцию изложения событийной ситуации и передает временную взаимосвязь ряда событий и состояний предмета. Последовательно-временная связь между предложениями текстового фрагмента выражается использованием слов и словосочетаний темпоральной и локальной семантики, а также употреблением ряда глагольных предикатов с временной однотипностью при одном субъекте или предикатов с временной разнотипностью, позволяющих установить отношение действий между собой.

В рамках КРФ "**описание**" для исследуемых текстов характерны два структурно-семантических типа: **описание - характеристика** и **описание ситуации**. Первый тип описаний используется для характеристики политических деятелей, а также предметов и явлений описываемого исторического периода. Здесь фиксируется наличие объекта описания ряда характерных признаков. Между предложениями описательного текстового фрагмента устанавливается соположительная связь, широко используются составные именные сказуемые, в которых именная связь выражена существительным, прилагательным или причастием. **Описание ситуации** употребляется для изображения в определенном пространстве и временном отрезке ряда лиц и неодушевленных предметов, каждый из которых обладает определенными признаками. Объекты (детали ситуации) воспринимаются наблюдателем поочередно и составляют единую общую картину. Очередность изображения деталей ситуации передается тем, что они оформляются как ряд дополнений, сопровождаемых детерминативами - прилагательными, причастиями, придаточными определительными предложениями, а также рядом номинативных предложений.

Переходя к анализу текстоформирующих и текстообразующих элементов

композиционно-содержательной структуры текста памфлета, необходимо отметить, что набор и функции индикаторов различны в текстах журнальных памфлетов и памфлетов-брошюр. В первой группе текстов индикаторы представлены заголовком, реализующим индексальную функцию, так как в нем только указывается число и месяц выхода журнала, и эпиграфом. Во второй группе текстов индикаторами являются развернутые заголовочные комплексы, которые состоят из заголовка и подзаголовка, указания на адресанта текста, год, место, номер издания, фамилии и адреса издателя. Все индикаторы текста (кроме подзаголовка) располагаются на титульном листе памфлета и используются для реализации характерологической и актуализирующей функций, индивидуализируя текст и соотнося его с внеязыковой ситуацией, а также контактоустанавливающей функцией, указывая на социальные роли участников коммуникации.

Интродуктивный КБ предназначен для введения "фоновой" информации, необходимой для адекватного восприятия читателем основной информации текста. Анализ показал, что данный блок представлен в исследуемых текстах двумя вариантами: 1) **повествующий интродуктивный** КБ в котором излагается ситуация, послужившая причиной написания данного текста; 2) **аналитический интродуктивный** КБ, где наряду с изложением ситуации, приведшей к написанию текста, дан авторский комментарий к ней. Блок первого вида оформлен в тексте структурно-семантическими типами КРФ "сообщение", а блок второго вида - сочетанием различных видов КРФ "сообщение" и рассуждения комментария.

Интродуктивный КБ, помимо основной, реализует также дополнительную - контактную функцию. Контакт автора и читателя осуществляется при помощи обращений, риторических вопросов и восклицаний, личного местоимения *we*, объединяющего интересы адресанта и адресата, а также различных средств прямого и косвенного побуждения. Для установления и размыкания контакта вымышленного повествователя и вымышленного адресата текста используются традиционные клишированные формулы.

Основной функцией тематического КБ является функция введения темы текста. В работе выделено три вида тематических КБ, различающихся по способу введения темы: прямое введение темы (информирующее и побуждающее) и косвенное введение темы. При информирующем прямом введении темы автор сообщает о своем намерении рассмотреть определенный вопрос или проблему, используя предложения с субъектом *I* и предикатом - сложным сказуемым с модальным глаголом, обладающим семой долженствования: *I must examine, I have to enquire*; предложений с безличными конструкциями: *it is intended to exhibit*; предложений с клишированными фразами типа: *the main topic of the work is, the work is written for*. Блок оформляется в тексте КРФ "сообщение". В тематическом КБ с побуждающим прямым введением темы указывается на объективную необходимость рассмотрения определенной проблемы. Блок оформляется в тексте подтипом КРФ "рассуждение" - комментарий - побуждение и осуществляет, помимо основной, дополнительную волеизъявительную функцию. Тематический КБ с косвенным введением темы представлен в тексте КРФ "сообщение".

Повествующий КБ реализует функцию дальнейшего развития темы текста. Особенность его семантики заключается в изложении истории вопроса, т.е. в указании на обстоятельства возникновения и степень разработанности исследуемой проблемы. В анализируемых текстах памфлетов повествующий КБ представлен тремя вариантами: 1) информирующе-повествующий, 2) повествующе-аналитический, 3) повествующе-изобразительный. В блоках первого вида сообщается о ряде фактов или

повествуется о ряде событий, развивающих тему текста, сочетается с авторским комментарием или с описанием. Данные блоки оформляются в тексте, соответственно, сочетанием повествования и рассуждения-комментария или повествования и описания.

П о л е м и ч е с к и й КБ осуществляет в тексте функцию убеждения, что выдвигает его в разряд наиболее коммуникативно значимых во всей модели КСС исследуемых текстов. В данном блоке справедливость взглядов адресанта доказывается в ходе полемики с одним или несколькими оппонентами. В зависимости от подтем, рассматриваемых в тексте, полемический КБ состоит из одного или нескольких полемических звеньев. Каждое полемическое звено включает, в свою очередь, информирующую, сопоставляющую и убеждающую части. В и н ф о р м и р у ю щ е й части вводится микротема полемического звена и сообщается о различных взглядах оппонентов по данной микротеме. Эта часть блока оформляется в тексте сообщением и представлена цитатой или несобственно-прямой речью. В сопоставляющей части адресант оценивает приведенную точку зрения как полностью / частично неверную по отношению к его собственной оценочной позиции. Эта часть текста представлена комментарием-оценкой. В убеждающей части излагаются взгляды адресанта на рассматриваемую проблему. Фрагмент текста, соответствующий этой части, оформляется структурно-семантическими типами КРФ "рассуждение" - аргументацией или аргументацией в сочетании с различными видами комментария.

Необходимо подчеркнуть, что в полемическом КБ, в отличие от других блоков, не только подчеркивается контакт автора с адресатом, но и осуществляется контакт с одним или несколькими оппонентами. Рассматривая языковые средства осуществления такого контакта, можно назвать вопросно-ответный комплекс, средства передачи чужой речи в виде прямой цитации или косвенной речи, а также средства стимуляции контакта - побуждение по отношению к оппоненту, напр.: *These are hard sayings, and ought to very well grounded before we take up with them (Defoe)*. П р о г р а м м н ы й КБ реализует в тексте волюнтаривную функцию. В этом блоке автор излагает свою программу и побуждает адресата к ее принятию. В большинстве исследуемых текстов за побуждением следует его обоснование, которое осуществляется путем перечисления фактов и примеров, подтверждающих справедливость программы или путем моделирования ситуации, которая будет создана в случае выполнения программы адресанта. Семантические особенности данного блока влияют на особенности его структурной организации: блок состоит из двух частей - п р о г р а м м н о й (побуждение) и и л л ю с т р а т и в н о й (обоснование побуждения). Программная часть оформляется в тексте комментарием-побуждением, а иллюстративная - повествованием о единичной/типичной событийной ситуации.

И н ф е р а т и в н ы й КБ прекращает синтагматическое развертывание текста. Основной его функцией является функция обобщения информации текста, а дополнительной - волюнтаривная и контактная функции (с целеустановкой на размыкание контакта). Этот блок реализуется в текстах памфлетов в двух вариантах: 1) обобщающе-побуждающий и 2) обобщающе-повествующий. Первый из них выражен комментарием-побуждением: *These are the inevitable consequences of such a change of Affairs, as that envenomed party is now projecting, which will best be prevented by your firmly adhering to the present ministry (Swift)*, а второй - повествованием.

С в я з у ю щ и е КБ обеспечивают логический переход от одного КБ к другому или от одной части к другой в рамках одного блока. Употребление связующих КБ в тексте является факультативным. В зависимости от статуса соединяемых ими фрагментов все связующие КБ текстов памфлетов могут быть

разделены на две группы: 1) межблочные, осуществляющие переход от одной части к другой в рамках одного блока. С точки зрения структуры, связующие КБ могут быть представлены словом, словосочетанием и предложением. Наиболее частотным является использование связующих КБ-предложений, оформленных в отдельный абзац. Это наблюдение подтверждает вывод о двустороннем характере связности, которая играет роль в образовании целого и одновременно имеет независимый от целого характер (Кожевникова 1971:51). Некоторые из связующих блоков обладают и ретроспективной, и проспективной ориентацией, т.е. подводят итог предыдущему коммуникативному блоку и ориентируют на восприятие следующего. Например, связующий КБ, маркирующий переход от повествующего к полемическому КБ: *Having said thus much, I will now go on to tell you the judgement of some great lawyers in this matter (Jonson).*

Наряду с указанной стилистически нейтральной моделью КСС в исследуемых текстах было выделено одиннадцать вариантов стилистически маркированных моделей, в образовании которых использована р е д у к ц и я, э к с п а н с и я, или и н в е р с и я компонентов нейтральной модели, а также комбинация этих способов. Редукция предполагает стилистически значимое опущение одного или нескольких компонентов модели КСС, экспансия - повтор в тексте одного из коммуникативных блоков, а инверсия - изменение порядка следования компонентов модели. Стилистически маркированные модели КСС являются выразительными средствами текстового уровня, по этим моделям построено преобладающее большинство (85%) всех исследованных текстов.

Рассматривая некоторые закономерности использования стилистически маркированных моделей в анализируемых текстах памфлетов, необходимо отметить, что р е д у к ц и я повествующего КБ наблюдается в тех текстах, темой которых является известный в обществе или ранее обсуждаемый вопрос или проблема. Редукция полемического КБ используется в текстах, которые стилизованы под тексты других жанров - декларацию, письмо-инструкцию, письмо-отчет и приобретают присущие этим текстам структурно-семантические характеристики. Опущение программного КБ зафиксировано в тех случаях, когда фрагменты программы автора изложены в убеждающих частях полемических звеньев, и вся программа может быть самостоятельно выделена адресатом путем сопоставления и обобщения этих частей текста. При опущении инферативного КБ адресату предоставляется возможность самостоятельно обобщать факты и подводить итоги, опираясь на приведенные автором доказательства и иллюстрации к выдвигаемому им программным установкам. Одновременная редукция нескольких компонентов нейтральной модели КСС текста связана со стремлением к актуализации блока, несущего основную коммуникативную нагрузку. Таким блоком в памфлетах-брошюрах является программный КБ, а в журнальных памфлетах - полемический КБ. Указанные блоки никогда не подвергаются редукции в моделях текстов соответствующей группы. Кроме того, во всех выделяемых моделях КСС редукции не подвергается тематический и интродуктивный КБ, так как опущение этих блоков, реализующих функции введения фоновой информации и темы, лишило бы анализируемые тексты коммуникативной достаточности.

В моделях, основанных на э к с п а н с и и, используется повтор программного КБ, который осуществляется с полностью или частично измененным грамматическим и лексическим наполнением, но со сходной семантикой и идентичной функцией - волюнтаривной. Выбор модели связан со стремлением автора сделать свою программу более доходчивой, запоминающейся. Однако многократное повторение этого блока связано с фигурой повествователя-антагониста, маска которого используется автором для разоблачения политической

программы своих оппонентов "изнутри". Неоднократное повторение повествователем-антагонистом своей программы с использованием эксплицитных призывов к ее принятию свидетельствует о воинствующей непримиримости его позиции и ослабляет доверие читателя к нему и его программе. Например, в тексте памфлета Д.Дефо "The shortest way with the dissenters", построенном по такой модели, повествователем выступает священник английской церкви (повествователь-антагонист), который призывает искоренить в Англии всех диссентеров - членов оппозиционной религиозной секты. Программный КБ, содержащий этот призыв, впервые появляется после тематического КБ; затем после повествующего КБ; несколько раз встречается в составе убеждающей части полемического КБ, где текстовые фрагменты, соответствующие этому блоку, расположены в порядке нарастания экспрессивной и эмоциональной напряженности, несмотря на их дистантное расположение; и, наконец, дублируется в синонимичном ему по семантике и волюнтаривной функции инферативном КБ. Такое многократное повторение призыва приводит к созданию обратного эффекта.

Среди моделей, основанных на инверсии, в анализируемых текстах используется модель, в которой программный КБ предшествует полемическому КБ, что объясняется изменением тактики коммуникации. Если в тексте, построенном по нейтральной модели КСС, адресант вводит свою программу постепенно, обосновывая отдельные ее положения в ходе полемики с оппонентами, то в текстах, основанных на данной модели, адресант прямо заявляет о своем намерении изложить в тексте определенную программу, представленную как предложение или совет. Это намерение отражено, как правило, в заглавиях текстов, которые начинаются со слов *proposal* или *advice*. Использование инверсионных моделей также часто связано с введением повествователя-антагониста.

В заключение необходимо отметить, что накопление конкретных данных о КСС текстов различных жанров позволит создать типологию текстов на уровне композиционно-содержательных структур. Практическое овладение моделями КСС в процессе обучения иностранному языку способствует повышению жанровой компетентности студентов, помогает избежать нарушения функциональной целостности текста при переводе и реферировании и, следовательно, повышает эффективность коммуникации на иностранном языке.

Список литературы: 1. Кожевникова К. Об аспектах связанности в тексте как в целом. Синтаксис текста. - М., 1979. - С.49-67. 2. Мороховский А.Н. Некоторые основные понятия стилистики и лингвистики текста. Лингвистика текста и методика преподавания иностранных языков. Сб. науч. трудов. КГПИИЯ. - Киев, 1981. - С.6-13. 3. Храпченко М. Б. Текст и его свойства. Вopr. языкозн. - 1985. - №2. - С.3-9.

Поступила в редколлегию 1.11.1993 г.

Л.А. КЕДОВА, канд. филол. наук

НОСТРАТИКА: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Настоящая статья носит обзорный характер и посвящена, пожалуй, наиболее сложной проблеме сегодняшнего сравнительно-исторического языкознания - реконструкции праязыковых крупных языковых семей, восходящих к достаточно глубокой "дописьменной" древности, и, затем, сближению, доказательству

генетического родства этих семей в далеком прошлом.

Истории лингвистической науки известны попытки сблизить индоевропейские языки с семитскими, угро-финские - с алтайскими, индоевропейские - с тюркскими и урало-алтайскими и т.д. Если в прежние времена в большинстве случаев предпринималось сближение отдельных семей языков, например, семитских с индоевропейскими, тюркских с угро-финскими, современный этап развития этого направления характеризуется стремлением устанавливать группы родственных языков, включающие очень большое количество членов.

Первым, кто начал в нашей стране разрабатывать ностратическую теорию, был В.М. Иллич-Свитыч, трагически погибший в возрасте 32 лет, но оставивший огромную картотеку собранного им сравнительного ностратического словаря, и именно благодаря ему ностратическая гипотеза превратилась в серьезную научную концепцию, хотя мысль о единстве большой группы языков Европы, Азии и Африки была высказана еще в конце XIX века.

В.М. Иллич-Свитыч выделяет большую группу родственных языков, называемую ностратической, и которая включает шесть языковых групп Старого Света - индоевропейскую, алтайскую, уральскую, дравидийскую, картвельскую, и семито-хамитскую.

Тенденция к устранению родства большого количества языков разных семей имеет очень веские причины: во-первых, это необычайно расширяет рамки исторической перспективы. Например, если уральский праязык существовал примерно 10-15000 лет тому назад, то ностратический язык должен залегать значительно глубже. Его существование могут отделять от нас 30 и 40 тысяч лет; во-вторых, чем больше родственных языков содержит языковая семья, тем более вероятно сохранение в известной части этих языков глубоких архаизмов. Изучение их помогло бы во многих случаях уточнить наши сведения по истории современных языков. Открытие новых фонетических законов и более древних элементов грамматической структуры могло бы дать более точное представление об общих путях развития родственных языков; в-третьих, установление больших групп родственных языков помогло бы более точно определить географическое положение этих языков в глубокой древности.

В качестве примера продуктивности подобного подхода мы приведем восстановленную этимологию глагола "быть", имеющего две основы (es, bhu). В бореальном праязыке (раннеиндоевропейский, раннеуральский и раннеалтайский) корневое слово *Ху-s- денотировало следующие понятия: "огороженное стойбище, постоянное место рода, поселение, обитать, проживать": I.ман. Xas- хала огораживать, обносить плетнем, изгородью, частоколом; II скр. KS-eti- обитает, проживает; III.фин. AS-ua- обитает, проживать, жить (из Хуs-w; эст. AS-ukas-обитатель, поселенец, IV арм. S-en- селение, обитаемое место и т.д., а вест. S-iti- место пребывания).

То есть, если в бореальном праязыке слово обозначало весьма конкретное понятие - "огороженное стойбище (кочевников)", то с переходом к оседлости оно стало означать "селитьба (постоянная)", далее его семантика расширялась - через "соседить" - до "находиться вообще", наконец, развиваясь по линии максимального абстрагирования, *es - пришло к итоговому значению "быть".

Бореальное корневое слово *Bh-XW означало "ребенок, рождение ребенка, родить ребенка". PO-isu - малыш (из BhXw-Y) вост.-фриз. BO-i -малыш, ребенок (из BhoXW-Y); негид. ВоГ-inca - внебрачный ребенок; др-нем. ВиО-во - мальчик, ребенок; хант. Pal-ali - мальчик; фин. PO-ju - малыш; вед.Bha-va - матка, рождение ребенка. Позднее, в средневропейском появилась детерминантная основа BhXw-W - "расти", давшая *bhu - с семантикой становиться, откуда после нового смыслового расширения - результирующее "быть", в ряде UE

языков вовлеченное в одно спряжение *es-.

Подобные реконструкции, хотя и представляют большой интерес, несут, тем не менее, достаточно узкий характер, т.е. относятся лишь к сфере лингвистики. Ностратика же в целом позволяет выходить за рамки филологии и соединить ее с историей, этнографией и археологией, создавая тем самым единый комплекс - науку о человеке, впечатляющим примером чего являются следующие открытия в области дальнего языкового родства. Как известно, в кавказоведении долго господствовала так называемая иберийско-кавказская теория: три основные группы языков Кавказа - картвельская (грузинский и близкие ему языки), восточнокавказская (нахско-дагестанская) и западнокавказская (абхазо-адыгская) считались родственными между собой. В шестидесятые годы начался новый этап в развитии картвельского языкознания, в результате чего гораздо определеннее выявились отличия картвельской семьи от двух других. Поэтому Илличем-Свитычем и его школой картвельская семья была "вынута" из иберийско-кавказской суперсемьи и "вставлена" в ностратическую. Далее, было доказано, что восточно- и западнокавказские языки - две ветви одной и той же семьи - северокавказской, куда входят также хуррито-урартские и хаттские языки. Самое поразительное, что благодаря, в известной мере, случайности было замечено сходство между этими языками и языками сино-тибетской семьи, и в настоящее время уже можно считать доказанным их принадлежность к одной древней суперсемье - сино-кавказской, третьей ветвью которой является енисейская группа и четвертой, вероятно, языки надене в Северной Америке.

Используя глоттохронологию, было получено, что дата разделения сино-кавказского - это примерно IX-VIII тысячелетие до Р.Х., а прасеверокавказский и прасино-тибетский распадаются приблизительно в V тысячелетии до Р.Х., и вот здесь ностратика перестает быть чисто лингвистической дисциплиной. Судя по многочисленным культурным терминам прасеверокавказцы жили где-то в Передней Азии в VI-V тыс. до Р.Х. и нетрудно представить, как носители современных северокавказских языков могли попасть в районы Абхазии или Дагестана откуда-нибудь из Верхней Месопотамии или Армянского Нагорья. Но как представить себе распространение сино-кавказских языков из необходимо постулируемого единого центра в столь далекие друг от друга районы земного шара, как Кавказ, Китай, Сибирь, и Северная Америка? Как соотносить с тем, что на этих языках говорит столь антропологически неоднородное население - европеоиды Кавказа, Монголоиды Восточной Азии и индейцы Америки? Родину народов, говоривших на ностратических языках, также помещают на Ближнем Востоке, в районе Кавказских гор, откуда они начали миграцию по Евразийскому материку. Однако, в этом же районе жил и пришел в Месопотамию народ, являющийся основателем древней цивилизации - шумеры, родство языка которых не установлено ни с какими другими языками мира.

В этом месте ностратика перестает быть чисто лингвистической дисциплиной и должна обращаться к археологии, этнографии, культурологии, объединение которых дает надежду найти удовлетворительные ответы на поставленные вопросы.

В заключение следует сказать, что, если сравнительно-историческое языкознание — самая точная из гуманитарных наук, то ностратика - это ее вершина, с которой можно заглянуть в весьма отдаленное прошлое человечества, в котором еще очень смутно, но уже угадываются очертания того времени, когда человечество, точнее вид *Homo Sapiens*, было единым.

Список литературы: 1. Андреев В. А. Раннеиндоевропейский праязык. - М. 1986.- 326 с. 2. Дьяконов И. М. Языки Азии и Африки. М. 1986 - 64 т.

3. Дьяконов И. М. Люди города Ура. - М.: 1990. - 427 с. 4. Иванов В.В. Общеславянская, праславянская и анатолийская языковые системы. - М.: 1965. - 298 с. 5. Старостин С. А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. - М.: 1991. - 296 с. 6. Кн: Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. - М.: 1982. - 311 с.

Поступила в редколлегию 1.09.1993г.

В.В.КОЛЫНА

ІНТЕРПОЗИТИВНІ ПІДРЯДНІ РЕЧЕННЯ АСПЕКТ ДОВЖИНИ

Ця стаття є продовженням наших попередніх публікацій, в яких розглядалися проблеми дистантного розміщення компонентів лінійного мовлення [5] та особливості сприйняття дистантних структур великої протяжності [4].

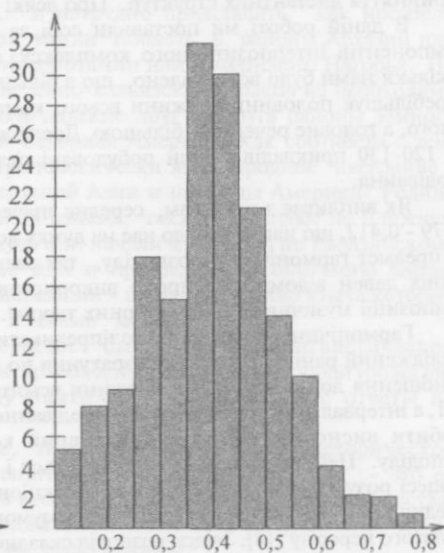
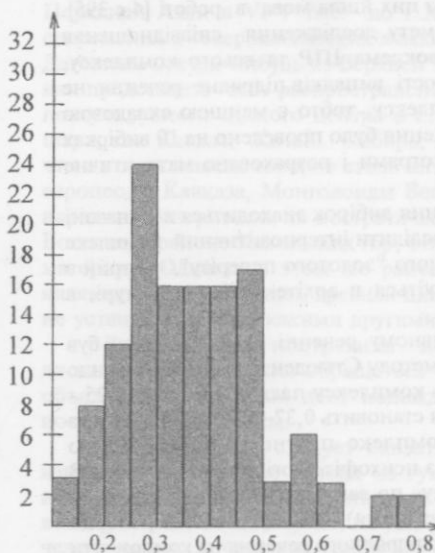
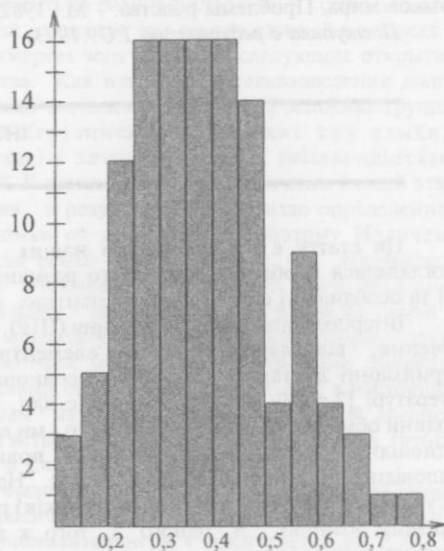
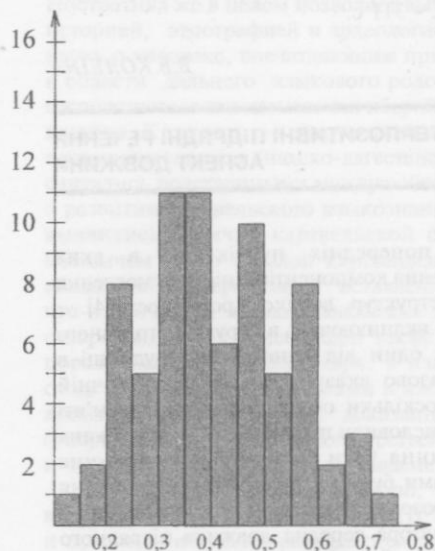
Інтерпозитивні підрядні речення (ІПР), вклинюючись в структуру головного речення, віддаляють контактні елементи один від одного. На труднощі в сприйманні дистантних структур неодноразово вказувалося в лінгвістичній літературі [2, с.160; 6, с.39; 7, с.86; 10, с.206], оскільки об'єм оперативної пам'яті людини обмежений. Виходячи з цього, ми висловили припущення, що довжина відповідного речення в інтерпозиції повинна бути меншою, чим довжина відповідного речення в інших позиціях. Нами були відібрані підрядні речення часу з творів п'яти німецьких письменників і розрахована середня довжина речення в різних позиціях. В одного і того ж автора середня довжина підрядного речення майже однакова в усіх трьох позиціях. Отже дослідження спростувало наше припущення, тож певно, існують якісь фактори, що полегшують сприйняття дистантних структур. Про деякі з них йшла мова в роботі [4, с.395].

В даній роботі ми поставили собі за мету дослідження співвідношення компонентів інтерпозитивного комплексу, зокрема ІПР та всього комплексу, оскільки нами було встановлено, що в більшості випадків підрядне речення не перебільшує половини довжини всього комплексу, тобто є меншою складовою цілого, а головне речення - більшою. Дослідження було проведено на 10 вибірках по 120-130 прикладів. Були побудовані гістограми і розраховано математичне сподівання.

Як впливає з гістограм, середнє значення вибірок знаходиться в діапазоні 0,379 - 0,412, що наштовхнуло нас на думку дослідити інтерпозитивний комплекс на предмет гармонічного розподілу, так званого "золотого перерізу", котрий з давніх давен відомий і широко використовувється в архітектурі, скульптурі, в композиції музичних та літературних творів¹.

Гармонічний розподіл в поліпредикативному реченні російської мови був досліджений раніше [3, с.82]. Розрахунки по методу Стюдента [1] показали, що відношення довжини ІПР до довжини всього комплексу падає в діапазон 0,25 - 0,51, а інтервал змін математичного сподівання становить 0,37 - 0,41, тобто можна зробити висновок, що інтерпозитивний комплекс прагне до гармонічного розподілу. Цей висновок підтверджується і з психофізіологічної точки зору. В процесі розумової праці наш мозок функціонує по законах "золотого перерізу": середня геометрична частота бетахвилі (розумова праця) і дві смуги дають пропорції "золотого перерізу" [8]. Звідси розподіл складнопідрядного речення на компоненти йде мимоволі, ні той, що говорить, ні той, що слухає цього не помічають. З іншого боку слухач легко сприймає дистантні структури, побудовані на золотій пропорції, так як його мозок вже настроєний на неї.

Гістограми розподілу відношення довжини ІПР до довжини інтерпозитивного комплексу

Отже поряд з іншими факторами, такими як інтонаційна структура речення, суцесивне сприймання мови, здатність сприймання мови, здатність нашого розуму передбачати конструктивний каркас всієї структури на основі лінійної послідовності елементів, рамкова структура німецького речення, особлива психологічна напруга, яка підживлює цікавість слухача, "золотий переріз" також допомагає сприйманню дистантних структур великої ємності, котрими є складнопідрядні речення з ІПР.

Список літератури. 1. Г м у р м а н В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: Высш. школа, 1977. 479с. 2. До контрастивного аналізу "розриву" мовного ланцюга (на матеріалі російської, української, англійської і німецької мов) (Андропова В.Б., Вороніна Л.О., Ейгер Г.В. та ін.) // Нариси з контрастивної лінгвістики. К., 1979. С.159-163. 3. К а л а ш н и к о в а Г. Ф., А л ь н и - к о в а В. Ю. О структурной организации русского полипредикативного сложносочиненного предложения // Вопр. языкозн., 1991. №6 С.78-89. 4. К о л б и н а В. В. Некоторые особенности функционирования оперативной памяти в процессе восприятия синтаксических структур большой емкости (на материале немецкого языка) //Актуальные проблемы современной психологии. Харьков, 1993. С.394-396. 5. К о л б и н а В.В. О дисантности элементов речевой цепи // Сборник научных работ аспирантов Харьковского государственного университета. Харків, 1992 С.225-228. 6. Л у р и я А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. 253с. 7. С е в б о И.П. Графическое представление синтаксических структур и стилистическая диагностика. К., 1981. 192 с. 8. С о к о л о в А. Тайны золотого сечения // Техника-молодежи, 1978. №5 С.40-43. 9. Українська радянська енциклопедія. Т.4. Київ, 1979. С.295. 10. Presch G. Syntaktische Diskontinuität. Linearität als grammatisches Prinzip und als Problem sprachlicher Rezeption. Hildesheim: Olms, 1977. 227 S.

Поступила в редколлегию 1.03.1992 г.

- ¹ **Золотим перерізом** називається розподіл цілого на дві частини так, щоб більша частина була середньою пропорціональною між цілим і його меншою частиною [9]. При цьому з рішення відповідного рівняння витікає, що менша частина становить 0,38 цілого.

КАТЕГОРИЯ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ ДИАХРОНИИ
И СИНХРОНИИ

Категория желательности представляет собой одну из важнейших когнитивных категорий, отражаемых языком.

В древнеанглийском языке, как и в большинстве германских языков, данное сигнификативное значение выражалось морфологически — наклонением глагола оптативом) и претерито-презентивным глаголом *wiljan*. В процессе эволюции языка оптатив преобразуется в субъюнктив, утратив значение желательности, а претерито-презентивный глагол *wiljan* десемантизируется, приобретает модальное значение намерения, волелзъявления, волативности, а затем входит в парадигму средств выражения футуральности как глагольное словосочетание с грамматической направленностью.

Значение желательности из сферы грамматики перемещается в сферу лексики, вовлекая в свой круг глаголы и их дериваты, имеющие первоначально сходные/смежные значения. Круг данных единиц расширяется путем заимствования из других языков, и с точки зрения синхронии они зачастую рассматриваются как синонимы.

Нам представляется, что значение желательности передается следующими глаголами (и их деривативами): *want, wish, desire, lust, long, yearn*. Рассмотрим значение этих единиц подробно. Порядок следования определяется частотой употребления, а также несколько общим/специфичным является выражаемое ими значение желательности.

№		Происхождение	Дифференц. компоненты общ. значения
1	WANT	Скандинавское (Icel. <i>vant</i>)	недоставать, нехватать, отсутствовать, ощущать потребность в чем-то;
2	WISH	Германское (a-s) <i>wyscan</i>	мыслительный/ментальный процесс пожелания чего-либо, чаще всего невозможного, нереального;
3	DESIRE	Латинское <i>desiderarer</i> французское <i>desirer</i>	страстно желать чего-либо (кого-либо), чувственное желание с эксплицитным/имплицитным оценочным компонентом "+";
4	LUST	Германское (Gothic) <i>lustus</i>	испытывать удовольствие от обладания чем-то (кем-то) часто с имплицитным оценочным компонентом "-";
5	LONG	Германское (a-s) <i>langian</i>	испытывать эмоциональное состояние томления, неясного желания чего-то;
6	YEARN	Германское (a-s) <i>giernan</i>	печалиться о несбыточности (невозможности желания) стремления к чему-то.

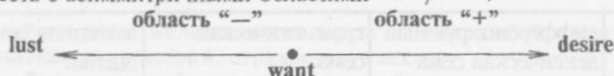
Рассматриваемые с точки зрения синхронии глаголы желания (и их деривативы) представляют собой гомогенную группу, объединенную общим сигнификативным значением желательности. Используя метод компонентного анализа, мы приходим к выводу, что в лексемы глаголов желания входят следующие компоненты:

w a n t	идентифицирующая лексическая сема "хотеть, желать"	дифференцирующая лексическая сема "нуждаться в чем-то, ком-то" (сильная валентность на объект-цель)	грамматическая сема ингрессивности/потенциальности/каузативности	латентная сема оценки "хорошо"
w i s h	идентифицирующая лексическая сема "желать"	дифференцирующая лексическая сема название ментального процесса	модальная сема "нереальность: нереализованность/ирреальность"	оценочная сема "хорошо"
d e s i r e	идентифицирующая лексическая сема "желать"	дифференцирующая лексическая сема "чувствовать" (эмоции)	сема антропонимического объекта	сема оценки "хорошо"/градуальности
l u s t	идентифицирующая лексическая сема "желать"	дифференцирующая лексическая сема "чувствовать" (эмоции)	сема результата/каузатора	сема оценки "плохо"/градуальности
l o n g	идентифицирующая лексическая сема "желать"	дифференцирующая лексическая сема "чувствовать" (эмоции)	сема градуальности/интенсивности оценки "хорошо"	ингерентная аспектуальная сема дуративности
y e a r n	идентифицирующая лексическая сема "желать"	дифференцирующая лексическая сема "чувствовать" (эмоции)	сема градуальности/интенсивности	потенциальная модальная сема ирреальности

Исходя из семного состава данных глаголов можно выделить в них три подгруппы:

- 1) классифицирующие глаголы: **want, wish**;
- 2) оценочные или оценочно-градуальные глаголы: **desire, lust**
- 3) собственно-градуальные глаголы или глаголы интенсификаторы: **long, yearn**

Предлагаемая в нашей работе шкала глаголов желания опирается на положение Гоббса, исходя из которого хорошее приравнивается к желаемому, а плохое - к нежелаемому. Данная система опирается на философское понятие гедонистического добра, хотя не является его прямым отражением. Глаголы желания образуют шкалу оценок, представляющую собой систему размытых множеств с асимметричными областями "+" / "-":

Шкала глаголов желания состоит из области "-", представленной глаголом *lust*; Области О (нулевого пространства), переходящего в область положительных значений или область "+". Зона положительного значения представлена глаголами: *want, wish, desire, long, yearn*, зона отрицательного значения — глаголом *lust*.

Зону нулевого пространства можно охарактеризовать как зону нейтральной оценки. Принадлежность к "нейтральной зоне" может объясняться как ингерентными свойствами объектов оценки, существующими объективно, так и выбором точки зрения семантического субъекта, которая представляет собой окказиональную асиологическую норму. Зона нейтральной оценки используется для градуирования членов класса, показывая порядок следования элементов на шкале относительно области "-" / "+".

Глаголы желания характеризуются отсутствием жесткой фиксированности в области положительных значений. Можно с некоторой степенью уверенности наметить нулевую и крайние/экстремальные точки: *want* - точка нулевого значения, переходящая в зону положительных значений, *desire* - экстремальная точка зоны положительных значений. Шкала оценок может предполагать определенный предел, а может уходить в бесконечность. По нашему мнению, шкала глаголов желания конечна, то есть замкнута экстремальными точками: "+" *desire* и "-" *lust*.

Особенностью оценочной шкалы является ее недискретность: она представляет собой континуум, где постоянно нарастает/снижается степень признака. Так, например, глаголы *wish, long, yearn* располагаются вдоль области положительных значений, не проецируясь на ось оценки в виде точек с жестко заданными координатами.

Представляется, что глаголы *long, yearn* являясь интенсификаторами оценки, не могут выстраиваться по строго градуированной шкале, поэтому нельзя не только определить интервалы между данными глаголами, но и установить их относительное порядковое место.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

*Н.В. КОНОНЕНКО,
И.М. СЛОБОДКИНА*

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ ЧТЕНИЯ НА ВТОРОМ (ИНОСТРАННОМ) ЯЗЫКЕ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Проблемы, связанные с преподаванием второго иностранного языка (и.я.), приобретают в последнее время все большую актуальность в связи с повышением требований к уровню его владения.

Общезвестно, что методика преподавания второго и.я. имеет свою специфику по сравнению с методикой преподавания основного (первого) и.я., обусловленную в основном тем обстоятельством, что студенты, приступая к

изучению второго и.я., имеют к этому времени уже немалый языковой опыт в первом и.я. и могут этим опытом воспользоваться. Влияние первого и.я. при изучении второго и.я. оказывается весьма значительным и, как уже доказано [2, гл.1], преобладающим по сравнению с влиянием родного языка.

С самого начала обучения второму языку перед преподавателем встает задача использования явления переноса и нейтрализации интерференции, а также специальной отработки языковых явлений, характерных для второго и.я. и отсутствующих в первом и.я. Это касается всех видов речевой деятельности и всех языковых уровней.

Курс второго и.я. на языковых факультетах должен обеспечивать достаточно высокий уровень владения им, в частности, обеспечивать более или менее свободное чтение оригинальной художественной литературы, а также текстов по педагогике и филологии. Этим определяется требование к объему и составу рецептивного языкового материала (грамматического в том числе) и к уровню соответствующих умений им пользоваться, причем особого внимания требуют языковые явления, специфические для второго и.я. и не характерные для первого и.я. В работе [2], являющейся основным источником по проблемам методики преподавания второго и.я. в языковом вузе, отмечается необходимость формирования таких умений и навыков при обучении второму и.я., которые не могли быть сформированы на материале первого и.я. и, следовательно, ставится "... задача выявления тех специфических - по отношению к первому и.я. - черт второго и.я., которые безусловно должны стать объектом специальных аналитико-рецептивных упражнений" [2, с.123].

Проблемами изучения рецептивной языковой деятельности на втором и.я., в частности, чтению посвящено много работ, однако большее внимание уделяется вопросам расширения словарного запаса и связанным с этим проблемам (ложные когнаты, орфоэпические трудности, возникающие при введении нового слова в силу интерференции с первым и.я., отбор лексического минимума). Грамматике же отводится заметно меньшее место, возможно, потому, что поскольку и первый, и второй и.я. обычно относятся к романо-германской группе, их грамматический строй очень близок и, хотя и включает в себя некоторые специфические - не очень многочисленные - явления, все же не требует особых усилий для его усвоения. Однако, по нашему мнению, и в этой области имеются достаточно серьезные и еще не до конца решенные методические проблемы.

По традиции грамматика подразделяется на морфологию и синтаксис [см., напр., 1, с.6]. Если сопоставить в этом плане подлежащие усвоению грамматические явления второго и.я. с уже усвоенными грамматическими явлениями первого и.я., то можно высказать некоторые предположения, которые, однако, перекликаются с практическими наблюдениями над конкретной парой первый и.я. - второй и.я.

Речь идет об обучении на языковых факультетах английскому и французскому языкам, выступающим в качестве и первого, и второго и.я., т.е. о парах английский-французский и французский-английский. В результате вышеупомянутого сопоставления грамматических явлений возможно заключение, что французская морфология в определенном смысле представляет большую сложность, чем английская (наличие окончаний у личных глагольных форм, более высокий уровень супплетивизма неправильных глаголов, система спряжения местоименных и модальных глаголов, более развитая система артиклей). Что же касается синтаксиса, здесь наблюдается в некотором роде обратная картина, - анализ структуры английской фразы представляет большие трудности, чем анализ фразы французской (отсутствие согласования в роде и числе у прилагательных и причастий, бессоюзные сложноподчиненные предложения, пассивная форма от глаголов с предлогом, атрибутивно-номинативные цепочки, "экономия" знаков

препинания, в первую очередь, запятых по сравнению не только с русским, но и с французским языком). Иными словами, при обучении студентов-"англичан" французскому языку следует, по-видимому, уделять большее внимание морфологическим явлениям, а при обучении студентов-"французоз" английскому - серьезно заниматься анализом английского предложения.

Мы провели специальное исследование, чтобы проверить это предположение, а также его дополнить и уточнить. Проверка представляла собой анкетирование студентов пятого курса английского (27 чел.) и французского (22 чел.) отделений факультета иностранных языков Харьковского государственного университета, заканчивающих изучение второго и.я. (IX семестр). Анкета содержала перечень грамматических явлений (морфологических и синтаксических) английского языка - для студентов французского отделения и французского языка - для студентов английского отделения (см. ниже).

Английский язык на французском отделении	Французский язык на английском отделении
Какие из нижеперечисленных моментов в английской грамматике для Вас представляли наибольшую сложность? Отметьте цифрами 1, 2, 3 по убыванию сложности (1 - самый трудный момент).	Какие из нижеперечисленных моментов во французской грамматике для Вас представляли наибольшую сложность? Отметьте цифрами 1, 2, 3 по убыванию сложности (1 - самый трудный момент).
<ul style="list-style-type: none"> - система артиклей - видо-временная глагольная система в целом - спряжение неправильных глаголов - множественное число существительных - система местоимений - инфинитивные обороты - герундий - причастные и деепричастные обороты - степени сравнения прилагательных и наречий - понимание сложных синтаксических структур (бессоюзные сложноподчиненные предложения) - пассивная форма глагола - пассивная форма глагола с предлогом - сложные номинативные определения - были ли трудности в понимании сложных предложений, обусловленные отсутствием в английском языке согласования в роде и числе прилагательных и причастий, а также иной системой знаков препинания (отсутствие запятых перед союзами в сложных предложениях, невыделение запятыми причастного оборота и т.д.)? - абсолютные причастные обороты - система суффиксов и префиксов 	<ul style="list-style-type: none"> - система артиклей - видо-временная глагольная система в целом - спряжение неправильных глаголов третьей группы - личные и неличные формы - согласование времен - множественное число существительных и прилагательных - женский род имен существительных и прилагательных - степени сравнения прилагательных и наречий - пассивная форма глагола - система местоимений - спряжение местоименных глаголов - сослагательное наклонение: <ul style="list-style-type: none"> - структура - употребление - инфинитивные обороты - причастные и деепричастные обороты - выделительные обороты - понимание сложных синтаксических структур (сложноподчиненные и сложносочиненные предложения) - спряжение модальных глаголов - система суффиксов и префиксов
Если что-то, не учтенное в этом перечне, вызвало затруднения, допишите от руки и укажите степень сложности. Если что-то из вышеперечисленного не представляло сложности, цифры ставить не надо.	Если что-то, не учтенное в этом перечне, вызвало затруднения, допишите от руки и укажите степень сложности. Если что-то из вышеперечисленного не представляло сложности, цифры ставить не надо.

Результаты анкетирования приведены ниже. Для студентов английского отделения самыми сложными явлениями французской грамматики оказались: 1) супплетивизм неправильных глаголов (глаголов 3-й группы); 2) сослагательное наклонение; 3) система спряжения модальных глаголов. Сложностей синтаксического характера практически отмечено не было. Для студентов французского отделения наибольшую трудность в грамматике английского языка представлял анализ английского предложения. Трудности: 1) бессоюзные сложноподчиненные предложения; 2) отсутствие согласования в роде и числе прилагательных и причастий; 3) атрибутивно-номинативные цепочки. Также для большинства студентов - "французов" серьезные затруднения вызвало специфическое явление английской морфологии - герундий (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Первый и.я. - английский Второй и.я. - французский	
Языковые явления второго и.я., представляющие особую трудность	Количество студентов (в %), указавших данное явление в качестве самого трудного ()
Супплетивизм неправильных глаголов (глаголов 3-й группы)	73 %
Сослагательное наклонение	80%
Спряжения модальных глаголов	58 %

Таблица 2

Первый и.я. - французский Второй и.я. - английский	
Языковые явления второго и.я., представляющие особую трудность	Количество студентов (в %), указавших данное явление в качестве самого трудного ()
Бессоюзные сложноподчиненные предложения	75%
Отсутствие согласования в роде и числе у прилагательных и причастий	62%
Атрибутивно-номинативные цепочки	80%
Герундий	55%

Как видно из таблиц, проведенное нами исследование подтверждает наши предположения. Мы надеемся, что полученные нами данные явятся некоторым вкладом в решение проблемы выявления и отработки специфических явлений рецептивной грамматики второго и.я. (чтение).

В работе [2, гл.7] высказывается также интересная, на наш взгляд, мысль о необходимости теоретического курса второго и.я., включающего в себя обязательные лекции по грамматике. При составлении конспекта такого теоретического курса наши результаты также могут представить определенный интерес.

Список литературы.: 1. Г а к В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология М. - 1986. 2. Л а п и д у с Б.А. Обучение второму иностранному языку как специальности. М. - 1980.

Поступила в редколлегию 1.09.1992 г.

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СРАВНИТЕЛЬНОГО УСВОЕНИЯ ЗАЛОГОВЫХ
ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ СТУДЕНТАМИ ЕСТЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИХ
ФАКУЛЬТЕТОВ (АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ)**

Преподавателям иностранных языков всех видов учебных заведений, в частности, неязыковых вузов, хорошо известно, что залоговые глагольные формы в процессе обучения языку усваиваются студентами неравномерно: уровень усвоения действительного залога (Active Voice; Aktiv; Forme Active) обычно выше, чем страдательного (Passive Voice; Passiv; Forme Passive). В случае немецкого и французского языков следует отметить также худшее знание еще и местоименного залога (Reflexive Verben; Forme Pronominale) по сравнению с действительным. Сразу оговоримся, что термин "местоименный залог" по отношению к немецкому языку является не слишком удачным, поскольку большая часть немецких лингвистов рассматривает возвратные глаголы (Reflexive Verben) не как самостоятельный залог, а как частный случай действительного [5], в то время как французские грамматисты, наоборот, выделяют эти глаголы в отдельный залог [1]. Однако для практики преподавания иностранных языков на естественно-технических факультетах это обстоятельство, носящее в значительной мере теоретический характер, решающей роли не играет, поэтому мы для удобства изложения будем в дальнейшем говорить о местоименном залоге и по отношению к французскому, и по отношению к немецкому языкам.

Тот факт, что студенты технических вузов усваивают пассивные глагольные формы значительно хуже активных, нам представляется весьма серьезным, поскольку частотность пассивных форм в научно-технических текстах высока, и, следовательно, слабое знание данного грамматического материала неизбежно снижает уровень восприятия при чтении специальной литературы. На наш взгляд, слабое знание страдательного (а также и местоименного) залога обусловлено в основном двумя причинами. Первая из них заключается в том, что вузовские учебники по иностранным языкам построены, как правило, таким образом, что сначала изучаются активные глагольные формы, причем на каждую из них в учебнике отводится отдельный урок, и только потом - пассивные, которые к тому же объединены по несколько или даже все сразу в одном уроке. Иными словами, активные формы отрабатываются дольше и глубже, чем пассивные. Второй причиной является то обстоятельство, что в оригинальных текстах (любого характера) активная форма встречается чаще пассивной и, следовательно, лучше закрепляется "естественным" путем в силу более высокой повторяемости. Таким образом, пассивная форма остается как бы на периферии и начального этапа обучения языку, и в дальнейшем, в процессе чтения специальной литературы на продвинутом этапе. Однако, по нашему мнению, формы страдательного залога необходимо прорабатывать не менее, а может быть, даже более, тщательно, чем формы действительного, поскольку, во-первых, они более сложны в плане формально-структурном, и, во-вторых, поскольку при чтении, переводе с иностранного языка на родной возникают специфические трудности в силу общеизвестных особенностей употребления пассива в европейских языках по сравнению с русским. Таким образом, чтобы существенно улучшить усвоение этого материала, необходимо либо увеличение (тоже существенное) числа учебных часов, либо разработка отвечающих этой цели специальных методических приемов.

Поэтому, по нашему мнению, для заметного повышения уровня усвоения пассивных глагольных форм возможен только один реальный перспективный путь — это определенная реорганизация учебных средств, адекватная сложившейся в этой области учебно-методической ситуации. Ниже мы излагаем наше видение этой ситуации, основанное на специально проведенном исследовании по сопоставлению уровня знаний и речевых навыков в этой области. Насколько мы можем судить по научной литературе в области методики преподавания иностранных языков, до сих пор исследование такого характера еще не проводилось.

С помощью составленных нами контрольных заданий (при их разработке мы руководствовались общепринятыми для грамматических тестов принципами [3]) мы сопоставили уровни усвоения активной и пассивной форм для английского языка, а для немецкого и французского — активной, пассивной и местоименной. Эти задания были предложены студентам I, II и IV курсов (начальный и завершающий этапы изучения иностранного языка в высшей школе) харьковских вузов (ХИСИ, ХГУ, ХИЭИ, ХФИ; общим числом 126 человек) и состояли из трех частей. В I части задания предлагалось объяснить своими словами, что такое страдательный залог (пассивная форма), и привести пример на русском или иностранном языке; условное название этой части задания — «Дефиниции». II часть содержала 15 глагольных временных форм; от студентов требовалось опознать залог (не время). Условное название II части задания — «Словоформы». III часть представляла собой серию из 30 предложений, содержащих временные глагольные формы во всех залогах. В каждом предложении нужно было подчеркнуть подлежащее и сказуемое и перевести этот комплекс (не все предложение целиком) на русский язык. Чтобы свести к минимуму языковую догадку, мы включили в задание довольно большое количество незнакомых лексических единиц, значение которых в процессе работы сообщалось преподавателем (в исходной форме). Ниже мы приводим образцы заданий.

II часть — «Словоформы»:

1. a) The question will be discussed.
b) The student was absolutely sure.
c) The house was not lived in.
d) She was translating this book.
2. a) Wir haben uns gut erholt.
b) Die Arbeit gut gemacht werden.
c) Das Lesen war Peters Hobby geworden.
d) Sie wird Lehrerin werden.
3. a) Je l'avais prévu.
b) Tout sera complètement accompli.
c) Ne t'es-tu pas encore levée?
d) Il fut sévèrement puni.

III часть — «Предложения»:

1. a) When I went downstairs they already were eating breakfast: porridge and eggs-and-bacon.
b) Don't worry, your mother will be taken care of.
c) I am damned if I think so!
d) All the children were given presents.
2. a) Der in die Klinik eingelieferte Patient wurde sofort operiert.
b) Wir hatten uns während der Reise erkältet und waren heiser geworden.
c) In reiner Form wird Eisen nur selten verwendet.
d) Obwohl die technische Ausrüstung der Versuchslabors verbessert worden ist, haben die Wissenschaftler keine neuen Untersuchungsergebnisse erzielt.

3. a) Elle me demanda si je m'étais souvenu de notre première rencontre.

b) Malheureusement le malade n'a pas été immédiatement transporté à l'hôpital.

c) Votre dépêche a-t-elle été remise aussitôt apres votre départ?

d) Un silence se fit; on aurait entendu le vol d'une mouche.

В таблицах 1-3 приведены результаты проверки, усредненные по всем трем языкам. Знаки "+", "-" и "0" означают правильные ("положительные"), неправильные ("отрицательные"), и отсутствующие ("нулевые") ответы соответственно.

Таблица 1. I часть - "Дефиниции"

Курсы	+	-	0
I курс	40%	31%	29%
IV курс	42%	22%	36%

Таблица 2. II часть - "Словоформы"

Курсы	Залоги			A (актив)			P (пассив)			RV, FPr (мест. глаг.)		
	+	-	0	+	-	0	+	-	0	+	-	0
I курс	65%	13%	22%	27%	14%	59%	27%	12%	61%			
IV курс	78%	14%	8%	34%	19%	47%	29%	16%	55%			

Таблица 3. III часть - "Предложения"

Курсы	Залоги			A (актив)			P (пассив)			RV, FPr (мест. глаг.)		
	+	-	0	+	-	0	+	-	0	+	-	0
I курс	45%	22%	33%	13%	27%	60%	20%	28%	52%			
IV курс	52%	24%	24%	18%	25%	57%	21%	30%	49%			

Из таблиц видно, что уровень усвоения пассивного и местоименного залогов значительно ниже, чем активного. При этом необходимо отметить, что всего студентов в группах, где проводилось тестирование, было около 150 человек, однако часть из них (примерно 30) участвовать в тестировании (участие было добровольным) отказалась, найдя его для себя слишком сложным, так что реальный уровень знаний еще ниже. Приведенные цифры конкретизируют существующее положение вещей; в частности, поскольку II часть теста существенно проще III части, то, естественно, что и численные показатели для II части выше, чем для III части. Сравнительно же более низкие показатели I части объясняются тем, что здесь задание носило характер теоретический, а не практический; в неязыковом же вузе теории иностранного языка времени почти не уделяется, что соответствует целям обучения иностранному языку в вузах данного типа.

На наш взгляд, вышеприведенные экспериментальные данные убедительно говорят о неблагополучии в области усвоения пассивных, а также и местоименных глагольных форм. Поэтому проведенное исследование, предпринятое специально для подтверждения и уточнения практических наблюдений, позволяет, на наш взгляд, выносить на обсуждение вопрос о необходимости реорганизации учебных пособий в плане обучения залоговым глагольным формам. Вообще проблема построения учебников стоит сейчас в методике преподавания иностранных языков

довольно остро, и ряд связанных с ней вопросов остается пока нерешенным [6], в частности, общая структура учебника и способы презентации материала [2]. Авторам данной работы представляется целесообразным дополнение учебника специально разработанными методическими указаниями с параллельным преподнесением активной и пассивной форм (для немецкого и французского языков еще и местоименной). Этот методический прием позволяет уже на начальном этапе обучения привлекать оригинальные тексты, содержащие все три залоговые формы одновременно, и практикуется нами уже в течение нескольких последних лет при работе в аудитории (подробное описание этого вида работы с образцами специально составленных методических указаний содержится в отдельной статье [4]). Данная методика (на материале французского языка) оказалась достаточно эффективной, что позволяет нам рекомендовать ее вниманию преподавателей иностранных языков неязыковых вузов. При нынешнем же положении вещей, то есть при существующей структуре учебников, чтение оригинальных текстов вынужденно отодвигается до 2-3 курсов, что не может не сказаться на формировании навыков и просмотрового, и ознакомительного, и изучающего видов чтения. К сожалению, насколько нам известно, в настоящее время существует только один учебник для технических вузов, где более или менее выдерживается параллельное преподнесение активной и пассивной форм [5]. Учебники же такого типа по немецкому и французскому языкам, насколько мы можем судить, вообще отсутствуют. Поэтому, в силу вышеизложенного, постановка вопроса о скорейшей реорганизации учебных материалов по иностранным языкам для неязыковых вузов представляется нам весьма своевременной и актуальной.

Список литературы. 1. Г а к В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986. - С.226. 2. Г е з Н. И. Принципы построения учебно-методического комплекса по иностранным языкам // Теория и практика современного учебника иностранного языка: Сб. науч. тр. Ин-та им. Мориса Тореза. - М., 1987. - № 281. - С. 14. 3. К о к к о т а В. А. Лингводидактическое тестирование. - М., 1989. - С.82-85. 4. К о н о н е н к о Н.В., Н е с т е р е н к о В.Ф.. К вопросу об обучении грамматике иностранного языка в неязыковом вузе (залоговые глагольные формы) // Вестник ХГПИУ. Научно-методические проблемы активизации познавательной деятельности студентов. Харьков, Вып. 6, 1994, с. 124-126. 5. С и н я в с к а я Е. В. и др. Учебник английского языка для технических вузов. - М., 1976. - 269с. 6. Теория и практика современного учебника иностранного языка: Сб. науч. тр. Ин-та им. Мориса Тореза. - М., 1987. - № 281. 7. W a l t e r J u n g. Grammatik der Deutschen Sprache. - Leipzig, 1982. - S.220.

Поступила в редколлегия 1.09.1993г.

*К.И.ЛАНЕЦКАЯ, канд. филол. наук,
В.И.НАУМЕНКО*

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПАРАЛИНГВИЗМОВ

Интерес к проблемам паралингвистических средств значительно возрос в настоящее время в связи с более глубоким изучением коммуникативных средств и разноплановым подходом к раскрытию особенностей разговорной речи.

Предметом исследований становится не только система языка, его структура и функции, но и коммуникативные акты в целом. В процессе социального

взаимодействия, при выполнении любого рода деятельности люди не могут обойтись без общения, главным средством которого был и остается язык, который проявляется в речи. Но в естественной речевой коммуникации словесное высказывание часто сопровождается, а иногда и полностью заменяется другими вторичными по отношению к языку, но имеющими коммуникативную направленность, участвующими в передаче информации и поддержании диалога или отражающими эмоциональное состояние субъекта средствами.

“Речевое общение – представляющий собой социально-психологическую деятельность процесс обмена информацией, осуществляется посредством как первичных (языковых), так и вторичных знаковых средств с целью установления и поддержания контакта между людьми ...”

Такие вторичные знаковые средства тесно соприкасаются с системой языка, постоянно сопровождают речевое высказывание и в языкознании называются паралингвистическими средствами.

Вопросам паралингвистических средств в речевой коммуникации, а также их номинаций в текстах письменной речи посвящен ряд научных теоретических работ. [1,2,3,4,5,6].

Вслед за языковедами под паралингвистическими средствами в работе понимаются различные выразительные телодвижения, жесты, мимика лица, средства звуковой фонации, а также различные эмоциональные состояния субъекта, которые являются необходимым атрибутом в процессе коммуникации.

Задачей данной статьи является выявление роли и особенностей паралингвизмов как участников диалогической речи.

Цель статьи – установление закономерностей перевода номинаций паралингвизмов с немецкого языка на русский и украинский и их сравнительный анализ на материале художественных произведений Э.М.Ремарка.

Процесс коммуникации представляет собой сложный процесс взаимодействия языковых единиц и средств невербального поведения. Поскольку наиболее ярко такое взаимодействие проявляется именно в диалогической речи, то исследования данного взаимодействия и выявление специфики употребления языковых и неязыковых единиц в процессе общения приводится на материале диалогов. Кроме того, ставится также цель выявить соответствия и несоответствия данного взаимодействия на материале трех языков: немецкого, украинского и русского, а также проследить соответственное употребление экспрессивных средств и стилистических фигур при описании невербального поведения в трех данных языках.

Всю массу реагирований адресата на реплики пропонента можно разделить на две группы: I. Реагирующая реплика представлена выражением согласия. II. Реагирующая реплика представлена выражением несогласия.

При этом они (реагирования) могут быть: 1) выражены только вербально, 2) могут сопровождаться невербальным поведением, 3) а в ряде случаев невербальное поведение может выполнять основную (т.е. коммуникативную) функцию языковых знаков и фактически заменять собой вербальный текст ответной реплики, т.е. блокировать словесную реакцию.

Поскольку в данной работе преследуется цель исследования невербального поведения при реагировании на вербальные реплики, то в дальнейшем будут рассматриваться только два последних типа реагирования, где реакция на реплику представляет собой сочетание вербальных и невербальных единиц или только невербальных единиц.

I. Наиболее типичным средством проявления согласия адресата с репликой пропонента является утвердительное движение головы, которое в письменном тексте на немецком языке фиксируется глаголом “nicken”. Поскольку это движение

имеет строго детерминированную паралингвистическую однозначность, то оно выступает самостоятельно и в большинстве случаев не сопровождается вербальным высказыванием. Очевидно это вызвано с одной стороны тем, что вербальное оформление было бы в данном случае избыточным, т.к. данный паралингвизм полностью заменяет словесное высказывание, с другой стороны эта замена оправдана экономией вербальных средств в оригинале. Кроме того, в предшествующей реплике точно характеризуется ситуация, требующая однозначного ответа.

I. "Wie immer?" - fragte er. Ich nickte. [II, S.40]

- Як завжди? - спитав він. Я *хитнув головою*. [9, с.23] - Тебе как обычно? - спросил он. Я *кивнул*. [7, с.24]

II. "Du kommst doch Freitag?" Ich nickte. [II, S.41]

- Адже ти прийдеш у п'ятницю? Я *кивнув головою*. [9, с.24] - Так, значит в пятницу ты прийдешь? Я *кивнул*. [7, с.26] Согласие может быть выражено другими паралингвизмами, в частности мимикой лица, хотя они более многозначны в своем содержании.

I. "Darin ist Fred Spezialist", erklärte.

Fred erlaubte sich ein Lächeln. [II, S.52]

- На це Фред мастак! Фред *перішуче всміхнувся*. [9, с.35] - В этом Фред большой специалист, - заявил я. Фред *не мог удержаться от улыбки*. [7, с.37]

В оригинале номинация мимики лица имеет ряд оттенков: согласие, удовольствие, может быть, признательность за сказанные слова. Перевод данного паралингвизма на украинский язык представляется не совсем удачным, т.к. переводчик описал мимику лица совсем другого оттенка, которого нет в оригинале. Содержание номинации мимики лица не сохраняется также и в русском переводе.

"Du bist ein geschäftstüchtiger Knabe." Er grinste. [II, S.59]

- А в тебе і хист до комерції, хлопче. Він *всміхнувся*. [9, с.41] - А ведь ты, парень, настоящий делец. Он *усмехнулся*. [7, с.43]

В данном случае переводчик выбрал нейтральный глагол "всміхнувся", "усмехнулся" для "grinste", что несколько изменило оттенок и исказило экспрессивность оригинала.

Невербальное поведение, выражающее согласие, может сопровождаться словесным пояснением, которое дублирует жест, не привнося к его содержанию ничего нового, а являясь уточняющим.

"Hast du deinen feinen Posten noch?" fragte sie mich. Ich Nickte. "Ja, Muttchen." [II, S.117] - Ти все ще на добрій посаді? - спитала мене матінка. - Атож. [9, с.98] - Ты все еще на своей хорошей работе? - спросила она. Я кивнул: - Да, матушка. [7, с.98] Как видно, переводчик при переводе на украинский язык избежал такого наложения речевого высказывания и невербального поведения, остановив свой выбор на речевой реплике. Такая неточность в переводе не повлияла на смысл диалога и является в какой-то мере оправданной. В переводе же на русский язык сохранилась номинация движения головы "я кивнул", сопровождаемое словесным высказыванием.

Иногда речевое высказывание как бы усиливает, уточняет невербальное поведение.

Ich hob die Hand. Salü, Valentin! "Er blickte auf und nickte ... Salü, Robby!" [II, S.52] Я *підняв руку*. - Салют Валентине! Він глянув на мене й *кивнув*: - Салют, Роббі! [9, с.35] Я *привітливо підняв руку*. - Салют, Валентин! Он глянул на меня и *кивнул*. - Салют, Роббі! [7, с.37] или дополняет значение телодвижения: Lenz hat wohl überall Freunde? "Ich nickte ... Er findet sie auch leicht." [II, S.84] - У Ленца, мабуть, приятелі всюди. Я *кивнув головою на знак нагоди*. Він швидко заприятелюється. [9, с.65] - По-моему, у Ленца всюду друзья. Я кивнул: - Он их легко находит. [7, с.66]

В данном случае при переводе номинации движения дается уточнение в украинском тексте: "кивнув головою на знак нагоди", т.к. в первой реплике выражена некоторая неуверенность. II. Для выражения несогласия с репликой пропонента типичной является номинация паралингвизма "den Kopf schütteln", которая может употребляться как самостоятельно, так и с вербальным сопровождением, которое либо точно повторяет содержание телодвижения, либо дает аргументацию. 1. "Wie wär's mit etwas Klassischem Antiquarisch naturluch!"

Ich schüttelte den Kopf und zeige wortlos ein Buch vor, das ich kauf dem Ausлагетisch gefunden habe. [12, S.121]

- Може щось із класики? Звичайно, антикварне. Я хитаю головою і мовчки показую на книжку, яку знайшов на столі. [10, с.95] - А что, если вы возьмете что-нибудь из классики? Антикварную книгу, конечно. Я качаю головой и молча показываю ему на то, что в его отсутствие отыскал на выставке. [8, с.491] 2. "Komml!" sagt sie. Ich schüttelte den Kopf. Ich kann nicht." [12, S.205] - Ходімо! каже вона. Я хитаю головою, - не могу. [10, с.162] - Пойдем! - говорит она. Я качаю головой. - не могу. [8, с.561] 3. "Laß den Kram sausen, George. "Er schüttelte den Kopf. "Ich habes damals gemerkt, nach dem Bergwerk". [II, S.39] - Покинь цю бузу, Жорже! Він похитав головою. - Я помітив ще тоді, після шахти ... [9, с.22] - Пошли ты это все к чертям собачьим, Джоржи. Он покачал головой. Еще тогда после рудника я понял ... [7, с.24]

В переводе при описании номинации данного телодвижения "den Kopf schütteln" на украинский и русский языки не замечено каких-либо особенностей, поскольку в этих языках имеется его точное соответствие "хитати головою", "качать головой".

Если данный паралингвизм имеет более интенсивную эмоциональную окраску, то при переводе эмоциональность в большинстве случаев частично теряется.

"Der Backer bot 400 Mark."Ferdinand schüttelte den Lowensch ädel"

"Für 400 Mark können Sie höchstens ein Kopfbild im Profil haben" [II, S.146]

Булочник запропонував 400 марок. Фердинанд затряс своїм могутнім черепом... [9, с.127] Булочник предложил 400 марок. Фердинанд тряхнул своей львиной гривой. - За четыреста марок вы можете иметь максимум голову в профиль. [7, с.124]

Несогласие может быть представлено номинациями других паралингвизмов, значение которых нестрого однозначно, и может быть определено только по сопровождающим их речевым высказываниям. 1. "... Man bildet sich so etwas immer leicht ein, besonders im Anfang." Otto macht ein gequilttes Gesicht. "So meine ich das nicht." [12, S.328] "То мені здається так особливо спочатку: Отто болісно кривиться. - Та я не про це. [10, с.256] - А такие вещи очень часто воображают, особенно вначале. Отто делает страдальческую гримасу. - Да я не в этом смысле. [8, с.667] 2. "Aber sag mal, wie fühlst du dich denn? Wie dreißig? Ich winke ab." Wie sechzthn und fünfzig gleichzeitig." [II, S.24] - Але скажи-но, як ти себе почуваш? На всі тридцять?" Я махнув рукою. - На шістнадцять та п'ятдесят водночас. [9, с.18] - Лучше скажи, как ты себя чувствуешь? Как тридцатилетний? Я махнул рукой. - Да вроде бы нет - чувство такое, будто мне шестнадцать и в то же время пятьдесят. [7, с.9]

Невербальное поведение может сопровождать речевое высказывание, характеризую состояние, причем иногда жест или мимика лица противоречат содержанию словесного высказывания и являются по отношению к нему более правдивыми, т.е. более точно отражающими состояние или чувства говорящего.

"Was ist hier los?" Der Portier verzog servil das Gesicht.

"Nichts, Herr Washtmeister." [II, S.263]

"Що тут сталося?" Обличчя портія рабобіпно розплилося в усмішку. "Нічого,

пане вахмистр.” [9, с. 242] - Что случилось? Швейцар услужливо вытянулся. - Ничего, господин полицейский. [7, с.229]

“Prost”, sagte er zu mir, aber mit einem Gesicht wie Dreck [II, S.165].

“Будьмо!” - звернувся він до мене, але виширив зуби як пес. [9, с.144] “Будь здоров!” - обратился он ко мне с омерзительным выражением лица [7, с.140].

При переводе номинаций паралингвизмов, сопровождающих словесное высказывание и характеризующих состояние участника диалога в некоторых случаях наблюдается снижение эмоционального оттенка в украинском и русском языках.

1. “Mit Gästen auch nicht?” “Gäste.” Eduard richtet die Augen zum Himmel. “Da kann man sich natürlich oft nicht helfen. [12, S.230] “А з гостями теж ні?” “З гостями? - Едуард зводить очі до неба. [10, с.177] - А с посетительницами тоже нельзя? - Посетительницы! - Едуард возводит глаза к небу.. [8, с.583]

2. “Otto weiß sie auch nicht. “Hergott!” Er starrte zum Himmel [II, S.59] “Отто теж не знає.” Боже ж ти мій! Ленц звів очі до неба [9, с.42] - Отто его тоже не знает. - Господи! - Он взглянул на небо [7, с.43].

Как видно, перевод двух номинаций паралингвизмов дан в украинском переводе одинаково, “зводить (звів) очі до неба”. Хотя во втором примере он выражен более эмоционально в оригинале, точнее определяет состояние говорящего, что подчеркнуто также и в словесной реплике “Hergott”. В русском же переводе более эмоциональному паралингвизму оригинала соответствует менее эмоциональный паралингвизм переводного текста [2] и соответственно наоборот [1].

Точным средством описания состояния говорящего или его характерных черт является номинация в тексте фонационных паралингвизмов, которые делают видимым то, что скрыто от читателя, непосредственно не участвующего в диалоге. 1. “Wozu existierte ich sonst. Ich will die Wahrheit wissen? “Wahrheit!” Arthur meckert. [12, S.119] “Я хочу знати правду.” “Правду” - бурчить Артур. [10, с.94] “Я же хочу знать истину.” - Истину? - блеет Артур. [8, с.489] 2. Der kleine Schreiber meckert plötzlich ... [12, S.135] - Раптом горбатий писар питає писклявим голосом ... [10, с.106] Вдруг письмоводитель заблеял ... [8, с.503] Как видно из примеров номинация фонационного паралингвизма “meckern” точно переведена на русский язык сохранив свою экспрессивность, в переводе же на украинский язык ей соответствует несколько вариантов. Вероятно, это связано со стремлением автора как можно ближе передать смысл оригинала. Но экспрессивность оригинала все-таки теряется.

Существуют некоторые типы номинаций паралингвизмов, которые можно рассматривать как устойчивые формы, имеющие определенную коммуникативную направленность: “sich am Kinn kratzen”, “die Augen senken”, “die Hand auf die Brust legen”, “sich vor die Stirn schlagen.”

Данные паралингвизмы не требуют дополнительного словесного пояснения, если из контекста понятно их значение, т.к. они тоже могут иметь различные смысловые оттенки. Lenz schlug sich vor die Stirn. “Der Rum!” [II, S.32] Раптом Ленц ляснув себе по лобі. “А ром?” [9, с.116] Вдруг Ленц хлопнул себя по лбу: - Ну-ка, Робби, притащи наш ром! [7, с.17]. Jupp legte die Hand auf die Brust “Mein Ehrenwort.” [II, S.244] Юпп приклав руку до серця. “Даю чесне слово!” [9, с.223] Юпп прижал руку к сердцу: - Даю честное слово! [7, с.213].

3. Sie schweigt und sieht mich an. Ich senke die Augen. Mir ist, als hätte ich ein Kind geschlagen. [12, S.205] Вона мовчки дивиться на мене. Я опускаю очі. У мене так на серці, ніби я вдарив дитину. [10, с.162] Она молчит и смотрит на меня прямым и ясным взглядом. Я опускаю глаза. У меня такое чувство, словно я ударил ребенка [8, с.562]

Данные паралингвизмы являются интернациональными, т.к. в трех языках имеют одно и то же значение, воспринимаются однозначно и поэтому переводятся дословно. Хотя иногда переводчик использует адекватный перевод, несмотря на то, что в другом языке имеется и прямой эквивалент (ср. украинский текст).

"Das ist doch, Schimmel stottert. Er ist jetzt tomatenrot [12, S.258]. - Це, не просто ... - белочке Шиммель. Він почервонів як рак. [10, с.199] - Но это же ... - заикаясь бормочет Шиммель. Он покраснел как помидор [8, с.607].

Можно выделить номинации паралингвизмов, которые выступают в роли фразеологизмов. Например, "ohne mit der Wimper zu zuken," "die Achseln zuken". Georg zuckt nicht mit der Wimper .. "Wann sonst?" erklärt er ruhig. [12, S.115] Георг навіть оком не моргне. - А коли же інакше? - спокійно питає він [10, с.208] - А как же иначе? - не дрогнув отвечает Георг. [8, с.486].

2. Ich bleibe hier und schlafe." Ich zuckte ratlos die Achseln "Meinetwegen", sage ich. [12, S.270] Я краще залишуся тут і посплю. Я безпорадно стискаю плечима [10, с.208] Я остаюсь здесь и буду спать. Я в недоумении пожимаю плечами [8, с.617].

Таким образом, при исследовании средств невербального поведения в диалогической коммуникации было установлено, что невербальное поведение может выполнять основную функцию речи, т.е. коммуникативную и фактически заменять текст.

Невербальное поведение убирает и заменяет собой все вербально избыточное, что обеспечивает экономию вербальных средств и позволяет избежать повторения в оригинале.

Если невербальное поведение имеет строго детерминированную паралингвистическую однозначность то оно, как правило, не сопровождается словесным пояснением. В противном случае словесное сопровождение можно считать избыточным и в переводном тексте часто отсутствует либо номинация паралингвизма, либо словесное высказывание. Кроме того речевая ситуация предыдущей реплики может предполагать определенное содержание невербального поведения как ответной реакции.

Если жест многозначен, то вербальное сопровождение необходимо, чтобы правильно трактовать его содержание.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что существуют, так называемые интернациональные паралингвизмы, которые имеют одинаковое содержание в различных языках, такие номинации паралингвизмов не представляют труда для переводчика и могут переводиться дословно. Наибольшую трудность для переводчика представляют собой эмоционально окрашенные паралингвизмы, которые часто переводятся описательно и теряют при этом в значительной степени свою экспрессивность. Использование стилистических фигур при описании невербального поведения или состояния человека определяет художественный уровень произведения в целом и помогает ярко охарактеризовать персонажей не только содержанием их речи, но и речевым поведением.

"Verloren!" Er griff sich mit beiden Händen in seinen gelben Haarwald [11, S.59] - Загубив? - Він занурив обидві руки в свою жовту чуприну [9, с.42] - Потерял! - Он запустил две пятерни в заросли своих желтых волос [7, с.43].

При анализе паралингвизмов в диалогической речи 3-х языков установлено, что смысловой и эмоциональный заряд для ответного действия, как речевых так и невербальных создает реплика пропонента, содержащая информацию или вопрос, побуждающий к реакции, в которой выявляется не только новая информация, но и речевое поведение адресата, обусловленное его эмоциональным состоянием и его взаимоотношением с пропонентом, а также культурным уровнем собеседников и их социальным положением.

В исследованных диалогах Ремарка наблюдались в основном фамильярные средства обиходной речи и соответствующие этому стилю паралингвизмы.

Перевод позволяет утверждать, что существуют набор однозначных утвердительных и отрицательных паралингвизмов в немецком, украинском и русском языках, различия наблюдались в примерах, где использованы стилистические фигуры или фразеологические обороты.

Список литературы: 1. В е р е щ а г и н Е.М., К о с т о м а р о в В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами. *Вопр. языкознания* 1981, №1. 2. Г а л и ч е в А.И. К вопросу о взаимосвязи вербального и кинессического в речевом общении // *Вопросы системной организации речи.* - М., 1988. 3. Д е в к и н В.Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. - М., 1987. 4. К о л ш а н с к и й Г.В. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации // *Вопр. языкознания*, 1973, №1, с.19-25. 5. Л а б у н с к а я В.А. Психология экспрессивного поведения. М., Знание, 1989. 6. Ш л а п а к о в Р.И. Номинации кинессических средств речевого общения как лексикографическая проблема. Автореф. дис. канд. филол. наук. - Москва, 1989, с.4,5. 7. Э.М. Р е м а р к. Три товарища. Лениздат, 1981, с.4-392. Перевод с немецкого И.Шрайбера. 8. Э.М. Р е м а р к. Черный обелиск. Лениздат, 1981, с.394-766. Перевод с нем. В. Станевич. 9. Е.М. Р е м а р к. Три товарища. Издательство ЦК ЛКСМУ "Молодь", Київ, 1959. Переклад з нім. М. Дятленка та А. Плюто. 10. Е.М. Р е м а р к. Чорний обеліск. Історія запізнілої юності. Рад. письменник. Київ, 1961. З німецької переклав С. Попович. 11. E. M. R e m a r q u e. Drei Kameraden. M. 1960. 12. E. M. R e m a r q u e. Der schwarze Obelisk. Geschichte einer verspäteten Jugend. Aufbau - Verlag. Berlin und Weimar. 1985.

Поступила в редколлегию 1.09.1993г.

Т.Ф.ЛОКШИНА, канд. филол. наук

ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА ОСНОВЕ ВЗАИМСТВОВАНИЙ

Современный этап характеризуется особой активизацией социальных факторов развития языка. Глобальные изменения в обществе и резкое расширение контактов с инокультурной средой стимулируют ряд языковых процессов, в особенности в области лексики, как такой, которая наиболее чутко и быстро реагирует на различного рода влияния и происходящие в обществе изменения. В ряду разнообразных явлений, происходящих во всем корпусе лексики, особое место занимает заимствование, ибо это один из наиболее эффективных способов обозначения новых реалий, понятий, концептов. Массированное проникновение англицизмов в русский язык вряд ли прекратится или пойдет на убыль в ближайшее время. Это обстоятельство вызывает протест у многих наших современников. Средства массовой информации, выступления депутатов, деятельность переводчиков - таковы основные каналы проникновения иноязычной лексики, насыщающие русский язык словами типа: консенсус, популизм, ваучер, конвертация, лизинг, дилер, рейтинг, - обвиняются в том, что они становятся проводниками американского (и вообще западного) влияния, которое довлеет над всем русским, ущемляет национальное самосознание. Действительно, трудно не поддаться чувству обеспокоенности за сохранность языка, когда читаешь тексты, насыщенные такими фразами: "Дистрибьютеры

трейдинговой компании обладают эксклюзивным правом на фьючерные сделки с правом пролонгации."

Проблема заимствований требует к себе сдержанного и объективного подхода прежде всего потому, что все живые языки развиваются в контакте друг с другом, и чем теснее общение, тем больше возникает причин языкового заимствования. Даже самый краткий экскурс в историю языковых контактов русского языка дает неопровержимые доказательства того, что "Modern Russian, like English, is a hybrid. It is a creation of the 18-th century when vernacular Russian and the Rusified version of Church Slavonic were blended to form the basis of the modern language. To this blend must be added French, not merely in the superficial role of the supplier of vocabulary, but in a more fundamental role of syntactic model [5,с.307]. Имеются письменные свидетельства того, что русский язык расширял свой состав за счет заимствований, начиная с конца IX века, и языками-источниками служили старославянский: власть, добродетель, истина, жертва, жизнь, битва и др.; греческий и латинский: конституция, пролетариат, школа, тетрадь, кровать и др.; тюркские языки: курган, жемчуг, бакалея, сундук и др.; языки западноевропейского региона: якорь, лидер, пурга, пельмени, томат, пальто и др. Национальная самобытность

русского языка от этих заимствований не пострадала. Эти и многие другие слова настолько "обрусели", что только специалисты знают об их иноязычном происхождении [3,4].

В 1553 году Англия и Россия установили дипломатические и торговые отношения, и с этого времени в русский язык начали проникать английские заимствования. Сначала это были единичные случаи: сэр, лорд, пенни, шиллинг в XVI веке; несколько десятков морских и навигационных терминов, привезенных в Россию Петром I, который изучал судостроение в Лондоне в 1698 году. Объем заимствований XVIII и XIX веков насчитывал около 300 слов и более 700 слов, соответственно [2,с.101]: бифштекс, леди, денди, джентельмен, баптист, агностик. Заимствования этого периода, в основном, относятся к социальной сфере, отражают некоторые реалии политической и религиозной жизни Великобритании, с которыми русский читатель познакомился благодаря переводам романов В. Скотта

и Ч. Диккенса. Начиная с конца XIX века, ручеек заимствований с каждым десятилетием все больше походил на крепнущий поток, питающий несколько семантических сфер русской жизни, к которым относятся, в числе других, спорт: спортсмен, чемпион, тренер, спринтер, регби, теннис, старт, финиш, аутсайдер; наука: названия всех фундаментальных частиц, вся химическая терминология на -ite, -ide, -ine, -ate, -yl; промышленность: газгольдер, экскаватор, элеватор, трест, импорт; мас-совая культура: джаз, блюз, диско, рок и др. Как утверждал В.Набоков в Постскрипуме к русскому изданию "Лолиты" (1969): "все, относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям, - становится по-русски топорным и многословным", а, следовательно, лучше выражается на основе английских заимствований. С этого периода весьма ощутимо обогащается русский язык заимствованиями-кальками на основе семантической индукции (semantic induction, or loan-meaning; [5,с.326]). Ср.: промывание умов - brainwash; голуби и ястребы - doves and hawks; косметические меры - cosmetic measures; пакет, пакетная сделка - package, package deal; открытая книга - open book в значении "честная политика". Заимствования не ограничиваются конкретными единицами лексики в виде транслитерированных этимонов, а пополняются кальками на морфемном уровне: супершпион - superspy; антивещество - antimatter; Европарламент - Europarlament; на уровне словосложения: теплопоглощающий - heat absorbing, световод - light guide, гид-

переводчик - interpreter-guide; на фразеологическом уровне: принять решение - to take a decision; произвести впечатление - to produce an impression; сломать лед - to break the ice; мертвое время - dead time.

Ассимиляция заимствований принимающим языком, безусловно, благотворный процесс, который способствует актуализации национально-культурного компонента содержания лексических единиц в сознании народа, воспринимающего эти единицы, внося тем самым вклад в усвоение истории, культуры, традиций, достижений научной мысли, наконец, менталитета народа-носителя языка, служащего источником заимствований. В рамках данной темы целесообразно показать, что процесс этот идет отнюдь не в одностороннем порядке.

Заметной тенденцией современного английского языка является рост заимствований из русского языка. Анализ текстов нескольких функциональных стилей (публицистического, документального, научного, художественного) выявил корпус активно функционирующих реалий-русизмов (советизмов и номинаций новейшего периода), т.е. лексических единиц, отражающих специфику советского и постсоветского общества. Материалом анализа послужили тексты, выпущенные из печати не позднее середины 70-х; отмечались заимствования, не зарегистрированные словарями [1,6]. Используется как широкая, так и узкая трактовка термина "заимствование", причем последняя понимается как "процесс вхождения и адаптации заимствованной лексики и как результат этого процесса - собственно заимствованное слово" [4,с.6].

Формальными критериями ассимиляции являются графическое сближение и фонетическое уподобление русских слов и слов английского языка: *glasnost*, *gulag*, *samizdat*, *blat*, *perestroika*, *vzyatka*, *seksot*. При этом наблюдаются случаи колебания в звуковом и графическом облике слова: *'banya - ba'nja*, *ruble - ruble*, *'soreck - ko'pek*. На первом этапе вхождения транслитерированные русские слова функционируют как экзотизмы, основная коммуникативно-семантическая нагрузка которых - выражение экспрессии и создание национально-культурного колорита. Ср.: The people who went into the coops at the start were people who had done jobs *nalevo*, people who ... (Smith, 1991). В общем корпусе экзотизмов можно выделить наиболее популярные варваризмы, т.е. слова, имеющие синонимы в языке-реципиенте, но расширяющие его потенциал стилистического варьирования: *blat* - influence, *gulag* - prison, *brak* - junk, *chifir* - concentrated tea, *nachalstvo* - bosses, *narod* - masses, *vlasti* - the powers, а также наиболее частотные ксенизмы, т.е. номинации явлений и объектов, существующих только в стране-источнике: *payok*, *nalevo*, *propiska*, *apparatchik*, *nomenklatura*, *samizdat*, *valenki*, *urka*, *Gzhel*.

Степень грамматической адаптации русских заимствований находится в зависимости от возможности этих слов сочетаться с англоязычными средствами морфологического оформления. Под воздействием принимающего языка заимствование приобретает его грамматические свойства, вовлекается в парадигмы изменения английского языка: *everything is to be remoted*, *post-perestroika crisis*, *non-ruble zone*, *Sov's mentality*, *anti-vzyatka measures*, *babushkas*, *oblast' committee*. Случаи сохранения русскоязычной формы множественного числа комментируются, например, Х.Смитом в предисловии к его книге "Russians" (1976): "Whenever Russian words are well enough known to general reader to use correct Russian endings, such as "apparatchiki", I have done so. But where I thought the ordinary reader would be confused by grammatical endings, I made plurals by adding "s", as for *izbas*." Отдельные русские заимствования активно включаются в деривационные процессы языка-реципиента. Степень словообразовательной активности зависит от социальной значимости иноязычного слова: "I am a *glasnostic*. I was born a *glasnostic*, my parents are old *glasnostics* the way back. For me *glasnosticism*

is a way of life (Le Carre, 1990).

Основными центрами аттракции для новых заимствований являются: 1) общественно-политическая жизнь: perestroika, glasnost, gulag, com-mand-(administrative) methods, ideinost, kollektiv, komsorg; 2) экономика: goszakaz, dolgostroi, coop, kooperativ(shchik), limiti, khozraschet, brak, otchisleniye, pokazucha, shabashnik; 3) должностные и социальные категории: nomenklatura, apparatchic, shabashnik, seksot, stukach, nachalstvo, vlasti, chastnik, bomzh; 4) организации: Gossnab, MVD, militia, Voyentorg, ispolkom, gorkom; 5) социальные явления: blat, vzyatka, propiska, living nalevo; 6) культура: Dom Kino, house/palace of culture, Gzhel, Palekh; 7) административное деление: krai, rayon, oblast, khutor; 8) предметы быта: shapka, valenki, zhiguli, papirosi; 9) продукты питания, блюда: eskimo, blini, vareniki, kotleti, kasha.

Общий список новейших заимствований насчитывает около 100 единиц, и степень их ассимиляции различна. В научных текстах они употребляются без изъяснения, но, как правило, выделяются графически. Редакция журнала Soviet Economy (1992) сообщает своим авторам: A number of widely used and by now generally understood Russian terms need not be defined. These include: khozraschet, samofinansirovaniye ... Изучение документальной прозы и прессы также свидетельствует о высокой частотности русизмов и безизъяснительном характере их употребления: Gorbachev is justifiably regarded as the man who launched perestroika and glasnost, but is no longer capable of being the leader of both the reform and the nomenklatura and apparat (Smith, 1991); "... he is one of party apparatchiki." (New-York Times, 1991). Встречаются русизмы и в современной англоязычной прозе, тематически не относящейся к описанию советского и постсоветского общества: "Late at night old ladies in babushkas came to the morgue looking for their husbands and sons" (Doctorow).

С русскими заимствованиями происходит целый спектр семантических преобразований в процессе их функционирования в английских текстах: метонимический и метаморфический переносы: ladies in babushkas, spiritual gulags; расширение значения: party nomenklatura; сужение значения: command method; изменение значения: pravda - double deal. Заметным становится явление семантической индукции с русского языка в английский на основе калькирования: cultural thaw, command-administrative economy, frozen construction, shock therapy, unearned income, to write for the drawer, communal apartment, closed city.

Все эти и многие другие реалии-советизмы и новейшие номинации постсоветского периода проникают в английский язык по тем же, в принципе, каналам, что и англицизмы в русскую языковую среду. Русизмы постепенно усваиваются языком-реципиентом и проникают в круг понятий носителей английского языка, особенно тех, кто интересуется жизнью в странах, называемых ими FSU (former Soviet Union).

Заимствования обогащают не только язык новыми вариантами номинаций, но и менталитет нации, усваивающей иные реалии.

Список литературы. 1. A Dictionary of Foreign Words and Phrases in Current English, 1987. 2. Горбачевич К.С. Русский язык - прошлое, настоящее, будущее. - М., 1984. 3. Новикова Н.В. Звонкое иноязычие // Русская речь, №3, 1992. - с.49-55; №4, 1992. - с.56-61. 4. Обухова И.Н. Функционирование и словообразовательная активность англицизмов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Днепропетровск, 1991. 5. Ward D. The English Contribution to Russian // English in Contact with Other Languages. - Budapest, 1986. - pp.307-330. 6. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridged, 1986.

Поступила в редколлегию 1.03.1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Андреева О.П., Паповянец Э.Г. Внутренний гипотазис по линии развития значений у исчисляемых существительных в современном английском языке и его семантические и прагма-стилистические последствия.	3
Артемченко Т.Н. Функционально-семантическая специфика констатино-противопоставления в английской диалогической речи.	6
Бахарева Е.Н. Типы умозаключений в диалоге и роль коммуникантов.	9
Безуглая Л.Р., Шевченко И.С. Концепция прагматически ориентированной истории языка в трудах немецких лингвистов.	13
Беляева И.А. Высказывание субъективной оценки в формировании линии коммуникации "вопрос - реакция на него".....	15
Бондаренко Е.В. Имена с контекстно имплицированной темпоральностью с точки зрения актуального синтаксиса.....	17
Голетниани Л.Н. Прагматические особенности оформления побудительной интенции говорящего.	20
Григорьева Л.М., Колбина Т.М. О реализации категории авторизации на различных языковых уровнях.	23
Дмитренко В.А. Присоединительная конструкция в аспекте коммуникативного членения.	26
Дмитренко В.А., Соловух Л.В. Взаимодействие вербальных и невербальных элементов коммуникации в рамках присоединительных конструкций.	30
Дородных А.И., Рекало В.В. Проблема цельности и дискретности текста.	34
Ейгер Г.В., Маслова Н.И. Роль ксенологии в теории интеркоммуникации.	37
Ейгер Г.В., Пихтовникова Л.С. Композиционно-речевые формы в стихотворной басне (на материале басен XVIII века).	40
Залевская А.А. Некоторые актуальные проблемы теории методики обучения языкам.	45
Землянский П.Н. Речевое поведение мужчин и женщин в условиях аудиторных занятий.	47
Ильенко Е.Л., Григорьева Л.М. Особенности композиционно-содержательной структуры английского и немецкого публицистического текста.	50
Кедова Л.А. Ностратика: задачи и перспективы.	56
Колбина В.В. Интерпозитивні підрядні речення: аспект довжини.	59
Конакова Е.И. Категория желательности в аспекте диахронии и синхронии.	62

Кононенко Н.В., Слободкина И.М.

К вопросу о необходимости формирования аналитических 64

Кононенко Н.В., Луцко Н.Д., Емельянов Д.В.

Об особенностях сравнительного усвоения залоговых
глагольных форм студентами естественно-технических факультетов
(английский, немецкий, французский языки) 68

Ланецкая К.И., Науменко В.И.

К проблеме перевода паралингвизмов 71

Локшина Т.Ф.

Взаимообогащение русского и английского языков
на основе взаимствований 77

Коваленко А.В., Савченко М.М.	
К вопросу о действительности формирования аналитических	64
Коваленко Н.В., Дрозд Н.Д., Коваленко Д.В.	
Об особенностях сравнительного анализа языковых	
системных форм стилистически-художественных фактов	
английской, немецкой, французской языков	66
Коваленко К.И., Павлова С.И.	
К проблеме вербальной паралингвистики	71
Коваленко Т.Ф.	
Классификация русских и английских слов	
на основе семантики	77

